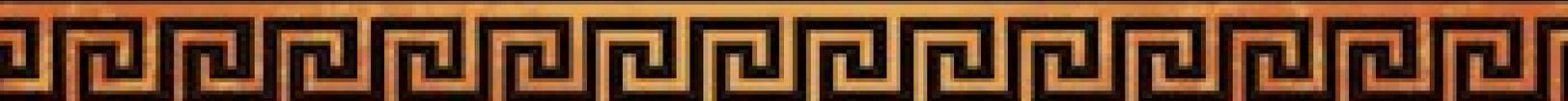

ПЛИОМИКОН

ТОМ I

ПЕШКИН АНТОН

На забытой всеми богами, ржавяющей планете Плиос юный выходец из племени кочевников-инженеров оказывается втянут в политические игры загадочных Архитекторов — властителей цехов и душ. Ему предстоит научиться выживать без помощи племени в темных, сырых тоннелях экуменополиса, понять бесконечные бетонные подземелья и людей, что никогда не видели солнца. Только ему, сбжавшему от рока судьбы, под силу разгадать тайны самых мрачных глубин планеты-завода.

Акт первый: Гидроцех, глава 1

Сильнее всего — неизбежность, ибо она властвует над всем.

Фалес Милетский

Рокот моторов, удушливая гарь и слепящее, злое солнце были вечными спутниками кочевников-петрамантов. Такова была доля этого племени — вечно скитаться от одного цеха к другому, от одной макромагистрали к другой, снова и снова... Куда бы ни призвали их, они шли, а под ними — рокочущие монструозные механизмы, творцы железа и бетона.

Длинный караван людей, кто пешком, кто верхом на строительных машинах — на некоторых люди сидели чуть ли не друг у друга на головах, — медленно, но уверенно продвигался вперед, по самому дну Южной Кориолисовой Расщелины, где ветра хотя бы не сбивали с ног. Тысячи людей разношерстной вереницей брели вперед, за зловонными, извергающими дым машинами. Впереди всех, верхом на МТ — чудовищах на гусеничном ходу, метров десять высотой, — вели за собой караван благородные. Все, как один, с тяжелыми, внушительными сварочными масками на лицах, в шлемофонах с радиопередатчиками — без них в таком шуме и собственных мыслей не услышишь. Их было немного, всего около сотни, ничтожная доля, если смотреть на караван в целом, да и многие из них были детьми и их матерями. За ними плебеи — народ попроще, неграмотные и не допускающиеся к учебе сверх простейшего счета и написания своего имени. Вся грязная и тяжелая работа, до которой благородные не опускались ни в коем случае, тяжкой ношей громоздилась на их сгорбленных спинах. И хоть им не разрешалось носить сварочные маски, символ власти и статуса, каждый закрывал глаза темными, плотно прилегающими очками, а лица их, загорелые и черные от копоти, были закрыты платками.

— Солнце в зените, — передал по рации один из благородных, высокий и длинноволосый мужчина в сварочной маске, прячущийся от палящих лучей в тени огромного манипулятора. — Керон, надо уходить в тень. Опасно это.

— Успокойся, Эол, — ответил ему сидящий на крыше кабины вождь, закутанный в красно-пурпурные ткани. — Идем как шли, по картам. Скоро будем.

С манипулятора на Эола смотрела пара глаз, скрытая под толстой маской, за экранирующим стеклом. На маске человека, на лбу, виднелась метка, отличавшая его от прочих — нацарапанная на металле трехконечная звезда, заключенная в треугольник. Мужчина лишь тяжело вздохнул и устало опустил плечи, но тот, кто свесился вниз с механизма понял все лишь по одной его осанке. Юноша присел рядом и выдернул шнур шлемофона из нагрудного передатчика, протянул его Эолу. Тот подключил его к своему.

— Первый раз вижу, как вы спорите, — голос юноши даже через хриплый динамик выдавал какую-то необъяснимую, тяжелую печаль. Некоторые, впрочем, назвали бы его заунывным.

— Это не спор, Техей, — отмахнулся Эол. — Просто Керону запудрила мозги та ведьма.

— Что она ему сказала?

— То, что он и хотел услышать, — усмехнулся Эол. — Пообещала скорый приход мессии, который поведет нас в землю обетованную. Вот он и торопится, думает, что здесь мы что-то найдем. О, смотри-ка!

Техей встал во весь рост, крепко держась за горячий гидравлический поршень рукой, скрытой под тяжелой огнеупорной перчаткой. Вместе с Эолом он смотрел на высокую,

больше ста метров в высоту бетонную стену, разделяющую Кориолисову Расщелину надвое. В самом низу виднелось нечто вроде ворот — тяжелая, огромная железная решетка, проржавевшая, но прочная. Над ней, в казавшихся крошечными окнами-бойницах, наблюдали за приближавшимся караваном десятки дозорных, вооруженные тяжелыми блочными арбалетами.

Двое переподключились обратно к радиопередатчикам, вслушались в речь, которую произносил для благородных вождь Керон:

— ...тихо и спокойно. Нас считают ворами и мошенниками — пусть. Без нас они все равно не обойдутся. Эти рыболобы сами могут разве что замок из песка построить, и тот будет кривой, как глаза Нехима.

Благородные, слушающие его, засмеялись — через рокот двигателей этого не было слышно, но зато Техей прекрасно видел, как подрагивают от смеха их плечи.

— В общем, вы меня поняли. Следите за плебеями, не давайте им спуска, и все будет нормально. Может, поработаем и уйдем, как обычно, а может... В общем, не подведите меня.

Почти синхронно благородные стали хлопать себя правой рукой по левому плечу — многозначительный жест, коим и здоровались, и прощались, и отдавали честь.

Машины, скрипя тормозами, плавно остановились у ржавых, массивных ворот. У каждого, кто видел их, в голове проступала отчетливая мысль о том, что снести их не составило бы труда даже для самого старенького, маломощного МТ — сказывался недостаток обслуживания. Никто, впрочем, не решился бы на такое, потому как племя петрамантов и без того не обладало хоть сколько-нибудь хорошей репутацией, а такие шутки и вовсе привели бы к скандалу, который грозил вылиться в гонения и этнические чистки. Такого не хотел никто, терпят и ладно.

Рокот моторов постепенно стихал, один за другим пилоты глушили монструозные машины. И когда, наконец, лишь ветер завывал в расщелине, Керон воткнул штекер шлемофона в разъем внутри кабины МТ. Знающие, привыкшие к такому члены племени заранее заткнули уши, а вот стражи врат поморщились от скрипа и писка, пару секунд рвавшегося из громкоговорителей.

— Мое имя Керон, я глава семьи Ортеан племени петрамантов. Архитектор, властвующий в этих цехах, воззвал к нам, и мы пришли.

Ответом была тишина. Наверху, в сторожке стражей, тихо, шепотом совещались люди. На самом деле, говорить тут было не о чем, петрамантов действительно ждали, и стражи лишь получали подтверждение приказа. Еще несколько секунд, и тяжелые ворота со скрежетом и скрипом стали медленно подниматься. Там, по другую сторону стены, кочевников-строителей ожидали несколько людей в хламидах со светоотражающими элементами поверх хитон-комбинезонов. В руках у встречающих были световые жезлы, которыми он указывали каравану путь направо, вглубь бетонной мегаструктуры, по темному, гулкому тоннелю.

Караван двинулся дальше, в земли тех, кто призвал кочевников. Мощные фары озаряли путь в темном бетонном тоннеле с ржавыми железными арками, напоминающими ребра гигантской змеи. Весь путь до цеха их сопровождали рабочие со световыми жезлами, направляли, чтобы гости ненароком не забрели туда, куда им идти не следует. И вскоре, наконец, в конце тоннеля забрезжил яркий солнечный свет, солнечные зайчики дрожали на стенах, испещренных фресками с изображением морских чудищ, древних кораблей,

отважных моряков.

— Вода. Чувствую, — прохрипели сотни шлемофонов голосом вождя Керона. — Ты был здесь, Эол?

— В молодости, господин, — ответил, нажав на кнопку на передатчике, мужчина. — Не самое крупное водохранилище на моей памяти, впрочем.

Бетонные стены расступились, и караван уставших, измученных дорогой людей оказался в просторном, простирающемся на многие десятки километров цеху, спрятанном от злых лучей под полупрозрачным экранирующим куполом, возведенным задолго до рождения кого-либо из тех, кто жил под ним. В центре круглого цеха располагалось большое, сияющее в лучах солнца озеро, и блики от вод его играли на стенах рукотворной пещеры. В воде плескалась рыба, плавали по дрожащей поверхности маленькие железные лодочки рыбаков. А вокруг — сады, сплошная зелень, такая густая, что в ней, казалось, можно было заблудиться. Громадный купол "зеленого" гидропонного отсека был рассчитан на создание экосистемы, на то, чтобы дать дома самым зажиточным из тех, кто был здесь сотни лет назад. Теперь же это пристанище племени, чья жизнь неразрывно связана с водой — гидроманты возводили среди зелени высокие шпильки многоуровневых шатров на железных каркасах, жались к стенам цеха, многие строились прямо в монолитном бетоне, выдалбливая в нем крохотные жилища. Были, конечно, и нормальные дома, из тех, что возводят по древним чертежам петраманты, но маленькие, тесные отсеки в них делились сначала надвое, затем еще, еще... Пока даже в коридорах бетонных панельных домов не стали жить люди, которых со временем становилось все больше и больше.

Навстречу каравану быстро плыли несколько больших, крытых моторных суден, среди которых выделялось особо то, что было впереди всех. Это был богатый, украшенный геометрическими узорами корабль с мачтой, на высокой палубе которого стояли двое — отец и дочь.

— Так вот они какие, отец? — негромко сказала девушка.

На вид ей было лет пятнадцать. Гибкое, стройное тело плотно обтягивал гидрокостюм, а поверх него на ней был полупрозрачный пеплос и длинный, тонкий шарф, развевающийся на ветру.

Отец, беспокойно глядевший вдаль, на приближающийся караван, опустил глаза на свою дочь. Он был стар. Непозволительно стар для того, у кого не было сына-наследника.

"Она станет вождем после меня", — думал он, глядя в голубые глаза дочери, на ее тонкое, аккуратное личико. — "Или же... Или нет. Но то потом. Все потом."

— Да, Тея, — он кивнул. — Грязные и неотесанные.

— Я не уверен насчет всего этого, господин, — неслышно подошел сзади тонкий, высокий человек, чье лицо было покрыто татуировками в виде морских созданий. — Петраманты имеют дурную славу, а семья Ортеан — еще хуже.

— Я тоже, — кивнул вождь, крепко сжимая перила.

— Мы могли бы справиться и своими силами, — мягко, тихо продолжал советник. — У нас есть схемы...

— Это уже не мне решать, — отрезал старик. — Есть вещи, которые мне неподвластны. Эта — одна из них.

Рокот машин пугал местных плебеев, трудящихся на многоуровневых гидропонных фермах. Люди в страхе разбегались перед металлическими чудищами кто куда, женщины хватали детей и уносили прочь, и даже крепкие, смуглые мужчины не решались встретиться

кочевников лицом к лицу. Лишь благородные из племени гидромантов, механики и чудотворцы, творцы пищевых систем, стояли у бетонного, крутого берега искусственного озера в церемониальных гидрокостюмах и узорчатых хламидах из синтетических волокон поверх них. Впереди всех был вождь, держащий в руке большой трезубец, со своей дочерью, смело взирающей на пришельцев.

Машины остановились. Пока плебеи кучковались позади, благородные быстро спустились на землю, некоторые разминали затекшие конечности. Керон, кивнув Эолу, вышел вперед. Техей наблюдал за ними издали, лишь подняв маску на лоб. В этот момент они с принцессой водного народа ненароком встретились взглядами, и хотя Техей, ее ровесник, сразу же отвел в сторону свои подведенные сурьмой глаза в сторону, Тея все продолжала с интересом его рассматривать как какую-нибудь диковинку, кои привозят в огромных количествах паломники племени. Оно и неудивительно — своими белыми как снег волосами, нездоровой кожей и красноватыми глазами юноша привлекал внимание и в своем племени, а уж у чужаков и подавно. Альбиносы редко выживали на Плиосе, а этот еще и был среди благородных.

— А где же Архитектор? — прищурившись под маской хрипло спросил Керон. — Неужели не почтил нас своим присутствием?

— Госпожа Бортеас отлучилась по срочному делу, — негромко ответил покрытый татуировками советник вождя гидромантов. — Она...

— Я, кажется, не с тобой разговаривал, — Керон нахмурился, повысил голос.

— Ну, приехали... — тихо вздохнул под маской Эол.

Конфликта, впрочем, не произошло. Вождь водного племени поднял в воздух руку призвав к тишине:

— Прошу простить нас, — он склонил голову, коротко, как велит сделать перед гостем обычай. — Пути Архитекторов неведомы простым смертным. Прошу, не будем из-за этого ссориться.

Керон глубоко вздохнул, коротким движением руки поднял маску на лоб. Под ней скрывалось лицо сурового, грозного человека, кудрявого и темноволосого, как и многие истинные петраманты. Рот его скрывала густая, аккуратно подстриженная борода, а взгляд черных глаз, подведенных сурьмой, скакал от одного человека к другому.

— Я Керон, вождь семьи Ортеан, племени петрамантов. Я пришел сюда со своими людьми по зову хозяйки этих земель.

— Приветствую тебя, Керон, и твоих людей. Мое имя Анкх, я вождь семьи Минос, племени гидромантов. От лица племени выражаю благодарность за то, что откликнулись на наш зов.

Все, кто наблюдал за этой сценой, мысленно выдохнули. Формальности были соблюдены, вожди пожали друг другу руки, обнялись, а значит, пока что насилия удалось избежать. Это была однозначно благая весть, дающая надежду на то, что все пройдет хотя бы не слишком напряженно.

Весь остаток дня кочевники занимались тем, что сооружали себе стоянку в транспортных тоннелях на южной стороне цеха. Им, разумеется, предложили остаться у озера, благородных даже пригласили в дворец вождя, высокими, беспорядочно разбросанными шпильями торчащий в самом центре водохранилища, однако петрамантам такая роскошь была чужда. Они привыкли селиться на отшибе человеческих поселений, вдали от производственных линий и цехов, там, где их никто не побеспокоит и где их плебеи

не побеспокоят местных. Гораздо привычнее им было рядом со своей техникой, в их жилищах из металлических листов. Да и расположиться им было легко — их жилища разбирались и собирались как детский конструктор, и обеспечивали нужную степень защиты от ветра, дождя и злого, не любящего людей солнца.

Впрочем, даже так они не могли избежать пристального внимания со стороны местных. То и дело плебеи гидромантов, делая вид, что чем-то заняты в темных, высоких рядах гидропонных ферм, отключенных от сети на ночь, наблюдали за чумазыми, грязными пришельцами. Среди водного народа вообще не было принято ходить грязными, а эти, казалось, не мылись вообще, хранили воду, как какую-то драгоценность. Воду, которой совсем рядом столько, что в ней можно спрятать целый город!

— Чего они делают? — кивнул в их сторону Техей, натягивая тросы, удерживающие брезентовую крышу над жилищем.

— Ай, не обращай внимания, — отмахнулся Эол и вытер рукавом нос, отчего лицо его стало лишь грязнее. — Это непонимание, только и всего. Если нас другие считают грязными, хитрыми и злыми, то этих — снобами с самомнением, как будто тут каждый сам по себе царь Александр!

С этими словами Эол, взрослый мужчина с длинной черной бородой и собранными в хвост длинными волосами, приложил к носу ладонь с оттопыренными пальцами, пародируя "напыщенных рыболобов":

— Посмотрите-ка, я живу у воды, среди деревьев! У меня всегда есть что пожрать, а водой я задницу мою! Вот такой я, а вы все ва-а-а-рвары!

Техей, глядя на него, невольно засмеялся, прикрыв рот ладонью. И даже смех у этого юноши был каким-то печальным, сдавленным, будто бы ничего действительно положительного не могло быть внутри него, одна лишь тоска и уныние. Но вдруг, смех его резко оборвался, он медленно сел на пол, обхватив руками колени. До боли прикусив губу, он уставился куда-то в вечерний полумрак гигантского цеха, глаза его беспорядочно забегали.

Знание, данное когда-то давно людям, мучило его. Формулы, принципы и законы, казавшиеся бредом несчастного, пронзали его голову, вызывали приступы паники, заставляли его раз за разом повторять то, что остальные боялись или попросту не хотели слышать.

— Техей? — негромко сказал Эол. — Техей! Опять, да?

Юноша не слышал его. Правая рука потянулась к болту, лежащему рядом, и он стал быстро, будто от этого зависела его жизнь, чертить на голом бетоне трехконечную звезду, вписанную в треугольник. Вслед за рисунком пошли формулы, знаки, которых не понимал никто, кроме него самого — спираль, тор, точки, соединенные множеством линий. Эол бросился к мальчику, попытался остановить его, но все было бесполезно — в его руках вдруг появилась сила куда большая, чем та, что была у взрослого мужчины. В отчаянии, Эол обнял его, крепко сжимая широкие юношеские плечи и нервно дыша в белые кудри мальчика.

— Тише, тише... — негромко сказал он. — Все, все закончилось... Тише...

И Техей действительно успокаивался. Когда очередная формула была выведена, когда уравнение было завершено, он выронил из рук болт, кончик которого был сточен о бетон. Он непонимающе огляделся, взглянул на Эола, обнимающего его, на чертежи и формулы.

— Оно зовет меня, Эол, — тихо, шепотом произнес он.

— Нет, нет... — мужчина покачал головой. — Это все бред, Техей. Бред. Нужно увидеть

лекаря.

— Лекарь мне не поможет. Как не помог до этого, и до того, и много раз до.

— Техей...

— Оно зовет, Эол. Скелет земли. Твердый разум.

И они замолчали. Сказать тут было нечего, правы были оба — Техею действительно нужно было увидеть доктора, но вряд ли очередной к нему визит хоть как-то поможет юноше. На краткий миг повисла тишина, прерываемая лишь отдаленными плесками воды, под действием силы притяжения одной из лун склоняющейся к западной восточной части водохранилища. Но очень скоро тишина закончилась, внизу, в зеленом цеху, послышались первые отзвуки кифары, тонкая трель авлоса — это Гелеф со своей дочерью Каяной готовились к празднику по поводу прибытия в цех. Такие устраивали всякий раз, как племя завершало долгий и трудный путь через заброшенные цеха, технические тоннели и помещения, дряхлые древние мегаструктуры.

— Иди к ним, — негромко сказал Эол. — А! Не-а, возражения не принимаются! Иди-иди, тебе надо отвлечься. Иди, я сказал, Техей!

Юноша тяжело вздохнул, надвинул на лицо тяжелую сварочную маску, но Эол, тепло улыбаясь, снял ее с головы юноши и похлопал его по спине.

Праздник уже начинался, когда Техей добрался до места проведения. Народ собирался у берега водохранилища, сотни и тысячи петрамантов-плебеев стягивались к освещенной строительными прожекторами площадке.

— Ага! — подкравшись сзади, на юношу набросился парень, старше его на год. — Вот и вылез белый мальчик из своего кокона! Что же это, бледная личинка стала прекрасной белой бабочкой, м?

— Не смешно, — угрюмо, коротко ответил Техей, поправляя сползшую с плеча полухламиду. — И вообще, тебя уже выпустили из-под ареста? Где браслет?

Парень усмехнулся, присвистнул, и к нему, виляя хвостиком, прибежала небольшая, полностью лысая собака, на лапе которой был закреплен мигающий красным огоньком браслет.

— Кремнос, — вздохнул Техей, осуждающе взглянув на друга.

— Ну чего? — ухмыльнулся тот. — Пусть половят, к утру все-равно вернусь.

— Нельзя так!

— Ага-ага, да, на жопе запишу, чтоб не забыть, — отмахнулся Кремнос. — Пошли лучше за мной, я тебе такое покажу!

Юноша схватил Техею за руку и потащил куда-то прочь от света и музыки, к которой тот изначально шел. На все возгласы и возмущения хулиган лишь отвечал, что новых песен они все-равно не услышат, а посмотреть тут есть на что.

И лишь стоило им уйти прочь, отойти от берега и скрыться в зарослях кустов дыхолистника, как у самой кромки воды забурлило, пошли круги. И из темной, холодной глубины стала медленно выныривать Тея, принцесса племени гидромантов, чья голова была полностью скрыта шлемом гидрокостюма. И лишь только она всплыла, выбралась на землю, как тут же сбросила надоедливый шлем и достала из прорезиненной сумки красивый, но достаточно скромный, "крестьянский" хитон из волокон канаводоросли. Быстро накинув его на себя, она, прячась в тени, стала опасливо пробираться поближе к празднику, который уже был в самом разгаре. Но не скрылась она от острого взора пришлых людей — кто-то вдруг схватил ее за руку, затащил в танец множества плебеев, что они кружили вокруг музыкантов.

Все громче играла музыка, парни и девушки разделились и лицом друг к другу отвешивали поклоны и причудливо двигали в воздухе руками — мужчины широкими движениями, а девушки поскромнее, коротко и элегантно. И когда пошли навстречу, когда ее подхватил высокий, поджарый парень с грубыми руками, Тея, не выдержав, звонко рассмеялась, отдаваясь чистому экстазу гремящего на весь цех праздника. Она танцевала и танцевала, плясала, как в последний раз, пока пот не вымочил ее до этого сухие благодаря шлему волосы.

И лишь когда она выдохлась, когда вырвалась, наконец, из яркого круговорота, лишь тогда вспомнила она, зачем пришла. Танцы и веселье, конечно, это хорошо, да и кочевники всем местным дадут фору по части веселья, однако ей хотелось еще раз взглянуть на странного, белого как снег юношу, которого она будто бы уже когда-то видела, но никак не могла вспомнить. И так же быстро, как пришла, она скрылась прочь, прячась в ночи, последовала за двумя мальчишками, сбжавшими куда-то.

А там, в ночной тишине, Кремнос подталкивал своего застенчивого товарища вперед, через густые, колючие заросли, покрытые прохладной росой. К берегу особенного водоема, куда им заходить никак не следовало.

Там, в неглубокой нише в бетоне, плескались в свете розовой луны молодые девушки, гибкие, тонкие, с чистой, сверкающей, будто чешуя, кожей. Они были из плебеев, это видно по их коротким волосам, но от того они не становились менее прекрасными — все-таки доступ к пресной воде и жизнь среди зелени делали людей красивее, не то что приземистые, сильные женщины петрамантов, вечно покрытые пылью, копотью и застывшим цементом.

— Ну и чего это вы тут делаете?! — воскликнула Тея, схватив мальчишек за шкурки и вытаскивая их из кустов.

Со стороны водоема послышались голоса девушек, они смеялись над пойманными парнями. Техей зарделся краской, в то время как Кремнос брыкался и посылал девам воздушные поцелуи, вызывая еще больший смех.

— Чего это вы, приехали, и сразу на нагих девчонок глазеть?! — воскликнула принцесса. — А ты-то?! Ты же из благородных! Как тебя зовут?!

— Техей... — опешив от такой резкости девушки, негромко ответил белый юноша. — Техей из... Из Ортеан.

— Ты..!

Но не успела она договорить, как их стали быстро окружать люди в одеждах стражей, с копьями и арбалетами наготове. Тут уже и Кремносу стало не до шуток — он шумно сглотнул, побледнел, полагая, что нарвался на серьезные проблемы. Техей же, как ни странно, был до неприятного спокоен.

— Тея! — воскликнул один из стражей, чья голова была скрыта коринфским шлемом. "Гвардеец Архитектора", — подумал Техей.

— Да все, все... — вздохнула девушка. — Плыву домой, да-да. Самим-то не смешно?

— Госпожа Тея, они...

— А они, — в разговор вдруг вмешался человек в маске сварщика, поигрывая плазменным резаком на длинном сопле в руке. — Пойдут с нами. Свое они получают, не сомневайтесь.

"А вот теперь", — пронеслось в голове у Техея. — "Дело пахнет керосином".

Тею и мальчишек оттеснили друг от друга, спрятали за спинами людей с оружием. Напряжение, казалось, все нарастало, люди молча смотрели друг на друга, готовые к тому,

что кто-то решит атаковать первым.

Силы были равны. Да, у гидромантов были арбалеты и копья, да только толстый, многослойный сварочный костюм болт не пробьет, а копьё не разрежет. Да и плазменные резак сварщиков, которые те использовали на манер копий... Попадет вода в сопло, и все, нужно сушить, работать он с водой в газосмеси не сможет.

— Да и черт бы с вами, бродяги... — сплюнул себе под ноги гвардеец, махнул рукой остальным. — Идем. Они себя еще покажут...

Гидроманты вместе с гвардейцем стали уходить прочь, грузиться в небольшую лодку. Петраманты пристально наблюдали за ними, не двигаясь с места. Все также доносились звуки музыки, хоть и чуть подусталые, ленивые.

— Пошли, парни, — глава бойцов-петрамантов похлопал Техея по плечу, откинул маску. — Завтра нас ждет работа. А с тобой, плебейский сын, будет разбираться капитан-надзиратель. Не для того Эол мальчишку воспитывал, чтобы ты его во всякую херню втягивал!

Лодка, тарахтя примитивным двухтактным двигателем, все дальше и дальше отдалялась от берега, пока не стала лишь маленькой точкой, чернеющей на фоне поблескивающего в свете луны водохранилища.

Через неделю работа уже кипела, всюду сооружались строительные леса, подпорки, инженерные конструкции там, где они требовались. Проект был, сказать честно, достаточно простым — племя, обитающее на самых нижних уровнях планеты-завода Плиос, зовущееся аэромантами, потребовало часть ценной влаги на собственные, никому не известные нужды. Архитектор же, что правил пищевым цехом, по какой-то причине практически сразу согласился на почти что грабительскую, крайне невыгодную для племени вод сделку. За время, что племя строителей пребывало здесь, властительница цеха так и не явила себя гостям, что было еще более странно.

— А вообще, странно это, — поделился своими мыслями один из благородных племени петрамантов, весь в полной рабочей экипировке, маске и термокостюме. — Катаскопии, следящие за гидромантами, как один твердят, что они ничего не получают за свою воду.

— Они получают воздух, — успокоил товарища Эол.

— Так ведь у них все зеленью засажено!

— Не так все просто, — мужчина усмехнулся, покачал головой. — Воздух у них свой, это правда. Но воздушные системы все управляются оттуда, снизу. Если аэромантов разозлить, они просто выкачают из цеха весь воздух.

— Мурашки от них по коже... — пробурчал другой. — Техей, ты-то чего притих?

Петраманты в круг расселись на небольшой площадке, подвешенной за стальные тросы на манипуляторе строительного крана. Подниматься нужно было высоко, и это был самый простой способ доставить людей наверх, на стройплощадку.

Когда Техей услышал свое имя, то словно бы вышел из глубокого транса — до этого он молча пялился в одну точку вдаль, на причудливый дворец, окруженный прохладными водами.

"Мы так не строим", — подумал он. — "Слишком... человечно."

— Ну... — протянул он, натянув маску на лицо. Так он всегда "прятался" от людей, когда чувствовал смущение. — Мне кажется, тут все сложнее... Архитектор ведь может легко отменить требование племени, если того пожелает.

— Твоя теория? — прохрипел другой строитель в старой, покрытой сетью глубоких царапин, маске.

— М-может они, ну... — Техей склонил голову, уже предчувствуя, что сказанное ему аукнется. — В процессе литокерамизации используется вода...

Все молчали. Разумеется, от юноши другого ответа никто и не ждал, но все-таки его слова были несколько... неприятны.

— Техей, — вздохнул Эол.

— Это не бред! — возмутился он. — Это...

— Литокерамики. Не. Существует. — каждое слово мужчина словно бы отчеканил на листе бронзы. — Это сказка, которую рассказывают маленьким детям. Нет и быть не может такого материала, который настолько прочный и меняется только из-за света.

— Я... — Техей порывался было что-то ответить, возразить, но взгляды, прикованные к нему, сбили с него всю спесь. — Ладно, как скажешь...

Но он знал. Он видел это. Галлюцинации, полные смысла для него, пусть и казались бредом сумасшедшего остальным, не могли быть простым помешательством. Он верил, что

знание, раз за разом пронзающее его голову, важно, что оно кем-то скрывается, возводится в ранг мифа...

"Архитекторами", — его мозг мгновенно подсказал кем. — "Они скрывают это... Скрывают ребра. Скрывают что-то, что-то важное."

Его приемный отец (который, впрочем, никогда себя так не называл), в этом был согласен с юношей. Архитекторы многого не говорят простому люду, скрывают очевидные, казалось бы, факты... Но не те, о которых думал Техей. Не мифический материал, не древние технологии. Это нечто другое, простое и ценное.

Наконец, длинная стрела крана вытянулась, словно длинношеее животное далекого прошлого, чуть склонился вперед, и люлька с рабочими зависла у гигантской, не меньше восьми метров в диаметре, трубы, нависающей над искусственным озером. Еще неделю назад здесь не было и намека на подобные конструкции, а сейчас механики уже соорудили сложную, мощную гидротурбину, которая будет перегонять жидкость по древним коммуникациям.

— Здесь уже все построено, — пояснял на совете Керон, тыча пальцем в тусклый экран с электронными чернилами, на котором застыло изображение карты коммуникаций этого района. — Лет сто назад, наши с вами деды все уже построили. Только потом, почему-то, трубу разобрали, и цех изолировали. Местные зажрались, почти не поставляли воду в другие цеха. В общем, нам нужно только все восстановить.

Схемы турбины были (с большим неудовольствием местных) получены из архивов гидромантов. Племена неохотно делились друг с другом технологиями, однако турбина эта была настолько сложна, что ни один, даже самый умелый из благородных водного племени не смог бы ее собрать. Дело было, в том числе, и в сложности сварных швов, и в правильном расчете размеров отдельных деталей при скалировании устройства.

— Любой дурак, Техей, может взять в руки сварочный аппарат, — снова повторил с ноткой гордости в голосе Эол, проверяя работу сопла плазменного пистолета, подкрутил длинную, тонкую трубку, тянущуюся к баллону с газосмесью. — Но никто, кроме нас, не сделает шов красивым и прочным. Вот поэтому нас и зовут.

Они часто работали вместе. Как-никак, а ремеслу Техея научил Эол, передал ему все свои знания и, по-сути, никого больше не подпускал к воспитанию мальчика. Благодаря этому, они работали как единый организм, понимая друг друга без слов, подстраховывая друг друга и друг другу помогая.

— М, — Эол коротко кивнул на большую деталь, которую нужно было приварить к механизму.

— Мгм, — кивнул Техей, полностью погрузившись в работу.

Ярко сверкала плазменная сварка, запахло газом и плавящимся металлом — запахи, с которыми каждый петрамант знаком с детства. И так везде, по всей длине огромной турбины, искусно подпираемой огромной бетонной аркой, возведенной, благодаря машинам, всего за несколько дней. Каждый проект петрамантов был, без преуменьшения, инженерным чудом.

— Как там Кремнос? — спросил между делом Эол.

Он волновался за Техея, потому как тот с трудом находил себе новых друзей. А Кремнос, мальчишка с богатой историей визитов к капитан-надзирателю, был для молодого человека не самой здоровой компанией. Единственной, впрочем.

— Его выпорол и отправили работать на отходы, — протянул, не отвлекаясь от сварки,

Техей. — Капитан-надзиратель сказал, что он там будет работать, пока запах дерьма в его кожу не вьестся на веки вечные.

Эол сдавленно засмеялся, покачал головой. Затем, когда длинный, сложный шов был, наконец, закончен, сдвинул маску на лоб, сел и глубоко вздохнул. Вскоре к нему присоединился и Техей.

— Как-то несправедливо получается, — доставая из поясной сумки свой завтрак, сухой гирос без мяса, завернутый в фольгу, начал он. — Вас так послушаешь, так все племена чуть ли не боги. Вон, гидроманты могут кого угодно без воды оставить, воздушники — задушить могут... А мы чего?

— Хм, — Эол нахмурился, думая, как правильнее ответить на вопрос. — Вопрос хороший. Вообще, весь Плиос, планета наша, находится в неприятном равновесии.

— Неприятном? — переспросил Техей, откусывая от гироса.

— Ну, что-то вроде. Как еще назвать ситуацию, где каждый может убить всех остальных? Вот ты правильно сказал, что и те, и те в своем гневе страшны, а гидроманты еще и думают о себе хрен пойми что. А остальные не лучше — электроманты, вон, без света оставят, и недолго ты протянешь. Термоманты вообще страшнее всех, сперва заморозят тебе весь цех, что пальцы потом собирать в тряпочку будешь, а потом...

— А пофом? — широко раскрыв глаза спросил юноша, жуя.

— А потом сожгут нахер, — резко, будто бы разрубая ладонью воздух, Эол махнул рукой.

— Так а мы-то что? — Техей проглотил большой кусок.

— А мы, друг мой, — Эол недобро улыбнулся. — Знаем где в их системах слабые места. Цеха-то им мы строили, а не они сами. Вот и получается, что одного нашего хватит, чтобы к херам собачьим их под бетоном похоронить. Это и есть неприятный баланс.

— А Архитекторы? — подумав пару секунд, спросил юноша. — Они что?

— Они... — вздохнул мужчина, почесывая густую бороду. — Знаешь, не задумывайся об этом. Вредные это мысли, и опасные. Есть они, и все тут. Решают что где будет.

Ответ Эола Техею совершенно не понравился. Юный, пытливый ум уже много раз бился об стену непонимания истинного предназначения Архитекторов, особой касты в сложной социальной структуре Плиоса. Они ведь ничего не производили, ничего не давали людям — лишь отдавали приказы, и порой очень жестокие. Не могли, как думал юноша, здесь быть такие люди, никто бы к ним не прислушивался. И, тем не менее, они были, и многими почитались чуть ли не как полубоги.

— Усиль стражу, — твердила одна из них. — Больше патрулей, больше глаз. Везде.

Фигура стояла в тени дворца вождя, конструкции из железа, бетона и ткани. Здесь было достаточно жарко, чтобы строить так, как душа того попросит, и потому дом этот отдаленно напоминал собой богатые дома людей далекого прошлого, жителей полумифической Эллады, не знавших в жизни ни забот, ни разочарований.

— Вы знаете этих кочевников? — тихо вопрошал вождь Анкх, не поворачиваясь к голосу.

— Хуже, — отвечала женщина в тени. — Их знаю не я одна.

— Думаете, они доставят нам неприятности, госпожа?

— Просто сделай так, как я сказала, — холодным, жестким, как сталь голосом повторила она. — И не задавай лишних вопросов. Я обо всем позабочусь.

За ходом разговора, прячась за шершавым, кривым углом, пристально наблюдала та,

кого теперь из дворца почти не выпускали. Принцесса Тея умоляла отца позволить ей пообщаться с народом, с кочевниками, утверждала, что сможет у них чему-то научиться... Но старый вождь был непреклонен. Слишком дикими, слишком непредсказуемыми были эти люди. Эти... сплошь воры, убийцы и торговцы дурманом. Нельзя ждать ничего хорошего от кочевников, это знали даже плебейские дети.

И все-таки Тею к ним тянуло. Ей хотелось узнать их, хотелось понять, прочувствовать жизнь так, как чувствуют ее они. Но пусть на других мог сработать ее волевой, вечно сердитый голос, для отца она оставалась все той же малюткой Те, что никак не могла перестать бояться глубины.

— А подслушивать — нехорошо, — раздался вдруг у нее за спиной, у самого затылка жуткий, приглушенный резиновым противогазом голос.

Тея подпрыгнула от неожиданности, едва сдержала крик. Существо, бесшумно подкравшееся к ней, буквально излучало опасность, а мертвые, мутные окуляры противогаза не позволяли увидеть даже глаз существа, говорящего женским голосом.

Аэроманты. Жуткий народец, живущий у самой кромки пригодного для дыхания воздуха. Ниже лишь углекислый газ, что копился столетиями, заполнял собой давно брошенные цеха, окутывал литейные, кузни, жилые районы... И все становилось инертным, тихим и безжизненным. Такими были и они, племя каннибалов и убийц, не пропускающих в свои цеха никого извне.

— Что такое? — могильным, едким голосом протянуло существо, склонив голову набок. — Принцесса испугалась?

Женщина в маске все приближалась, нависала над юной принцессой. Та отчаянно храбрилась, понимала, что слишком благородна для того, чтобы показывать страх, и все же ком подступал к горлу, а сильные плечи пловца едва заметно подрагивали от страха.

Но вдруг, когда существо уже потянуло свои худые, бледные руки с длинными тонкими пальцами к девушке, позади, из тени, раздался свист. Лицо, скрытое за противогазом, тут же обратилось туда, в темноту, откуда на эту сцену взирали два черных, сверкающих белками во тьме глаза.

— Прекрати, — сурово сказала Архитектор. — Наследнице я доверяю больше, чем кому-либо в этом племени. Больше не показывайся ей на глаза.

— Слушаюсь... — прошипели вытянувшиеся в широкую улыбку маньяка губы под маской. — ...сестренка.

С этими словами, существо накинуло на голову капюшон и быстрым, беззвучным шагом скрылось в глубине дворца. Архитектор же, скрыв лицо за маской, изображающей лицо в агонии, напротив вышла вперед, на свет. Это была высокая, статная женщина, которая словно пыталась скрыться от взглядов под массивным, тяжелым бурнусом. И даже так, просто находясь рядом с ней любой ощущал, что он под защитой, что отныне и впредь все будет в порядке.

"Все-таки Архитекторы... другие", — промелькнуло в голове Теи.

— А сейчас, — Архитектор подняла руку, высунула ее из-под плаща, и Тея увидела, что она вся была в шрамах от порезов. Указательным пальцем Архитектор показала на южное побережье водохранилища. — Займись тем, что умеешь лучше всего, Тея из Минос.

Принцесса не сразу поняла чего от нее хотят — чувства ее были направлены целиком и полностью сперва на жуткого аэроманта, а затем на Архитектора, возвышающегося перед ней. Но сейчас, прислушавшись, она поняла — воды доносят до нее звуки беспокойств, все

усиливающих в цеху. Там, на южном берегу, где больше всего сохранилось архаичных бетонных жилых сооружений, происходило нечто плохое. Слышалась ругань, неразличимые с такого расстояния возгласы. Назревал конфликт.

Быстро сбежав вниз по винтовой лестнице, Тея устремилась к причалу с катерами. Нужно было как можно скорее добраться до берега, прежде, чем начнется кровопролитие.

— ...позволь ей, — услышала она за спиной голос Архитектора, когда отвязывала швартовые.

Обернувшись, она увидела в дверях отца со стражей, а на его плече — израненная рука госпожи. По лицу старика Анкха было ясно, что эта затея ему не нравится, но голос Архитектора звучал ровно, спокойно, и спокойствие это передавалось вождю племени. Поджав дрожащие губы, он коротким взмахом руки приказал воинам разойтись, а затем ушел и сам, кинув на дочь последний, полный волнения взгляд.

Архитектор села в катер вместе с Теей, чем сильно удивила девушку. Госпожа не появилась даже когда прибыли гости, а теперь, почему-то, плывет с ней успокаивать взволнованных плебеев, да еще и совершенно без охраны. Конечно, Тея сразу вспомнила те истории, что она слышала — о великом боевом мастерстве каждого из Архитекторов, об их силе, прыти и неподражаемой хитрости. И снова мысли о человеке рядом успокаивали девушку, давали надежду на то, что все может закончиться хорошо.

Двухтактный двигатель ровно, тихо заклокотал, выбрасывая в воздух едкие облачка дыма. Тея взялась за румпель, прибавила скорости, и выкрашенная голубой краской лодка понеслась к южному берегу.

— Я планирую выставить твою кандидатуру, — негромко сказала Архитектор. — Думаю, ты понимаешь что это значит.

— Что? — Тея широко раскрыла глаза. Обычно о таком не говорили заранее. — Т-то есть как? М-меня?

Архитектор коротко кивнула.

— В тебе есть те качества, которые я ищу. Однако тебе нужно их раскрыть. Я недовольна тем, как твой отец вмешивается в твои дела.

— Я, но... Но почему я?

Архитектор молчала. Она сказала достаточно, и теперь у Теи была пища для размышлений. Теперь она могла решить для себя, каким она видит собственное будущее и что должна сделать, чтобы его достичь.

И пока лодка, тарыхтя двухтактным двигателем, исторгая из себя запах бензина и моторного масла, быстро приближалась к поселению, меж панельных домов, где располагалась общая кухня, все больше накалялась обстановка. Плебеи двух племен столкнулись меж собой, причина конфликта уже потерялась в череде бесконечных взаимных оскорблений, ругани и проклятий.

— Вас надо гнать, как прокаженных! — кричала женщина лет сорока, сверкая на солнце золотыми зубами. — Нелюди!

— Да вы, напыщенные, ухоженные нытики, даже не знаете что такое "работать"! — отвечал ей плебей-петрамант, мужчина средних лет, лысеющий, со страшной опухолью у виска. — Вы все — скоты без чести и совести!

— Да кто бы говорил про честь, бродяга!

— А ты вообще молчи, рыба безмозглая!

— Ах так, значит..?!

Вот-вот прольется кровь. Воздух, затхлый и неоднократно переработанный в цехах аэромантов, запах потом и злобой.

— Техей, мы в экипировке, давай по бокам! Держим, пока наши не придут! — выкрикнул Эол, бегущий вместе с воспитанником со стороны стройки.

— Понял! — выкрикнул Техей, надвинув на лицо глухую маску и на бегу меняя сопло плазменной сварки на удлиненное, превращая инструмент в грозное оружие.

Эол и Техей, двое благородных, стали оттеснять своих людей от племени воды, а тех — от своих. Видя оружие в руках петрамантов, некоторые и впрямь стали отступать, но вот со стороны озера прибежало несколько благородных гидромантов в полных гидрокостюмах со шлемами и с гидроружьями наперевес.

"Злое оружие", — подумал, взглянув на них, Эол. — "Струя срывает плоть с костей."

Техей шумно сглотнул, его дыхание стало нервным, тяжелым. В висках гулко ухала кровь, а где-то за затылком слышались голоса, которых нет.

— Дельта-стол, поправка на эффект психеи... — повторял он слова, что слышал в своей голове, и это немного успокаивало его. — ...а сколько же корень... Сколько же там корень-то...

Чисто рефлекторно, на автомате, он проверил силу плазменного потока. Ровное, фиолетовое пламя вырвалось из длинного сопла, словно наконечник копья. Вот только копье не плавило человека насквозь. Лишь бы хватило газосмеси, на стройке потратили... Ну ничего, можно аккуратно, вблизи. Его готовили к этому, учили сражаться, но никогда такой необходимости не возникало.

В ответ на пламя, кто-то из гидромантов вышел вперед, оттесняя плебеев. Выстрелил тугой, мощной струей воды в бетонный пол перед собой, и на нем осталась глубокая бороздка как раз там, где прошла струя. Техей нервно сглотнул и еще быстрее стал перебирать в голове формулы, уравнения...

— Тц, суки... — прохрипел про себя Эол, постучал кулаком по барахлившему передатчику. — Давайте сюда все, сейчас прольется чья-то кровь.

— Бросайте оружие! — выкрикнул один из гидромантов и поднял дуло ружья, наставляя его на Техея. — Нас больше!

— Ага, ублюдок, давай! — рыча, выкрикнул Эол, и для убедительности выкрутил один из переключателей на максимум, выпустил огненный шар в воздух, словно из огнемета. Температура у него, правда, была неопасная. — Как думаешь, скольких из вас мы успеем порешить?

Раздался гулкий звук удара металла о бетон. Катер с принцессой причалил, все собравшиеся невольно взглянули на источник шума, но лишь на секунду, боясь внезапной атаки.

— Стойте! — властно, громко закричала девушка, выбегая вперед и становясь между враждующими сторонами. — Немедленно остановитесь!

— Тея! — выкрикнул Гидромант, однако ему на плечо положила руку Архитектор, и он замолчал.

Техей и Эол переглянулись. Старший кивнул, и оба перекрыли подачу газосмеси на сопло, пламя исчезло. Гидроманты опустили свои орудия.

— Разве так мы встречаем гостей, сородичи?! — строго, сердито прикрикнула Тея. — Разве так встречаем тех, кого сами и позвали?

Толпа оставалась безмолвна. Плебеи виновато опустили головы, и лишь один

маленький мальчик, держа мать за руку, с интересом разглядывал принцессу.

— Вы повели себя как стадо невоспитанных варваров, гидроманты! Будь на то моя воля, я бы отправила каждого под сухой купол на неделю!

Один, впрочем, решился высказаться. Плебей, молодой мужчина, поднял коротко бритую голову и возразил, робко:

— Кочевник... украл.

Тея обернулась теперь к петрамантам, столпившимся с другой стороны. К ним прибывали благородные в полных облачениях, готовые к бою. Среди них был и Керон.

— Это правда? — холодно, со сталью в голосе спросила девушка.

От ее голоса у Техея кровь стыла в жилах, а по загривку бегали мурашки. Невольно он поймал себя на мысли о том, что и сам бы повиновался ей, если бы она отдала ему приказ — Тея была прирожденным лидером.

— Мое дитя голодало, — начал оправдываться один из кочевников, чье смуглое лицо было замотано платком. Из уважения к принцессе он приспустил ткань, открывая взору изуродованную болезнью рябую кожу. — Я попросил еды у этих людей, мой стройотряд занимался ремонтом их жилища, но нас прогнали.

— Его спровоцировали, — вперед вышел Керон, откинувший маску на лоб. Он был зол. — Плиомикон гласит, что виновен ваш человек.

"За своих Керон стоит горой", — подумал Техей с какой-то необъяснимой гордостью.

— Если бы он обратился к благородным — да, — кивнула Тея, но нахмурилась будто бы даже сильнее Керона. — Но он и сам преступил закон. Виновны оба.

По толпе что с одной, что с другой стороны пробежались недовольные, возмущенные возгласы. Впрочем, стоило только Тее поднять вверх ладонь, как все замолчали, слушая ее.

— Закон един для всех. Плебей не должен нарушать его даже в том случае, если его вынудили. Плиомикон, закон полиса, суров, но справедлив. Виновны оба, и наказание они понесут соразмерное.

— Наказание за воровство... — прошептал под маской Техей.

— ...отрубание руки, — подытожила Тея.

Вердикт ее поразил всех. Красота и хрупкость ее прелестного личика резко контрастировала с суровым приговором, который она выносила, казалось, совершенно спокойно, без тени сомнений. Впрочем, девушка едва справлялась с тем, чтобы подавить дрожь в теле. Она знала, что приговор исполнять ей и никому более.

— Пусть наш человек исполнит приговор для нашего плебея, — поднял руку Керон, вскинув сопло резака на плечо. — Техей, тебе пора научиться держать плебеев в строгости.

Все взгляды устремились на него. Сердце у юноши замерло, он не мог вымолвить ни слова. По спине побежал холодный, липкий пот.

— Я-я..?

— Ты, ты, — кивнул Керон. — Газ остался?

— Господин! — воскликнул Эол, вставая между ним и своим воспитанником. — Прошу тебя, Керон, он слишком юн для этого!

— Он достаточно взрослый для того, чтобы научиться нести ответственность за стадо, — раздраженно прохрипел вождь петрамантов. — И раз ты не желаешь его учить, так племя научит. Техей, газ!

Юноша стоял как вкопанный, не зная что ему делать. Его руки дрожали, как сухой лист на ветру, и он стал медленно подносить к лицу, скрытому под маской, датчик давления.

— Керон, прошу тебя! — взмолился Эол.

— Уведите его! — гаркнул вождь, и Эоола тут же взяли под руки, уводя прочь. — Техей!

— Е-есть... — дрожащим голосом тихо ответил юноша. — Остался...

— Хорошо, — кивнул Керон.

С другой же стороны, на плечи принцессы надели тяжелый рюкзак с баллоном тяжелой воды под давлением. Она гордо смотрела на своих людей, умело скрывая свое волнение и страх. Лишь ее частое, нервное дыхание выдавало ее, но никто из плебеев этого не замечал.

На середину круга поставили двух преступников, лицами, обращенными к их племенам. Техей и Тея встали спина к спине, оба чувствовали страх друг друга.

— Молчи, — процедила она сквозь зубы. — Выпрямь спину и не показывай свой страх.

— Но, я... — на выдохе произнес Техей.

— Мне тоже страшно, — честно призналась она и гордо подняла голову, вскинув гидроружье.

Техей последовал ее примеру, машинально проверил сопло, пламя. Плебей, стоящий на коленях, вздрогнул, услышав, как щелкает пьезоэлемент, как пламя охватывает плотный поток газа.

— Привести приговор в исполнение, — негромко, будто бы успокаивающе сказала Архитектор.

И почти синхронно дети, не знавшие до этого насилия, лишили рук своих соотечественников, своих соплеменников. Поток плазмы буквально расплавил кожу, плоть и кость, оставляя лишь обугленный обрубок, не кровоточащий, но безумно болезненный. Мужчина, истошно закричав, упал наземь, держась здоровой рукой за обугленную культю, из глаз его брызгали слезы, на бетон стекали слюни и сопли.

Тея же нажала на спусковой крючок, тугой и надежной, потоком воды отсекая кисть руки преступнику, отказавшемуся накормить гостя. Закон был суров, и незнание не освободило его от ответственности. Он был обязан накормить петрамантов, но отнесся к ним с пренебрежением, и теперь тугая, мощная струя воды отсекала плоть с его руки, оголяя покрытую кровью кость, а затем разрезало и ее, и изуродованная конечность шлепнулась на холодный, мокрый бетон под крики агонии ее бывшего владельца.

Архитектор коротко кивнула. Тея, тяжело дыша и раздувая от волнения ноздри, сумела кивнуть в ответ. Техей же, бросив плазменный резак болтаться на поясе, упал на четвереньки и, едва успев снять маску, исторг из себя гирос, съеденный утром. Его кожа, бледная от природы, теперь была похожа на чистый снег, а глаза безумно вращались в глазницах, широко раскрытые.

Архитектор беззвучно, молча ушла прочь, и лишь когда все это осталось позади, обернулась, коротко сказав:

— Вот почему ты, Тея.

"Приходи ночью к виноградным фермам, один", — гласила записка в руках Техея.

Вместе с товарищем Кремносом он сидел на самой вершине почти законченной трубы для подачи огромных объемов воды вниз, в цеха аэромантов. От друга разило отходами жизнедеятельности, хотя, по его словам, он старательно пытался отмыться, но Техей не обращал на это никакого внимания.

— Слушай, ну я бы пошел, — пожал плечами хулиган, поглаживая лысую собаку, мирно спящую у него на руках. — Не так много у тебя интересного в жизни происходит.

— Ты издеваешься? — скрипящим, вздрогнувшим голосом воскликнул Техей. — Я человеку руку отсек! Да я теперь из дома носа не высовываю чтоб с его семьей не встретиться!

— Ну-у-у, пф, — Кремнос махнул рукой. — Он сам виноват. В том, что попался, имею в виду. Ни один нормальный петрамант...

— Замолчи ты уже, — буркнул благородный. — Тошно от тебя уже. С собой не сравнивай других.

Кремнос усмехнулся, согнал с колен собаку и выпрямился, заглядывая Техею в глаза с лукавой улыбкой во взгляде. От такого взгляда альбиносу стало не по себе и он отвел взгляд, смущенно спросил:

— Н-ну чего?

— Ты отрицаешь очевидное, друг мой. Факты, я бы сказал.

— Какие еще факты?

— Он ведь не за правосудием к вам, благородным пошел. А воровать. Это в крови у нас, признай.

— Я никогда ничего не воровал, — буркнул Техей, беспокойно разглядывая цех внизу.

— Ну так ты ж найденыш, ясное дело, — Кремнос хлопнул товарища по спине так, что тот чуть не свалился вниз, с трубы. — Вот и не ворует. А мой дед вот как-то говорил...

— Дурак твой дед, — благородный вздохнул и снова взглянул на записку.

Почерк был слишком уж красивым и аккуратным для плебей. Да и вообще, плебей, пожалуй, такой сложный текст написать бы попросту не смог — во всяком случае в племени петрамантов их знания жестко ограничиваются тем, что необходимо им для выполнения работы. У гидромантов ситуация могла быть иной, однако, все же, вряд ли у плебеев, вкальвающих на гидропонных фермах, есть много свободного времени для того, чтобы выработать у себя такой аккуратный почерк. Из всего этого следовало то, что зовет его никто иной как кто-то из благородных гидромантов — записку принес мальчик лет пяти именно этого племени, не свой.

— Ну а отчим твой что говорит? — спросил, наконец, Кремнос, вырвав Техея из транса.

— Я ему не говорил, — честно признался тот. — Он меня к лекарю водил. Наверное, подумает еще, что я сам это написал, и вообще тогда из дома выходить не буду.

— Чего лекарь говорит?

— Он... — Техей вздохнул. — Да все как всегда. Говорил, что раньше мою болезнь умели лечить, был препарат. Мол, изучено все было еще с тех времен, как люди в космос впервые полетели. Но вот лично он не знает как мне помочь, да и лекарств таких нет. Дал, вон...

Техей потряс небольшой пластиковой баночкой, которую достал из поясной сумки. Внутри трещали какие-то таблетки.

— Кайфовые? — ухмыльнулся Кремнос.

— Витамины, — расстроил его Техей.

Какое-то время они просто молчали. У каждого на уме было что-то свое: Техей думал, идти или нет, а Кремнос планировал в голове очередную пакость. Конечно, мальчик он был не злой, но, как они сказали, в нем бурлила кровь петрамантов, которая (так он, во всяком случае, оправдывался) толкала его на рискованную дорожку преступлений.

— Так, — вздохнул он, не выдержав гнетущей тишины. — Пошли-ка.

— Куда?

— Тебе надо отвлечься, мой белоснежный друг.

Техею это уже не нравилось. Очередная проказа Кремноса грозила еще большими проблемами, а племя и так уже стояло на ушах после сурового приговора местной принцессы. Все спешили побыстрее закончить работу, получить положенное продовольствие, воду и убраться подальше, пока не началось что-то похуже. Что-что, а проблемы петрамантская кровь позволяла чувствовать задолго до того, как они начнутся. Впрочем, тут, может быть, дело в том, что проблемы преследовали это племя постоянно.

— У тебя же плазмак с собой? — спросил Кремнос товарища, когда они спускались по технической лестнице.

— Ручной, — ответил Техей. — Там газа секунд на двадцать.

— Сойдет, сойдет, — ухмыльнулся Кремнос. — Пошли давай.

Техею это уже не нравилось. Да и все, пожалуй, что придумывал Кремнос ему не нравилось — ну не помнит благородный чтобы у этого чумазого парнишки были хорошие, не рискованные идеи. Но эта оказалась особенно отвязной.

— Ну нет, — фыркнул Техей, скрестив руки на груди. — Не я тут поехавший, а ты.

— Да давай уже, врубай! — шипел на него в ответ Кремнос, поглаживая рукой толстую железную решетку. — Давай, все Крыс сделает, тебе надо только решетку прорезать! Не ломайся ты, у нас времени нет!

— Да твою же...

И снова Техей взглянул на решетку, отделявшую цех от отдельного, прохладного подвального помещения, в котором тускло светилась одинокая, свисающая с потолка лампочка накаливания. И в свете ее приветливо сверкали аккуратно уложенные на сваренных из железных арматур полочках полные отборного вина бутылки без каких-либо этикеток и обозначений.

— Ладно, ладно! — громким шепотом воскликнул Техей. — Все! Заткнись!

Юноша снял с пояса маленький пистолет плазменного резака, от которого тонкая трубка, подающая газ, тянулась в миниатюрному баллону за пазухой. Ни один благородный не выходил из жилища без сварочного инструмента — традиция.

"Забавно, мы не называем наши укрытия домами", — почему-то подумал Техей. — "Жилище. Временное пристанище. Что такое дом?"

Кремнос тряхнул его, Техей сразу пришел в себя. Проверил по привычке интенсивность пламени, пару раз коротко нажал на спусковой крючок, подкрутил пару регуляторов и, шумно сглотнув, принялся резать решетку. Металл пузырился, светился в полумраке, плавился и стекал вниз. Прореха в решетке все расширялась, и вскоре стала достаточно большой, чтобы в нее протиснулся лысый пес.

Лишь только металл остыл, Кремнос подтолкнул собаку вперед, шикнув на него: "Давай, Крыс, мальчик, давай!", и пес побежал. Принюхивался, осматривал одинаковые бутылки, озадаченно скручивая лысый хвост в кольцо, метался вперед и назад... И, наконец, схватил одну из них, понесся обратно к хозяину, шумно фыркая и царапая неухоженными когтями бетонный пол.

— Вот молодец, молодец! — довольно прошептал Кремнос, тиская пса и забирая из его пасти бутылку.

Позади ярко загорелся огонек фонарика. Раздался топот, приглушенный мягкой почвой, покрытой низкой травой. Кремнос хлопнул пару раз Техея по плечу и, стараясь не шуметь, на карачках стал уходить прочь. Благородный тут же хвостиком последовал за ним, едва успев прежде, чем свет фонарика выхватил в вечернем полумраке оплавленную решетку крошечного окна, ведущего в подвал. Но никого там уже не было — мальчишки бежали во весь опор вдоль внешней стены цеха. Дыхание сбивалось, глаза слезились от влажного ветра, быщего в лицо, но они бежали, бежали, пока не оказались в пустом, гулком вентиляционном тоннеле, где так мерзко свисали с потолка склизкие "бороды" паразитического пемалиша, что никто не рискнул в нем поселиться.

— Фух! — выдохнул, посмеиваясь, Кремнос. — Ну ты и оторва, дружище.

— Это была твоя идея! — возмутился Техей. — И оторва — про девушку говорят!

— Да пофиг, — хулиган отмахнулся, зубами вытащил из горлышка бутылки пластиковую пробку с приятным звуком "чпок". — Победа это, друже! И... Погоди...

Кремнос поднес бутылку к носу, принюхался. Тут же его лицо скривилось в отвращении.

— Крыс! Это уксус, не вино!

— Гав! — отвечал пес, довольно виляя хвостом.

— Тупёс ты, Крыс, — разочарованно вздохнул мальчишка, выбросил бутылку вглубь тоннеля. — Глупотное.

— Глупотное? — переспросил, склонив голову, Техей.

— Глупое животное. Глупотное.

Кремнос покачал головой и горько вздохнул. Пес заскулил, и сердце юноши не выдержало, он принялся лениво, медленно его гладить, пытаясь успокоить. Вновь над скромной компанией повисла тоска и скука, каждый вновь был погружен в свои мысли. И хотел Кремнос подбодрить товарища, но понятия не имел как — единственный его план провалился, а шастать и пытаться вытащить вторую бутылку было слишком рискованно. Как-никак, а рук у Кремноса всего две.

— А девчонки тут красивые все-таки, а? — вдруг ни с того ни с сего улыбнулся он, мечтательно глядя на отблески вод на бетонных сводах цеха. — Ну признай, признай.

Он все ухмылялся, тыкал локтем Техея в бок. Тот терпел, но недолго — все-таки сдался и сдавленно, печально усмехнулся, вздыхая:

— Ага...

— Потому что едят нормально, — вынес вердикт Кремнос. — И не делают нифига.

— Еду выращивают.

— Пф, тоже мне, нашел дело. У меня сестра в семь лет мешок цемента на голове таскала, а эти с цветочками заняты.

— Каждому свое, — Техей пожал плечами. — Но красивые, да.

В мыслях Техея невольно промелькнуло аккуратное, милое личико Теи. Он тряхнул

головой, отгоняя столь странные, даже бредовые мысли — не до того было, да и слишком они разные, несовместимые. Да, красивая, но это еще ничего не значит. А вот ее стойкий, жесткий характер... Вот это да.

Он вспомнил, как она успокаивала его на исполнении приговора. Сама дрожала как осенний (хотя что такое — осень?) лист на ветру, а говорила ему, чтобы выпрямил спину, выглядел гордо. Знает она, понимает как нравиться народу. Лидер, как есть, за такой не стыдно и в огонь, и в воду, и в медные трубы.

Невольно, парень сжал кулак, стиснул челюсти, собираясь с силами. Он нахмурил аномально белые брови, прикусил губу и шумно выдохнул.

— Ну нет уж... — прошипел он себе под нос.

— Чего? — взглянул на него товарищ.

— Хрен там. Не будет какая-то принцесска озерная смелее меня, Кремнос!

— Вот это настрой! Ну, так и чего делаем?

— Ты — спать! А я пойду. Пойду, кто бы там ни был. И, если что, таких... кхм... лещей навалю, что аж на полюсах слышно будет!

Взяв себя в руки, юноша уверенно, быстрым шагом пошел прочь под медленные, ехидные хлопки своего друга. Кремнос это не со зла, впрочем — просто очень любил подшучивать над людьми, и даже Техей не был исключением.

Благородный из петрамантов быстро пролетал мимо гидропонных ферм, жилых шатров, панельных домов... Было уже почти темно, на улицах цеха зажигались примитивные, грубые фонари с тусклыми лампочками накаливания. Юноша не замечал никого и ничего вокруг себя, был полностью погружен в свои мысли. Его мучал вопрос о том, кто мог позвать его на разговор и чем это могло обернуться. В конце концов, такая секретность была чем-то из ряда вон выходящим, и такие приватные разговоры замышлялись исключительно для обсуждения заговоров, имеющих место быть в племенах Плиоса. И все же, даже если ему грозила опасность, даже если сердце ухало в груди от волнения, он не мог поддаться собственному страху, он чувствовал, что должен прийти туда.

"Они ведь ждут", — думал он. — "Неприятности. Невежливо задерживаться."

Такая глупая мысль придавала ему сил, успокаивала.

Моральная битва с храброй девушкой, впрочем, была проиграна с самого начала — это он понял, когда впереди замаячили многоуровневые виноградники. В тусклом свете длинных люминесцентных ламп, питание которых было выкручено на абсолютный минимум ночью, стояла она, принцесса Тея. Какая уж тут храбрость, что тут доказывать, если он с трудом взял себя в руки чтобы лишь прийти сюда, в то время как она отважилась его позвать.

Техей шумно сглотнул, приближаясь к благородной. Почему-то он нервничал теперь еще больше, и, наверное, подумал он, был бы куда спокойнее, если бы на него просто готовили покушение. Он был одет в легкий, свободный хитон-комбинезон и плащ-дзуббу — такой одеждой петраманты и выделялись среди прочих племен, они будто бы нарочно шли против общепринятых стандартов эллинистической моды. Впрочем, это была лишь необходимость, потому как кочевникам часто приходилось бывать под прямыми лучами солнца.

Однако, несмотря на легкую, свободную одежду, чувствовал себя Техей сейчас так, словно был одет в полную сварочную экипировку — неудобный, толстый многослойный костюм, ограничивающий движения, жаркий и тяжелый... Во всяком случае, потел он так же, как и в своей рабочей экипировке. И лишь стоило ему об этом подумать, как одна мысль

сменилась другой, еще более безумной и волнующей — под взглядом Теи он почувствовал себя абсолютно голым. Ни одна из девушек племени не будоражила его разум так, как это делала принцесса одним лишь своим присутствием.

— Ты оглох? — нахмурилась она, и Техей вдруг выпал из своего привычного, просторного состояния.

— А? — он подался вперед, прищурившись.

— Да чтоб тебе в моче захлебнуться... — тяжело вздохнула девушка.

Она быстро, неожиданно сделала пару шагов навстречу юноши, а затем... Бах! Ладонь ее с громким, пожалуй, даже слишком громким и звонким шлепком оставила красный след на его щеке, приводя молодого человека в чувство.

— Приди в себя! — воскликнула она и тут же опасно огляделась. — Твоя жизнь в опасности!

— Чего? — снова, вызывая раздражение Теи, раскрыл рот Техей. — Как?

— Вот... — процедила принцесса сквозь зубы. — Задом об косяк, понятно?! Ты ведь приближенный вашего вождя!

— Нет! — воскликнул, выдохнув, юноша. — Мой... Мой воспитатель с ним в хороших отношениях, но я с господином Кероном толком не разговаривал даже!

Тея задумчиво склонила голову набок, прикусила губу. Выходит, ее расчеты все-таки оказались неверны. Это плохо, катастрофически плохо. Сейчас ей ни в коем случае нельзя было ошибаться — слишком многое было на кону.

— Это... странно, — протянула она, хмыкнув себе под нос.

— Ничего странного, — буркнул Техей. — Я вообще не из племени, меня усыновила семья Ортеан.

— Да не про это я, — девушка отмахнулась и, казалось, погрузилась в еще более глубокие раздумья. — Дело в том, что я должна тебя убить.

Техей молчал. Лишь широко раскрывшиеся глаза выдавали его шок, но Тею его мнение не волновало абсолютно.

— Во всяком случае я так думала. Не могли тебя поставить туда случайно. Архитектор... Чего же она хочет от меня?

— При чем здесь Архитектор?

— Много вопросов задаешь, белый. Так знай же, что я — избранница нашей госпожи, претендентка на то, что куда больше, нежели место вождя крохотной семьи в самой глуши Плиоса. И она чего-то ждет от меня... Но чего? Я была уверена что мне нужно было убить тебя!

С этими словами она разочарованно бросила на землю короткий, сверкающий в свете ламп кинжал. Техей шумно сглотнул, рефлекторно, на всякий случай, положил руку на рукоять плазменного резака, висящего на поясе.

— Все было рассчитано... Дать твоему дружку-плебею узнать где хранится вино, подождать, пока он подговорит тебя истратить весь газ на решетку... Черт!

Техей нервно взглянул вниз, на крохотный датчик давления. Баллон был пуст, Тея действительно предусмотрела все это.

— Иди отсюда, — она махнула рукой, резко и раздраженно. — Твоей семье все-равно недолго осталось. Иди же.

И Техей пошел. Сперва медленно, не поворачиваясь к ненормальной, но прекрасной девушке спиной. Затем все быстрее и быстрее, пока не перешел на бег. Он бежал, неся по

цеху сломя голову, ничего перед собой не видя. И будто бы весь мир вмиг стал опасным, жаждущим крови — недолго осталось, недолго осталось...

Ночь была спокойной. Лишь загулявшие подростки из местных плебеев кое-где сидели на плоских крышах панельных домов да на берегу водохранилища, и все, как один, глядели вслед убегающему белобрысому юноше. А он их и не замечал — только бежать, бежать, как можно быстрее, меж длинных рядов ферм, мимо шатров и мрачных зданий из бетона. Туда, где спали в обнимку с манипуляторами, ковшами и колесами свои. И только Керон со своими приближенными, в том числе и Эолом, не спали — совещались, склонившись над картой, отпечатанной на электрочернильном экране, в свете тусклой, подвешенной на проводе лампочки.

— К-Керон! — выпалил Техей, вбегая в шатер, ставший передовым штабом. — Беда!

— Уже? — прохрипел вождь, и все взгляды устремились на юношу.

— Нам... Мхм... Что-то происходит! Будет бойня! Я...

Все, кто был сейчас в шатре, тихо, вежливо засмеялись. Никто не потешался над глупостью и юностью Техея, нет — скорее было забавным то, как он страшился грядущего, нервничал, как отчаянно пытался предупредить.

— Молодец, парень, — Керон небрежно потрепал его по голове, взъерошивая и без того непослушные волосы. — Молодец, что сразу к нам пошел. Мы знаем, Техей, но все-равно молодец.

— З... Знаете? — он поднял алые глаза на вождя.

— А что бы я за вождь был, если бы не предвидел такое? — усмехнулся он. — Эй, Никос! Как там паренек держался?

Из темноты в шатер, вслед за Техеем, ввалился толстый, широкоплечный мужчина в легком плаще-дзуббе, капюшоне и с полноценным боевым резаком на плече.

— Да нормально, — улыбнулся он большими, жирными губами, отчего на щеках появились ямочки. — Чуть не обоссался перед девчонкой, правда, но в общем и целом... Ну да.

Керон усмехнулся. Техей непонимающе смотрел то на него, то на Никоса.

— Вы следили за мной? — ахнул он, осознавая, наконец, всю глубину заговоров, шпионажа и контршпионажа, творящихся с момента прибытия.

— Не следил, Техей, а прикрывал, — Никос ткнул его в плечо локтем, подмигнул. — Эол должен был тебя такому научить.

— Ладно, ладно, все, не наседайте на него, — Эол, наконец, вышел вперед, подошел к своему воспитаннику. — На него и так много всего навалилось.

— Но пора бы его уже посвятить в наши планы, — жестко отрезал Керон. — Парню надо учиться. Он, может, еще всех нас переплюнет. Давай-ка, сынок, подходи к карте, мы как раз начинаем.

Техея обурежала целая масса эмоций, от которых щеки его зарделись краской. Волнение, страх, гордость, злость и чувство братства — противоречивые ощущения мешали нормально дышать, заставляли кровь шуметь в ушах, а руки мелко подрагивать. Он сделал шаг вперед, чувствуя руку своего воспитателя на плече. Нет... руку отца, пусть и не родного. Руку отца, который наверняка боялся за Техея больше всех этой ночью... Но доверился и ему, и племени. Техей чувствовал тепло, исходящее от Эола, но сильнее всего — гордость.

— Кхм, — прокашлялся Керон. — Собрались, начинаем.

В день, когда заканчивали и подготавливали к запуску гидротурбину, Техей был на взводе. После того, что он услышал на совете в ту ночь, нельзя было расслабляться ни на секунду. Юноша знал, что очень и очень скоро случится нечто ужасное, однако никакой ясности все так же не было.

— Согласно данным разведки, — пояснял в ту ночь Керон. — Целью предполагаемого противника не является вся семья. Принцесса Тея правильно догадалась, что готовится покушение, однако лишь на одного из нас.

— На кого же? — вопрошал кто-то из совета, голубоглазый мужчина, которого Техей редко видел вблизи.

— А вот это правильный вопрос, — вождь щелкнул пальцами, прикурил от плазменного резака металлическую трубку. — Противник шифруется. Мы не знаем кто им нужен, не знаем зачем. Известно только, что покушение готовится в день запуска водной системы.

— Значит, любой из нас? — мрачно констатировал Эол.

— Любой, — кивнул Керон, выпуская из носа дым. — И известно, что убийство будет совершено силами архитекторской гвардии.

В шатре повисла тишина. Каждый обдумывал сказанное, и обдумать было что — племена могут бесконечно вздорить между собой, могут убивать друг друга, наказывать плебеев чужих племен за малейшие ошибки... Но Архитекторы? Их репутация была непогрешима даже среди племени петрамантов, и это при том, что эти загадочные фигуры редко вмешивались в жизнь племени вне рамок инженерных заказов. Они правили землями, не людьми — поэтому петраманты, будучи скитальцами, были лишены опеки свыше, но имели практически полную свободу, чем не могли похвастаться иные человеческие сообщества. Так или иначе, вмешательство Архитектора в извечный межплеменной конфликт могло означать лишь одно — кто-то там, наверху, сделал свой выбор, и не в пользу племени Техея.

— А что если это не племенной вопрос? — спросил мальчик Эола в день отбытия, наблюдая за тем, как мужчина чинит износившийся гусеничный трак МТ.

— Возможно и такое, — кивнул Эол и протянул руку. Техей вложил в нее пистолет газосварочного аппарата. — Но тогда не было бы необходимости строить такие сложные заговоры. Если в нашей семье есть какой-то... Ну, скажем, преступник, которого ищут по всему Плиосу, то Архитекторы имеют право потребовать его выдачи у Керона.

— И он повинуется?

— Знаешь... — вздохнул Эол, вытирая пот с бороды рукавом. — Мысль правильная. Может, Архитекторы тоже задались этим вопросом, потому и действуют скрытно.

— Ничего не понимаю, — Техей тряхнул головой. — Преступники наказываются внутри племени. Я вон...

— Постарайся не вспоминать об этом, — мягко сказал Эол.

— Ну... Просто, зачем тут Архитекторы?

Эол как раз заканчивал шов, еще пару секунд сосредоточенно работал после чего вылез из-под машины и устало вздохнул. Сев рядом с воспитанником, он снял с лица сварочную маску и громко шмыгнул носом.

— Плиомикон не дает ответов на все вопросы, Техей. Это хороший свод законов,

надежный. Но старый.

— И что, получается что можно на ходу придумывать новые? — Техею это не нравилось, его возмущала подобная несправедливость.

— Хм, — Эол усмехнулся, потрепал мальчика по голове и прижал щекой к своей груди. — Правильно говорят, ты хоть в моих яйцах не сидел, но ты — мой сын.

— Эо-о-ол! — простонал юноша, пытаясь вырваться, но хватка взрослого, привыкшего к труду мужчины была слишком крепкой. И все же, такая ситуация и такие слова смущали молодого Техея. — Ну прекращай, все!

Эол сдавленно, по-доброму засмеялся и принялся настойчиво тыкать Техею под ребра, щекотать. Это было слабое место парня, и взрослый петрамант это знал. Мальчик засмеялся, пытался отбиваться, но Эол все не отставал:

— Революционер, ай революционер, а! — смеялся он. — Как Архитекторов свергать собрался, раз щекотки боишься, а? Отвечай, отвечай!

— Хва-а-атит! — сквозь смех кричал альбинос, извиваясь, и, наконец, выскользнул из рук отчима. — Маньяк!

Они оба засмеялись и сели, прислонившись к гусенице МТ. Под ними раскинулся вечерний пищевой цех, кое-где уже зажигались тусклые, приятно мерцающие в полумраке лампочки, а стеклянный купол над водохранилищем окрасился в цвет вечернего неба этой планеты — стал нежно-сиреневым, как плазменный огонек резака.

— Совсем тебе эта девчонка мозги запудрила, а? — улыбнулся вдруг Эол.

Техей, покраснев, отвернулся. Эол ткнул его локтем в бок, не прекращая улыбаться.

— Да ладно тебе, я ж и сам в этом кое-чего понимаю. Не скажу что я такой же бабник как наш вождь или дядя Ур, но были и на моем веку... — лицо Эола скривилось, голос он сделал нарочито мерзеньким, гиперболизированно-сексуальным. — ...любо-о-овные похождения.

От того, как отчим при этом поигрывал бровями, поднимая то одну, то другую, Техей не выдержал и прыснул, а затем и полноценно, в голос засмеялся, что с ним случается крайне редко. От теплого, и вроде бы даже почти не печального смеха воспитанника, Эол и сам невольно улыбнулся.

— Я не знаю, Эол, — успокоившись, ответил наконец Техей. — Она ж меня убить хотела.

— И что? — мужчина усмехнулся, в уголках его глаз проступили хитрые морщинки. — Это делает ее менее красивой?

— Ну... — юноша замялся, подпер голову руками. — Не сказал бы.

— Ай, молодняк. Слушай, все это, все речи про племя, про заговоры и прочее — это все пустое. Жизнь у нас, конечно, не сахар, но ты все еще можешь прожить ее так, как тебе хочется. И с теми людьми, с которыми сам захочешь.

— Но как? — Техей выглядел еще печальнее, чем обычно. Глаза блестели в тусклом свете.

— Берешь — и живешь. И никого не слушаешь. Даже меня не слушай, поступай как считаешь нужным.

— Но ты ведь остался в племени.

— Потому что я посчитал нужным вырастить одного болезненного мальчика, которого нашел в заброшенном цеху хрен знает как глубоко, — Эол тепло улыбнулся, похлопал Техея по плечу. — Там людей-то, наверное, до меня не было лет сто, а вот здрасьте — младенец в

камере древнего аппарата. Лучше бы тебя, конечно, другое племя нашло, но уж кто попался.

Юноша усмехнулся и уставился вдаль. Оба они молчали, добавить тут было нечего. Лишь свежий, влажный ветерок завывал в магистральных тоннелях, да сверкали под самым куполом яркие вспышки сварки.

Когда ночь окончательно вступила в права, и тысячи маленьких огоньков, словно далекие звезды, засияли в цеху, плебеи и благородные, все как один устремили взгляды наверх, к выросшему над цехом всего за три недели громадному устройству. Гигантская железная змея, чье тело извиваясь, исчезало в глубинах технических помещений вне цеха, молчала. Ее тело, покрытое влагостойкой, рыжей, напоминающей ржавчину краской, закрывало собой поднявшуюся над куполом луну. Кто-то из плебеев-фермеров думал в этот момент о том, что тяжелее теперь будет выращивать пищу на верхних ярусах гидропонных ферм. Гидроманты из благородных тоже подхватывали эту мысль — кто-то уже считал какими потерями обернется очередная сделка с электромантами, ведь теперь племени понадобится больше энергии на подпитку фитоламп.

Петраманты же, в отличие от гидромантов, в большинстве своем внутренне ликовали. Праздновать было рано, и хотя музыканты уже настраивали инструменты, в цеху пока что была гробовая тишина. Благородные с гордостью смотрели на свое детище, плебеи — радовались тому, что работа была, наконец, закончена, и в ближайшее время их ждет лишь долгий, но не столь выматывающий путь.

И, наконец, когда на атомных часах в ближайшем бюрокластере Плиоса ламповые индикаторы возвестили о начале новых суток, Анкх, вождь семьи Минос, племени гидромантов, опустил тугой, массивный рычаг. Натужно, со скрипом и жутким воем заговорила спящая до этого железная змея. Протяжный гул, леденящий душу, пронесся по бесконечной веренице тоннелей и перекрестков, коммуникаций и цехов... Машина работала, и работала прекрасно.

Петраманты, убедившись в том, что все прошло успешно, ликовали. Люди обнимали друг друга, смеялись, целовались. Музыка, усиленная громкоговорителями МТ, зазвучала на стоянке кочевников, и начался праздник. Плебеи и не подозревали о надвигающейся беде, их мысли были просты, головы заполнены тем, что близко и понятно — работа закончена, племя сыто, снова в путь, в путь, в путь...

И только благородные чувствовали, как внутри все сжимается от мерзкого, липкого страха. Но самым странным было то, что гидроманты боялись чего-то куда больше, чем кочевники, над которыми нависла страшная угроза.

— Госпожа... — Анкх, глядя на беспокойную водную гладь, обратился к Архитектору. — Разве... Разве вода должна уходить так быстро..?

Он отчаянно пытался сохранить самообладание, не впасть в пустую, бесполезную панику. Ведь все было так, как и планировало высшее существо, Архитектор, верно? Ведь ловители влаги должны справиться с таким потреблением? Ведь не отдает же племя всю свою воду, которая исчезала из водохранилища буквально на глазах..?

Но Архитектор молчала. Ни к чему ей было отвечать на вопросы простых смертных, особенно такие неудобные. Есть великий план, и только Архитекторам ведома его суть. Кто-то вписывается в этот план, кто-то — нет. Простая арифметика. Она ушла, не сказав ни слова. Растворилась в ночи, в сопровождении своих верных, преданных ей людей.

— Ублюдки... — прохрипел кто-то из благородных гидромантов, когда понял, наконец, что насос не остановится. — Это диверсия!

— Рычаг не работает, — прошептала с ужасом женщина в гидрокостюме, в панике пытаясь отключить машину. — Они подключили другой источник!

— Им нельзя было верить, нельзя! — раздался еще один голос.

Центральный остров, рукотворное сооружение из бетона, заполнился криками и гомоном людей. Началась самая настоящая паника, благородные бежали к катерам, заводили их, уплывали... Воздух наполнился запахом пота, слез и горящего бензина. Крики, шум, гам, и выше всего, громче всего — рокот и гул гигантского железного змея, вращающихся лопастей насоса, высасывающего жизнь из этого цеха. Простая арифметика, великий план.

Принцесса Тея, в окружении наиболее верных и дисциплинированных людей своего отца, впервые в жизни была в настолько отчаянном, тревожном положении. Она чувствовала, что ей нужно действовать, знала, что должна как-то успокоить людей, но голос ее срывался всякий раз, как она раскрывала рот, руки дрожали, как после заплыва на самую-самую глубину водохранилища, за корнями канаводоросли, а в голове были лишь черные тучи и ощущение конца времен.

— А... — тихо выдавила она из себя. — Лю... Ах...

Она медленно осела на пол, не чувствуя под собой опоры. Отец кинулся к ней, кричал ей что-то, но принцесса оставалась нема. Ее благородное, тонкое личико сейчас было почти таким же белым, как кожа ненавистного ей, глупого мальчишки-сварщика... Да только в конечном итоге это он ее обхитрил. Он был частью плана Архитектора. Преданы оказались все — и гидро, и петраманты. В этом цеху не должно было остаться выживших — таков, как думала Тея, и был великий план. Простая арифметика.

— Ну, вот и началось, все как обещано... — устало вздохнул Керон и резким кивком надвинул на лицо защитную маску. — Пилоты, баррикада!

Практически одновременно пилоты МТ, особая каста благородных, стали вырубать громадные машины так, чтобы они образовали собой непроходимую стену, полукруг, внутри которого оказалась стоянка петрамантов. Когда стены были возведены, благородные стали взбираться наверх по удобным лестницам, коих, разумеется, не было с другой стороны.

— Давай-давай-давай, идут! Проверить оружие! Щиты наготове! — продолжал хрипло кричать команду за командой Керон, подгоняя своих людей.

Техей рядом с Эолом чувствовал себя в безопасности. Конечно, природная нервозность никуда не делась, но он понимал, что человек рядом — щит, непробиваемая стена, которую не удастся сломить силе прибоя. Он крепче сжал в правой руке рукоять плазменного резака на длинном сопле, а в левой — тяжелый металлический щит, украшенный узорами, сложенными из сварных швов.

— Мой дед мне рассказывал, — начал вдруг старик рядом, закуривая кривую папиросу, причмокивая при этом широкими губами. — Что народ пользовался этим, как его бишь... По'арах. Были у них ружья, которые пулями стреляли, прям как воздушные у аэров, но сильнее и дальше.

— Ага, дурак твой дед, — усмехнулся другой благородный. — Видел я этот арах-парах. Порошок черный, а подожжешь — пш-ш-шик, и все. Дым один, и тот слабенький.

— Тишина в строю! Готовься! — проревел вдруг по радиосвязи Керон, и все замолчали. — Мы — Ортеане, и нам все это как мошкара в вине! Но плебеев мы своих, своих людей, защитим! Ясно вам?!

— Да! — без рации, просто в воздух выкрикнули благородные.

— Я вижу перед собой храбрейших мужчин и женщин, каких видел Плиос! Вашу ж мать,

да еще и самых симпатичных!

Все хором засмеялись. Красотой петраманты не отличались, а вот самоиронией — очень даже.

— И хер кто сегодня отступит! Стоим до последней капли крови, жжем неблагодарных ублюдков и прикрываем друг друга. Ортеане!

— За семью! — в один голос проревели благородные боевой клич семьи.

Все приготовились. В прохладном, полном влаги воздухе, таком непривычном для кочевников, на минуту повисла мертвая тишина. Лишь отдельные выкрики, голоса слышались откуда-то издалека, из жилых районов гидромантов. Один за другим гасли маленькие огоньки, до этого приветливо освещавшие панельные высотки.

— Что они делают? — Техей прищурился, подкрутил регулятор маски, увеличивая расстояние между линзами.

В темноте двигались фигуры. Как мошкара над трупом, люди сновали туда-сюда, чем-то обменивались, перешептывались, и все в практически полной темноте. Если бы не розоватый свет луны, то не было бы видно и этого.

— Вооружают плебеев, сукины дети... — сплюнул Керон, а затем шмыгнул носом и передал по рации: — Не жалеть никого. Даже ребенок может убить, помните о том, что было в цехе семьи Уменос.

Те, кто были постарше, поняли о чем говорит вождь. Вспоминать о таком не хотелось, но они помнили. И чувствовали, как приливная волна, готовая снести все на своем пути, приближалась к ним.

Топот становился все сильнее, грохот и голоса приближались к окруженной транспортом стоянке петрамантов. И лишь в тот момент, как гигантская турбина перестала гудеть, как гул в ней сменился хриплым, тарахтящим скрежетом, а в водохранилище воды осталось разве что в виде отдельных луж... Тогда толпа, разъяренная и отчаявшаяся, вышла на свет промышленных прожекторов, установленных на технике петрамантов.

Тысячи людей, осознавших свою участь, держали в руках оружие. Весь их мир был в одночасье разрушен, и они требовали взыскать за это с кого бы то ни было, лишь бы утолить свою жажду мести. Кровь за воду — источник жизни этого народа. Без воды не будет пищи, не будет ничего, что могли бы предложить гидроманты соседним цехам хоть за какую-то помощь. Уловители влаги восстаноят запасы, медленно, но верно... Но к тому моменту людей здесь уже не останется.

— Их нужно остановить, отец! — Тея кричала на старика, наблюдая за происходящим в подзорную трубу. — Плебеев просто перебьют! Их уничтожат!

— Они уже мертвы... — мрачно прохрипел старик. — Мы все мертвы. Нами пожертвовали.

— Что ты такое несешь?! — воскликнула Тея. Конечно, она понимала его, ее мысли были точно такими же, но она боролась с ними, не желала верить собственным выводам. — Они же..! Они..!

Но было слишком поздно. Взревел морской рог, волна ударила о железный берег.

Сотни и тысячи людей, что в одночасье лишились всего, что имели, стали напирать на машины, взбираться на них. Петраманты жгли их плазмой, замертво падали, утаскивая за собой вниз, в быстро растущую груды тел, несчастные. Они не были виноваты ни в чем, но кочевники отказывались менять свои жизни на их.

Техей в панике бил плазменным копьем куда ни попадя, и все-равно попадал. Не

попасть было просто невозможно. Запах сожженной, обуглившейся плоти бил в ноздри, и мальчик едва удерживал в себе подступающую к горлу рвоту.

— Огонь! — взревел кто-то из благородных гидромантов, и синхронно выпустили железные болты стрелки.

Черная туча чистой, концентрированной смерти обрушилась сверху. Керон отдал приказ, и те, кто успели, защитились щитами — болты пробивали и их, но застревали, не достигая цели. Старик, что курил рядом с Техеем, оказался не столь везучим — болт вонзился в толстую защиту шеи и пронзил ее. Болты были злые, бронебойные, специально для петрамантов, а у самого кончика — засечки, как у рыболовных крючков.

Отвратительные, бурлящие звуки брызжущей из шеи и рта старика крови поразили Техея настолько, что его пальцы будто бы стали деревянными, ему стало душно в тяжелой маске. Он не был неуязвимым. Никто не был. Арбалетчики заряжали свои страшные, подлые орудия, плебеи лезли по телам убитых — кто-то наотмашь ударил по щиту одного из петрамантов, и тот открылся, всего на краткий миг, но и его хватило, чтобы сразу три болта поразили его в грудь.

Напор становился все страшнее, новым разъяренным, потерявшим страх и инстинкт самосохранения людям было проще добраться до защищавшихся — по горе трупов идти было куда легче, чем взбираться по бортам машин.

— Стрелки! — скомандовал вновь благородный. — О..!

— Прекратили, блядь, немедленно!

Резкий, громогласный не голос, но рык разъяренного зверя, крик ворона огласил гулкий цех, да так, что с потолка посыпалась пыль. Еще пара секунд понадобилась сражающимся, чтобы перестать вгрызаться в глотки друг друга.

Все взглянули в сторону звука. Там, на крыше вертокрыла, в свете прожекторов, стояла Архитектор, сбросившая с головы тяжелый, объемный капюшон, но все еще прячущая лицо за жуткой маской.

— Я — Майя Бортеас, Архитектор и властительница этих земель, цехов и людей! И я приказываю вам немедленно остановиться!

Та, что отдала преступный приказ, стояла теперь перед разверзнувшейся по ее вине битвой, и все, чего она хотела... Это прекратить ее. Мысль эта поразила Техея, Тею и всех, кто видел что происходит.

Тем временем, поле брани быстро окружали гвардейцы, оттесняли одну сторону от другой — высокие, сильные мужчины в тяжелых доспехах, коринфских шлемах и с мощными, многозарядными арбалетами наперевес. Ими командовал седой мужчина в черной гвардейской форме, с беретом на голове, который, расставив людей, вскоре присоединился к Майе Бортеас на вертокрыле.

Из стана плебеев петрамантов послышались удивленные, испуганные голоса. "Разрезая" толпу, изящным клином, к благородным подходили люди в противогазах, с газовыми гранатами наготове. А вела их та самая жуткая женщина, что напугала до этого Тею. Она кивнула Майе, та кивнула в ответ, и когда аэроманты с оружием окружили петрамантов, их командир заняла место рядом с Архитектором.

Последним стал большой, даже чудовищно большой человек — гора мышц, вылитых из бронзы. За ним следовал отряд механиков, которые, игнорируя возмущения петрамантов, ставили на гусеницы и колеса титановые блокираторы, не позволявшие сдвинуть технику с места. Закончив и оставив своих людей одних, он поднялся к своей госпоже.

Наконец, когда все они были наверху, на чем-то вроде импровизированной сцены, Майя Бортеас сняла со своего лица маску. Под ней оказалась светловолосая женщина, чье лицо было усеяно страшными шрамами, она нажала на кнопку на запястье и сказала в чудовищно мощный громкоговоритель:

— Петраманты уйдут отсюда целыми, невредимыми и с полагающейся им наградой. Любой, кто не согласен с моим решением, будет врагом мне лично.

—...нихера в этом хорошего нет, — бурчала по радиосвязи приземистая, коренастая женщина, второй бетономеханик Церея. — Подставой несет за километр...

— Не трндеть на аварийных частотах! Сели и сидим, ждем, слушаем, — гаркнул Керон, прерывая вещание той, что говорила до него.

Штурм гидромантов, признаться, был куда более простым и понятным, чем то, что происходило сейчас. Племя, тысячи человек жались друг к другу, запирались в своих убогих мобильных жилищах, прицепах-трейлерах, вагончиках, а меж кривых рядов их лагеря медленно прохаживались гвардейцы с фонариками, изредка перекидываясь парой слов с особой службой аэромантов под руководством некой Киры-лисицы.

— Слышал я про них... — проигнорировав приказ, заговорил другой петрамант. Голос его тихо шипел в сотнях шлемофонов и радиоприемников. — Людей этих, что с ней были, называют кое-где "vdélles"...

— Пиявки, — вторил другой. — Это с древнеэллинского.

— Ага, — снова занял частоту первый. — Говорили, будто бы они кровь своих жертв пьют, да пока те еще живы. А их хозяйка...

— Боги, да почему ж мы сюда пошли? Да если б я знал, что здесь ЭТА женщина правит...

— Я щас начну раздавать лещей! — рявкнул Керон, пытаясь строгостью своей успокоить своих людей. — И речь не про рыбу! Тишина на частоте, цирк бродячий...

И снова повисла гнетущая, мрачная тишина. Гулко звучали в занятом петрамантами тоннеле шаги гвардейцев, стук их тяжелых, оштампованных сталью сапогов. У каждого на уме было что-то свое: кто думал о семье, о детях, кто о самом себе... Были и те, кто размышлял о судьбе этого цеха, о людях, что привыкли жить спокойной, сытой жизнью на отшибе заселенных частей Плиоса, а теперь их жизнь все быстрее летит под откос. И самым страшным было то, что они не умрут сразу — они и их дети будут мучаться, оплакивать убитых в эту ночь сородичей, затем голодать, страдать от жажды... И так будет до тех пор, пока последний, изголодавшийся плебей не сожрет останки своего соседа, которому повезло стать предпоследним.

Конечно, многие просто уйдут, попытаются податься в чужие цеха, да только кому они там нужны? Благородным, в общем и целом, были рады везде, умельцы нужны были в каждой семье. Необразованным плебеям же была уготована участь в лучшем случае стать рабом при каком-нибудь богатом семействе и остаток жизни вкалывать за краюху хлеба, надрывая спину, или навечно оказаться заложником одного из "красных домов", о которых Техей слышал лишь краем уха. Словом, людей здесь не ждало ничего хорошего, и никто никак не мог понять причину такого предательства со стороны их госпожи.

Гвардейцам, врассыпную разбежавшимся по цеху, приходилось теперь отлавливать особо ретивых защитников родины, защищать петрамантов, повинуюсь слово своей госпожи. Маленькими, сплоченными боевыми отрядами они патрулировали цех, в воздухе которого все еще чувствовалась остаточная влага, жалкие крохи того, что каких-то несколько часов назад было достоянием общины.

— Я не понимаю... — потрянул головой Техей, пристально глядя на тусклый, крохотный огонек керосиновой лампы. — Зачем все это? Зачем она это сделала?

— Успокойся, Техей, — негромко отвечал ему Эол, разливая по жестяным кружкам горячий чай из тоннельных трав. — Сейчас ты все-равно никак на происходящее не повлияешь. Выпей чаю.

— И что мне, просто сидеть? И ждать? Чего ждать, Эол? Пока те люди вымрут или пока нас перережут во сне, а?

— Мысли у тебя правильные. Подход — нет. Так, слушай... Я расскажу тебе историю, идет?

Техей кивнул и принял из рук Эола горячую кружку. Мужчина сел рядом, на коврик с причудливым восточным узором, расстеленный внутри их крохотного жилища. Тускло сверкали отблески лампы на металлических стенах, выхватывали из темноты свернутые, перевязанные ремнями теплые спальные мешки, вручную сделанные мастерицами племени. Прихлебнув чая, Техей начал медленно, но верно успокаиваться, ощущение родного дома, родных жестяных стен, пусть и кочующих постоянно с места на место, помогало. В какой-то момент он перестал считать в уме, как делал это всякий раз, когда на него накатывало волнение, и Эол, увидев, как успокоились дрожащие, безумно бегающие глаза воспитанника, начал свой рассказ:

— Когда я был чуть старше тебя, дела обстояли куда лучше. Сейчас мы кочуем неделями, а то и месяцами, и встречаем одни заброшенные цеха да пустые магистрали. А в мою молодость здесь, на Плиосе, было куда больше людей. В пути ты часто встречал других путников, которые могли поделиться знаниями, рассказами, советами... Иногда, правда, и за ножи хватались. Но были люди. Гораздо больше.

— Они улетели? — спросил Техей, вызвав горькую улыбку на лице Эола. — Я слышал как Гелеф рассказывал истории про корабли, бороздящие космос.

— Нет, Техей, это все только сказки. Сам же знаешь, даже вертокрылы с дирижаблями не могут подняться выше неба, падают. Не бывает никаких кораблей в космосе. Слушай дальше.

Речь Эола полилась, словно теплый мед. Он умел рассказывать истории, и любил это делать — жизнь его, пусть даже он и преукрашивал многие ее эпизоды, была интересной и захватывающей.

Он рассказывал Техею о том, как в молодости стал частью дерзкого заговора. Звучало это еще опаснее, чем встречи с дикарями-из-труб, чем схватки с зубастыми, ужасающими химерами, а все потому, что враг в этот раз не был виден Эолу, но в то же время сам прекрасно видел его. Мужчина сражался с Архитекторами, и в бой их вел его добрый друг по имени Эхемнос.

— Дядя Эхемнос? — удивился Техей. — Да он же и мухи не обидит!

— Ты помнишь его? — усмехнулся Эол, положив ладонь на голову мальчишке. — Когда ты был маленький, мы часто виделись. Пока не разрушили железную дорогу.

Оказалось, что темнокожий, лысый мужчина из детских воспоминаний Техея вовсе не был таким добрым и дурашливым дядькой, каким он его запомнил. Если верить Эолу, это был храбрый, свободолюбивый и тянувшийся к справедливости человек — в последнем и была самая большая его слабость, которая привела, в конечном итоге, к провалу всей затеи.

— Мы верили ему. Верили его словам о несметных богатствах Архитекторов, которые они наживают, грабя народы Плиоса. Да ты и сам, Техей, видел все своими глазами.

— У нее был вертокрыл, — кивнул парень. — И столько людей в подчинении...

— У них есть не только это, поверь. Есть еще много всего, чем владеют Архитекторы,

ничего не отдавая людям взамен. Роскошь, обилие пищи, развлечения... Так они живут в месте, которое зовут "Олимпом". Но кроме всего этого у них есть власть, которая и позволяет им грабить и убивать, не думая даже о горе простых людей.

И заговорщики собирались уничтожить их, до основания разрушить институт Архитекторов, сделать так, чтобы простой люд увидел их грехи и обратил бывших хозяев в ничто, в нигил. Тринадцать храбрых людей из благородных семей самых разных племен, собрались вместе и предприняли дерзкую попытку завладеть секретами Архитекторов. В какой-то мере план удался, им удалось даже убить одного, но цена была слишком высока.

— Из тринадцати остались лишь мы с Эхемносом. Только мы смогли бежать. Остальных перебили, как собак.

— погоди, стой... — Техей нахмурил брови, мозг его заработал на полную мощность, обрабатывая потоки новой информации. — Ты хочешь сказать, что покушение, которое должно было случиться... Ты его цель?

— Этого я не знаю, — Эол пожал плечами и отставил пустую кружку в сторону. — В нашем племени много преступников, это правда. Я бежал сюда, скрываясь от правосудия, однако охота могла быть объявлена почти за кем угодно. Если бы Керон был уверен в том, что им нужен я, то я бы тут уже не сидел.

— Но ведь и покушения не было! — воскликнул, вскакивая на ноги Техей. — Что-то... Что-то не так ведь. Что-то не так.

Эол с грустью взглянул еще раз на своего воспитанника, своего мальчика. В темных глазах отчима Техей на мгновение увидел все, каждое мгновение, что он провел с ним — Эол вспомнил как нашел младенца, скрываясь от гвардии, как бежал с ребенком на руках в переполненном поезде, как обходил цеха, где жили Архитекторы, к племени, домой... Вспомнил, как менял малышу пеленки, как успокаивал его долгими, беспокойными ночами — Техей очень много плакал, когда был маленьким. Вспомнил первые шаги, первое слово — "Папа". Взросление, учеба, воспитание, ссоры, мальчик раз за разом сбегает из племени, прячется по пустым, ржавым трубам, по вентиляциям и гулким бетонным тоннелям, неизвестно куда ведущим. Как они обнимаются всякий раз, как Эол находит его, как просят друг у друга прощения. Эол вспомнил все. На острие чувств и ощущений он уже предвидел то, что должно было случиться.

— Техей, слушай меня внимательно. Очень внимательно.

Мальчик взволнованно смотрел отчиму в глаза, он не понимал, отказывался понимать что происходит. Но Эол крепко сжал его руки, что-то в них вложил, нечто очень и очень важное. Шаги, которые были слышны всю ночь, становились все реже, звуки затихали один за другим. Радио перестало шипеть в тот же миг, как отключился во всем лагере свет.

— Беги к дядя Эхемносу, слышишь? Ты должен добраться до него. Он где-то в бюрокластере главной атомной станции, на западном полушарии, ближе к северному полюсу. Ищи место, где живут мойры-специалисты, немые женщины.

— Эол... — дрожащими, не слушающимися его губами тихо прошептал Техей.

Медленные, тяжелые шаги послышались совсем рядом со входом в жилище. Дверца жестяная, оторвать ее несложно.

— Бюрокластер у главной АЭС, Техей, дом мойр-специалистов, ищи Эхемноса. Ты должен отдать ему то, что у тебя в руке. Ты должен, Техей!

Снаружи послышались голоса. Кто-то постучал в дверь, настойчиво и громко.

Эол толкнул воспитанника назад, к стенке, прислоненной к массивному борту МТ.

Быстрыми, четкими движениями открыл люк, ведущий в отсек техобслуживания — узкий, тесный "тоннель", проходящий сквозь машину там, где заменялись большинство заменяемых деталей.

— Лезь, Техей!

— Эол, нет!

Мужчина отвесил ему звонкую пощечину. Не было времени разводить сопли.

— Быстро лезь! Лезь и беги, беги так быстро, как только сможешь! Сядь на поезд!

— Я не брошу тебя! — на глаза у Техея наворачивались слезы.

Эол буквально запихнул его в технический желоб МТ и тут же захлопнул за ним дверцу.

Темные стены сомкнулись вокруг юноши, сдавливая его ребра, руки, мешая дышать. Но сейчас он не замечал этого, а лишь с ужасом смотрел в замочную скважину железного люка.

Дверь в жилище распахнулась. Внутри врывались люди в черной форме гвардейцев, в доспехах. Эол крепко сжимал в руке плазменный резак, включил его на полную мощность.

— Нет! — завопил Техей, колотя рукой по люку, который был наглухо заперт. — Нет! Папа! Папа!

— Хех, — Эол усмехнулся, шмыгнув носом. — Да я ж вас, ублюдков... Порву теперь за него.

Он бросился вперед, на гвардейцев, один за другим вваливающихся домой. Техей почти не видел что происходит, лишь беспорядочное мельтешение, сверкающий в темноте плазменный резак и отблески металла. Взяв себя в руки, до крови прикусив губу, он пополз. Пополз так быстро, как только мог, надвинув тяжелую сварную маску на лицо. Металл успокаивал, металл давал ощущение защищенности все время, что он полз по техническому желобу МТ, до скрытого люка под днищем машины.

— Его здесь нет! — раздался позади голос, когда звуки боя стихли. — Прочесать! Найти атлас!

Ударом руки Техей вышиб прижавевший к днищу люк. Им редко пользовались за ненадобностью. Вылез наружу, тяжело дыша, пытаясь понять какие голоса он слышал наяву, а какие — плод его больного разума. Они смешивались в единый гомон, звучащие ото всюду, кричащие про атлас, про маленькое прямоугольное устройство в руке.

— Атлас, атлас! Найдите атлас! Любите атлас! Спасите атлас! — голоса в голове передразнивали гвардейцев, путали Техея. — Мните атлас! Мягкий атлас, твердый атлас..!

— Уймись... — стонал, стискивая зубы, мальчик, и полз вперед, в темноте, разираемой яркими лучами фонариков.

Когда он оказался, наконец, за массивной, тяжелой гусеницей, то выглянул наружу, в панике прикидывая как мог бы сбежать прочь, оставшись незамеченным. Добраться до своих, до Керона...

— До Керона..! — засмеялся в голове противный, ехидный голос.

Техей обхватил голову обеими руками, громко, часто фыркая носом от напряжения. Голос в голове был прав, мысль глупая. Эол весь разговор пытался намекнуть, что Керон, если это будет выгодно племени в целом, отдаст любого из своих людей. Выходит, Техею нельзя показываться и на глаза тех, кто еще пару часов назад были его товарищами, его семьей. Никому нельзя верить, только самому себе.

"Да и себе с трудом", — подумал Техей, впиваясь ногтями в кожу у виска.

Разум его, казалось, раскалывался на части. И если бы не грязная, пыльная рука у рта, то он бы завопил от страха, когда под МТ скользнула вороватая тень.

— Тс! — шикнул на него Кремнос, и за ним под машину забрался и его пес. — Техей, что происходит?!

— Атлас! — прошептал в ответ благородный, но потрянул головой, отгоняя лишние, бредовые мысли. — То есть... мф..!

— Понял! — Кремнос похлопал его по спине, словно бы говоря: "Ничего, ничего", и принялся зорким, опытным взглядом своим искать пути к отступлению. Сбегать от законников мальчишка привык. — Та-а-ак... Че-е-ерт... А это что?

Он потянулся руками к устройству, которое Техей отчаянно, до онемевших пальцев сжимал в руках, и когда альбинос заметил это, то в панике лишь сильнее принялся прятать то, что отдал ему отец. Он что-то быстро, нечленораздельно нашептывал, покачивался взад-вперед, а пальцы мертвой хваткой впивались в устройство. И вдруг — щелчок.

Мальчики взглянули на отстегнувшийся защитный кожух, отъехала в сторону экранирующая крышка. Устройство, которое по всем законам логики, физики и химии не должно было работать, включилось. Бесшумно обнажился электрочернильный экран, крохотные лампочки под ним подсветили изображение — на теплом, зеленом поле быстро вырисовывались какие-то сложно переплетенные между собой линии, изгибы, обозначения...

— Техей, так это ж... — ахнул Кремнос. — Это карта! Трехмерная и точная! Вот мы, смотри, треугольник!

Техей уставился, завороженный, на архаичную, забытую технологию. Линии прорисовывались на матовой поверхности экрана, обновлялись, устройство само по себе корректировало древние планы мегаструктур Плиоса, планеты, полностью покрытой невообразимых размеров многоуровневым заводом. Атлас сам понимал, какие изменения произошли в окружающей среде с момента последнего включения, изменял пути так, чтобы они соответствовали действительности. И когда Техей робко коснулся пальцами двух полусфер на внешних сторонах корпуса, карта принялась меняться, изменялась перспектива, масштаб, детальность... Но лишь стоило ему отпустить регуляторы, как с легким, приятным щелчком карта "перемоталась" обратно.

— Здесь должен быть какой-то тайный проход, — шепнул Кремнос, оглядываясь на снущих вокруг гвардеев. — Вот, вот, глянь! Колодец! Мы в пятидесяти метрах от него, над ним живем, и не знали что он там есть!

— Сможешь провести меня туда? — прошептал Техей, с надеждой глядя в глаза другу.

— А то, — широко, обнажая дырку на месте переднего зуба, ухмыльнулся воришка. — Давай за мной!

Вслед за другом, Техей, стараясь не шуметь, выполз из-под громадины-МТ и тут же Кремнос утащил его в другое укрытие. Мальчики прижались к металлической перегородке, затаив дыхание, и даже пес по имени Крыс на мгновение перестал дышать, когда мимо медленно прошел гвардеец в броне, освещая себе путь фонариком.

Короткой перебежкой они убежали еще дальше, к припаркованным ближе ко входу в тоннель-магистраль гусеничным самосвалам. Отсюда до предполагаемого колодца, ведущего на уровень под цехом, оставалось всего-ничего, как вдруг раздался пронзительный, почти оглушающий писк свистка.

— Нарушители! — воскликнул гвардеец, и его боевые товарищи, сохраняя строгую тактическую формацию, тут же побежали за мальчишками.

— Техей, беги! — крикнул Кремнос и схватил из близстоящего ящика с инструментами

разводной ключ.

Крыс первым бросился на врага, вцепился обломанными, кое-где недостающими зубами в ногу, но не сумел даже прокусить толстые брюки. Гвардеец, впрочем, замешкался, и Кремнос от души ударил ему ключом по колену, и закричал:

— Давай, поймай меня в своих тяжелых сапогах!

С этим криком он понесся в другую сторону, отвлекая на себя большинство гвардейцев. Один же, впрочем, раскусил план мальчишки и побежал на перехват Техей, обнажив сверкающий в ночи ксифос. Из-под тяжелого шлема на юношу взирали злые глаза, точно знающие как и куда ударить мальчика острым лезвием, чтобы закончить бой почти что мгновенно.

Техей попятился назад, спотыкаясь, и, тяжело дыша, в панике понесся прочь, к глубокому сливному колодцу. Теперь у него оставалась одна надежда — что он успеет добежать, что не разобьется, спрыгнув вниз, что...

— Стоять! — грубо ворвался в его мысли гвардеец, замахиваясь мечом.

— Влево, влево! — кричали наперебой голоса в голове. — Ногой по подпорке!

Техей повиновался своей болезни, скользнул вниз, будто делая подсечку невидимому противнику и ударил ногой по подпорке, удерживавшей растянутый над машиной брезент. Тяжелая синтетическая ткань повалилась на голову гвардейца, цеплялась за его тяжелый шлем, мешала ему, и в этот момент Техей успел, надрываясь, приподнять практически невидимую, сливающуюся с полом бетонную крышку люка. Вдох, выдох, закрыл глаза и, истошно вопя от страха, прыгнул вниз, в разверзнувшуюся внизу абсолютную тьму.

Глава 6

Колодец был глубоким, достаточно глубоким, чтобы Техей переломал себе все ноги, однако вскоре, когда наверху его голос, отраженный от бетонных стенок, уже начал затихать, мальчик погрузился с головой в неприятную, тепловатую воду. Жидкость заполнила рот, нос, она была отвратительной, маслянистой, и подозрительно пощипывала слизистые. Бурный поток глубокой, запертой в бетоне подземной реки понес его, и в панике мальчик мог лишь бултыхаться в жидкости, пытаясь хоть как-то удержаться на поверхности.

Его болтало от края до края, от стены до стены, он бился головой о голый, влажный бетон, поросший чем-то мерзким, склизким, и особенно сильный удар выбил остатки воздуха из его легких — грудью беловолосый ударился о сточенный водами бетонный край. Техей ухватился за него обеими руками, кашляя, захлебываясь зловонной, явно опасной водой, и из последних сил стал выбираться из подземной реки, вылезать на небольшую площадку, через ступеньку от которой начинался длинный, не освещенный коридор с уходящими вдаль толстыми кабелями и непроницаемой, густой завесой темноты.

— Кхе! Ха-ах! — мальчик пытался отдышаться, сплевывал и отхаркивал попавшую внутрь воду.

Она жгла его изнутри, все труднее становилось дышать и все больше усиливающаяся боль внутри горла и носа становилась невыносимой. Сделать даже маленький вдох было мучительно больно, да и многочисленные гематомы по всему телу ничуть не делали его положение лучше. Ко всему прочему, Техей почувствовал, как по лбу стекает что-то теплое, алые капли растворяются, стекают в бурный поток — в потоке воды мальчик разбил голову.

Кислорода становилось все меньше и меньше. Его и так было не очень много в окружающем Техея воздухе, так еще и горло быстро опухало от химического ожога, разбухало, не давало нормально дышать ни носом, ни ртом. Он беззвучно двигал губами, раскрывая рот, словно рыба, теряя связь с окружающей реальностью.

— И что мешает мне убить тебя прямо сейчас? — из темного, жуткого коридора бесшумной походкой выскользнула Тея.

— Х-х-х... — только и мог хрипеть Техей.

Сейчас он был жалок. Очень жалок. Наверное, никогда в жизни он не был настолько разбит и унижен — девушка стояла над ним, обратив на него острие изогнутого кинжала, яростная и гордая.

"И все такая же прекрасная", — подумал Техей и даже в мыслях посмеялся сам над собой за такие мысли.

— Ты... — процедила она сквозь зубы. — Черт!

Упав рядом на колени, она достала из герметичной сумки ингалятор, заставила Техея вдохнуть лекарство. Почти мгновенно припухлость прошла, дышать стало гораздо легче, хотя боль еще оставалась.

— Ха-а-ах! А-ах..! — хрипло, жадно глотал ртом воздух он.

— Убожество... — Тея скривила губы. — Ты... Эй. Эй, ты чего вдруг?

Тело Техея, уставшего, напуганного и ничего не понимающего мелко подрагивало от плача. Он зажмурился, чтобы не видеть ни этого проклятого тоннеля, ни лица девушки в свете красной аварийной лампы, ничего. Только Эол. Отец, папа... Слезы потекли еще сильнее, теперь мальчик задыхался от бессилия, от горя, с которым не мог справиться.

Впервые за свою недолгую жизнь он столкнулся с настолько страшными вещами, за последний месяц ему пришлось повзрослеть, лишь бы не сойти с ума, но все же это было слишком.

— П... Папа... — сквозь слезы простонал он, болтая головой из стороны в сторону, отказываясь верить в произошедшее. — Папа..!

— Эй, н-ну... — Тея покраснела. Стыдно должно бы быть Техею, но почему-то больше всех неловко было именно ей. — Т-ты, соберись! Д-давай, быстро!

Но он не слышал ее. Лишь когда девушка схватила его за руку, когда заставила подняться на ноги, Техей нашел в себе силы раскрыть заплаканные, красные глаза, в которые Тея пристально вглядывалась.

— Возьми себя в руки, — серьезно сказала она. — Что там произошло?

— Они... П-папа...

— Так... Пойдем.

Крепко сжав ладонь мальчика в своей руке, Тея повела Техея длинными, извилистыми тоннелями прочь. Путь она подсвечивала тусклым наплечным фонариком, и, несмотря на обилие ответвлений, перекрестков и поворотов, шла уверенно и быстро, так, что Техей едва поспевал за ней, шлепая по полу промокшими, истекающими влагой ботинками.

Впереди повеяло свежим ветерком. Дышать стало легче, приятнее, и вскоре подростки оказались в тесной, но хоть как-то освещенной комнатке со шкафчиками.

— Здесь снаряжаются чистильщики труб, — пояснила Тея. — Сюда никто не спустится... Теперь. Ну, знаешь, после того как вы у нас всю воду украли.

— Мы не крали... — Техей, упав на жесткую металлическую лавочку, вытер слезы рукавом и поморщился от жгущей глаза влаги из реки. — Мы все сделали в точности так, как было указано на схемах.

— Ага, — саркастично вздохнула принцесса. — И второй источник питания — тоже, конечно.

— Я похож на лжеца? — мальчик взглянул на нее исподлобья, лицо превратилось в опухшее от слез месиво, но во взгляде читалась серьезность взрослого, опытного человека.

Такой контраст в образе путал Тею, смущал ее, и она отвела взгляд в сторону. Чтобы себя занять, открыла один из металлических шкафчиков, стала перебирать большие, неуклюжие гидрокостюмы для глубоких погружений, висящие внутри и разделенные по размерам, иногда поглядывая на Техея.

— Мы не знали, что так получится, — продолжил он. — Все было сделано так, как говорили схемы. О каждом шаге, о каждом закрученном болтике мы отчитывались вашим, и всех все устраивало.

— Говоришь, в схемах проблема? — недоверчиво прищурилась Тея.

— Конечно. Нам не нужны проблемы. Мы просто хотели получить свое и уйти прочь, как всегда.

Тея вытащила один из гидрокостюмов, похожий скорее на мешковатый скафандр, сделанный из резины. Вместе с ним шел тяжелый, с не поворачивающейся шеей шлем с защитным иллюминатором посередине.

— Это старые модели, — начала Тея, кинула костюм Техею. — Одевайся. И уходи отсюда. И никогда не возвращайся.

— Куда? — Техей поднял на нее взгляд красных глаз.

"Как щеночек", — стиснув до боли зубы подумала она, глядя на него и стараясь не

выдавать своих эмоций.

— Ладно, черт с тобой... — вздохнула принцесса, закатывая глаза. — Я провожу тебя до магистрали, ведущей к транспортному узлу. Оттуда доберешься до станции, сольешься с толпой. Плавать умеешь?

— Нет... — тихо ответил мальчик.

Тея в отчаянии простонала.

— Ладно, ладно! Но я делаю это только затем, чтобы насолить Архитектору. Понятно тебе?!

Техей молча, уверенно закивал, натягивая поверх вымокшей одежды гидрокостюм. Со шлемом, который тяжело было присоединить к скафандру, ему помогла принцесса, и когда она вкрутила его место, Техей вдруг оказался абсолютно изолирован от внешнего мира — снаружи не доносились ни звуки, ни запахи, ни даже свежий воздух. Тея щелкнула каким-то тугим переключателем на боку шлема, и передний иллюминатор отщелкнулся, приподнялся кверху, почти как сварочная маска.

— В нем нет баллона, воздуха в костюме хватит на пару-тройку минут. Нет времени искать воздухокабель. Идет?

Техей кивнул, хлопая глазами, и послушно поплелся за Теей по длинным, затхлым коридорам, слушая, как она бормочет что-то себе под нос. Из всех слов, что она говорила, выхватил он только "молокосос" и "варвар".

У неприметного железного гермозатвора размером с небольшую дверь, Тея резко остановилась и принялась пытаться вскрыть ее. Девушка кряхтела, тужилась и пыталась прокрутить приржавевший вентиль запирающего механизма, но ей не хватало для этого сил. Зло зыркнув на Техея в нелепом скафандре, она возмущенно прокричала:

— Ну помоги, чего ты стоишь-то?!

Спохватившись, Техей схватился обеими руками за ржавый металл, попытался крутить, но и ему не удалось открыть гермодверь. Ржавчина проела металл слишком глубоко.

— Да твою ж... — вздохнула Тея. — Ладно, попробуем иначе, длинным путем. За мной.

Они побежали дальше, минуя поворот за поворотом. В какой-то момент коридор начал уходить вниз, с потолка, с ржавых, осыпающихся местами труб, капала вода. Она все пребывала, пока они спускались вниз, и была сперва по колени, затем по пояс, затем...

— Чего остановился? — Тея уставилась на своего спутника.

— Да я, как бы... — замялся он, едва держа голову в шлеме над поверхностью воды.

— А, точно, — вздохнула она, защелкнула ему шлем, и сказала еще что-то, чего Техей уже не слышал.

Жестами она приказала ему следовать за ней и протянула ему руку. Техей неуверенно взялся за нее и девушка потянула его в воду, в темную, мрачную глубину, царство клаустрофобии, где человек, не знающий пути, наверняка бы встретил свою смерть.

Тея ударила пятками друг о дружку, и из легких, тонких ботинок ее выросли длинные, мощные ласты. Она плыла вперед, извиваясь как темная рыбка, и легко тащила за собой юношу в тяжелом костюме, которому оставалось лишь пытаться не паниковать. Последнее, впрочем, сделать было достаточно сложно — тут и там в темной пучине, на самой дне узкого, тесного тоннеля, Техей видел одну и ту же надпись, нацарапанную прямо на бетоне: "Назад".

Он крепче сжал руку Теи, она обернулась. Парень указал ей на надписи, Тея пыталась что-то ответить, но вспомнила, что Техей ее сейчас не слышит — в древнем шлеме,

устойчивом к давлению, не было систем связи. Закатив глаза, она просто показала мальчику большой палец, и тот коротко кивнул, бултыхая ногами в тяжелом скафандре и дрейфуя по затопленным тоннелям вслед за Теей.

В какой-то момент он заметил, что стал делать слишком уж большие, жадные вдохи. Воздух-то в скафандре, конечно, был, да вот только кислорода в нем оставалось весьма немного — об этом Техей догадался довольно быстро. Сердце шумно, сильно ухало в груди, потоки крови шумели у него в ушах, а в животе возникало неприятное, щекочущее ощущение, сопряженное со страхом задохнуться. Он чувствовал, как начинается кислородное голодание в органах, как немеют конечности, как становится труднее дышать... и когда мысли спутались окончательно, он отпустил руку прекрасной русалки, медленно оседая на дно, исписанное жутким словом, глупо глядя прямо перед собой и не понимая уже почему он чувствует себя так паршиво.

Тея, обернувшись, извиваясь при этом всем телом, метнулась к мальчику. Он схватила его под мышки, кое-как погрузила себе на спину и глянула на датчики на запястье. Воздуха у нее хватало, да и дыхание она умела задерживать, а вот заряд костюма быстро падал. Но даже так она чувствовала, что не успеет доплыть с Техеем на плечах вовремя, и, дотянувшись до ботинок, щелкнула скрытым переключателем.

Миниатюрные винты обнажились на пятках, двое понеслись вперед. Энергия стремительно падала, а тоннель все углублялся и углублялся, в зловонные, зараженные отходами подземные воды, глубже и глубже. Но ведь она знала, знала, что где-то там есть выход! Или не там... А может здесь?

Сознание Техея вспыхнуло в последний раз, прежде чем погаснуть совсем. Он глубоко вдохнул грязный, полный углекислого газа воздух и отщелкнул застёжки скафандра. Снова он оказался погружен в воды, что щипали кожу, глаза, зажмурился и стал шарить рукой по своей одежде, протянул Тее горящий в темноте зеленый экран атласа.

"Влево, затем наверх!", — мгновенно поняла что к чему эта умная девочка и потащила мальчика вперед, включив винты на полную мощность. — "Быстрее, ну же, быстрее! Давай!"

Когда впереди забрезжил свет аварийных огней, энергия закончилась окончательно. Как дельфины в водах давно покинутой планеты, Тея выпрыгнула из-под воды и оттолкнула от себя Техея, чтобы тот упал на твердый бетон. Вылезая вслед за ним, Тея поняла, что мальчик не дышит.

— Ну ты и придурок, чумазый! — застонала она, складывая руки для непрямого массажа. — Давай, давай!

Она резко, ритмично давила ему на ребра, вода толчками брызгала у него изо рта, но дышать он никак не начинал.

— С-с-сука! — прошипела Тея и, зажмурившись, прильнула своими губами к его.

Вдыхая в него воздух, заставляя обожженные легкие раздуваться, она оживляла юношу. Кислород заструился по его венам, кровь разносила так необходимый человеку газ по организму, и когда Тея в очередной раз вдохнула в его рот воздух, он медленно, лениво разлепил глаза.

— Ай! — воскликнул он.

Разумеется, как только он раскрыл глаза, Тея резко, от души вlepила ему звонкую пощечину.

— За что?!

— За все! — хмыкнула принцесса. — Идиот!

— Цун-цун, — хором пели голоса в голове мальчика.

Он тряхнул головой, отгоняя морок собственного сознания, медленно, но верно приходя в себя и вспоминая где он и что произошло. Оглядевшись, он понял, что сидят они на широкой бетонной площадке, на которой тут и там возвышались толстые железобетонные колонны, удерживающие верхние ярусы макроразвода-экуменополиса. Вдалеке, в свете местами отсутствующих настенных прожекторов, виднелись обвалившиеся железные лестницы, которые когда-то вели наверх, какие-то здания, пустыми, безмолвными коробками без стекол в окнах стоящие посреди ровной бетонной площади. С другой же стороны был край, за которым плескалась зараженная вода, и куда-то вдаль уходил широкий, высокий тоннель, явно предназначенный для движения больших судов. О том, что Техей находился в бывшем порту, говорили еще и виднеющиеся тут и там остовы контейнерных кранов. Контейнеров же не осталось вовсе — лишь виднелись на бетонном полу тут и там глубокие борозды, их явно куда-то утащили, и причем очень давно.

— Это не то, куда мы плыли, но... — Тея вздохнула, распуская собранные в пучок волосы. — Я слышала об этом месте. Тут был порт, соединявший наш район с экваториальными макроразводами.

— Макроразводами? — Техей взглянул на нее.

— Ага. Океанами их еще называют, — фыркнула девушка. — Только этот — пресный, соль давно выкачали. Но океан никуда не делся, где-то он точно есть.

— Мы берегли воду во время походов. Иногда за нее приходилось отдавать бензин.

— Такая уж жизнь, — Тея пожала плечами, явно не чувствуя сейчас никакого сожаления к петрамантам. — Классная штука, кстати.

Она кивнула на устройство, лежащее на коленях у Техей. Мальчик сразу же принялся убирать его поглубже под комбинезон, пряча от ее взгляда. Причину такого поведения девушка не понимала, но, тряхнув головой, приказала самой себе об этом не думать.

— Короче, — вздохнула она. — Я не знаю чем ты так насолил Архитекторам, но если я им, спасая тебя, навалила за шиворот, то хорошо. Отсюда доберешься до узловой станции, это во-о-он в ту сторону, километров двадцать.

Тея махнула рукой в сторону огромного тоннеля для кораблей. По бокам, у самых стен, виднелись железные подмости, местами обвалившиеся, предназначавшиеся для технического персонала тоннеля.

— А ты? — вдруг спросил Техей, переведя взгляд на девушку. Он понимал, что видит ее, возможно, в последний раз, но после всего произошедшего не мог выдавить из себя ничего осмысленного. — Что ты будешь делать?

Тея смахнула с лица непослушную прядь кудрявых волос. Задумчиво посмотрела вдаль, на спокойную гладь зараженных вод.

— Займусь племенем. И спасу каждого, кого смогу, — уверенно, с какой-то необъяснимой злостью в голосе ответила она. — Архитектор, Бортеас, хотела... Да неважно. Неважно что она там хотела. Пошла она в жопу. Я должна быть со своим племенем и разгрести то дерьмо, которое вы тут устроили.

— Мне жаль, что так вышло, — тихо сказал ей Техей.

— Мне тоже, — не оборачиваясь тихо сказала она и рыбкой юрко прыгнула в воду.

Техей снова остался один. Один, в пустом, гулком заброшенном порту, где, на первый взгляд, не было ни единой живой души. Конечно, это было не так, и сам юноша это понимал — на Плиосе жило огромное, неисчислимое количество дикарей, которые опустились

настолько, что больше не принадлежат ни к племенам, ни к цехам. Жалкие существа, которые убивают и грабят ради корки хлеба или глотка чистой воды. Они были вокруг, где-то там, в едва различимых в темноте подземелья вентиляционных трубах, давно уже не работающих и заброшенных, в пустых домах, может быть, даже в воде.

Мальчик нажал на спусковой крючок малого резака. Инструмент не работал — а то как же, столько времени провел под водой. Значит, надо пересобрать, вычистить, высушить. Надо занять себя делом. Каким угодно, лишь бы очистить мысли.

Лишь бы не думать о том, что он сегодня потерял.

Акт второй: Аэроцех, глава 1

Мрак холодной, черной комнаты из проржавевшей жести окутывал, обволакивал, словно похоронный саван. Во тьме той сверкал лишь яркий, искрящийся сиреневый огонек плазмы, впивающийся в защищенные, крепкие тела воинов. Эол бился как мужчина, как защитник, но и его, сильного и стойкого, настигло лезвие гвардейского ксифоса — холодная сталь, пускающая отблески в густой темноте, вошла в тело петраманта по самый штамп, прямо у рукояти. Он упал на колени, повернул свое пожелтевшее, покрытое сетью бурых трупных пятен лицо назад, к своему воспитаннику. Шея, провернувшись на 180 градусов сдавленно хрустнула, но покойник этого, казалось, и не заметил.

— Это твоя вина, — раскрылся его гниющий рот с распухшим языком и черной трупной жидкостью, бурлящей в горле. — Это все твоя вина.

— Папа! — воскликнул Техей, пытался бежать к нему, тянулся рукой к самому родному человеку, что был у него на этом свете... Но все тщетно. — Папа, папа, стой! Подожди, папа!

Убитый все отдалялся, будто бы бежал Техей совсем в другую сторону. Взгляд его мутных, безжизненных глаз при этом был прикован к бледному, болезнному лицу сына.

— Это твоя вина, — повторил покойник, лишь раскрывая рот, но не шевеля губами. — Ты виноват.

За ним, в окружении безликих гвардейцев в комнату вошел Керон. Он сердито смотрел на Техея, беспомощного и сломленного, кривил губы в отвращении.

— Зря он понадеялся на тебя, — брезгливо бросил он, раскуривая трубку. — И шага без девчонки ступить не смог. Позор племени.

— Н-нет, я..! — пытался оправдаться Техей, но никто и не думал его слушать.

— Лучше бы Эол поручил атлас Кремносу! Даже этот плебейский мальчишка бы справился лучше. Он умнее, хитрее... Не такая размазня, как ты!

— Замолчите! — закричал Техей уже наяву, очнувшись от кошмара.

Его голос эхом отражался от длинных, высоких бетонных стен канала. Мальчик вскочил на ноги, принялся беспокойно оглядываться по сторонам — вокруг все время был кто-то еще, и привлекать внимание жителей заброшенных тоннелей Техей совершенно не желал. В этот раз, впрочем, пронесло — вокруг была лишь тишина и плеск грязной воды где-то далеко внизу.

Юноша заночевал (хотя не знал который сейчас час) в небольшом помещении навряде комнаты управления. Разбитые, разобранные на запчасти пульта высились вдоль стел безмолвными, мертвыми грудями ржавого металла, как, наверное, и механизмы, которыми они когда-то управляли. В дальнем же конце комнаты, рядом с выходом, располагалось длинное, узкое окно без рамы, из которого можно было разглядеть канал, слабо освещенный прожекторами вдоль стен, большая часть из которых отсутствовала.

— Блин... — выругался про себя Техей, глядя на свой неудавшийся ужин.

Перед сном мальчик соорудил простую ловушку на мелкого зверя, оставил в качестве приманки кусочек зачерствелого сухаря. Добыча не заставила себя ждать — местные крысы, тощие и жалкие, почему-то старались держаться подальше от воды и обживали помещения на самом верху канала, такие как эта комната. Примуса, впрочем, Техей с собой не имел, а тратить газосмесь на готовку не хотел, поэтому погрузил освежеванную крысиную тушку в свернутый из жести стакан, наполненный капающей из трубы под потолком относительно

чистой воды, а затем опустил в воду гвоздь с примотанными к нему проводками, подключенными к местной сети, заставляя воду кипеть. Однако сон победил мальчика быстрее, нежели голод, и тушка разварилась, а затем и обуглилась под воздействием электричества, когда вся вода выпарилась.

— Не судьба... — вздохнул он, собирая вещи и одеваясь в высушенную на пультах управления одежду.

От вещей теперь неприятно пахло чем-то кислым, как и от самого Техея, но, по крайней мере, теперь не нужно было терпеть на себе тяжелую, мокрую одежду. В комнату через узкое окно подул ветерок старого, спертого воздуха, пахнущего плесенью и мокрым бетоном. Когда его не было, впрочем, Техей то и дело ловил себя на мысли, что чувствует тянущийся откуда-то слабый запах хлорки.

"Кто-то здесь живет, это любой дурак бы понял", — подумал он про себя, застегивая молнию комбинезона. — "Странно, что до сих пор не напали."

Когда он наконец собрался и забрал все, что унес с собой из племени, мальчик в последний раз оглянулся на пустую, но почему-то лишенную пыли комнату. Тряхнув головой, он стал спускаться вниз по длинной винтовой железной лестнице, скрипучей и местами обвалившейся. Пролет за пролетом, он спускался все ниже, все ближе к воде, пролетая мимо заваренных металлических дверей, на которых виднелась облупившаяся желтая краска в форме чисел, обозначающих, по видимому, этажи.

В самом низу двери на очередной площадке не было, зато был проход обратно в тоннель, на шаткие металлические подмости, прикрепленные к стенам. И снова Техей, продолжая свой путь, отметил про себя, что слишком уж в хорошем здесь все состоянии — даже подмости хоть и ржавые, а держатся на свежих, почти чистых болтах. Кто-то это место обслуживал, ухаживал за, казалось, никому не нужными путями.

Чтобы шагать бодрее, Техей стал напевать под нос что-то простое, незатейливое. Четкий, математически стройный ритм, помогающий считать шаги и не погружаться в мрачные мысли. Пум-пурум, еще два шага сделано, осталось всего каких-то несколько десятков тысяч. Тонкий, листовой металл скрипел и грохотал под ногами, краем уха иногда можно было уловить плеск рыб, которые как-то приспособились к едкой среде этих проклятых вод, а где-то впереди слышался тихий, почти незаметный гул.

Техей не успел и пискнуть, как сильная, цепкая рука схватила его за шиворот, как ладонь плотно закрыла ему рот. В мгновение ока кто-то утянул его за угол, за бетонную стену, в темноту, и крепко держал, не давая вырваться. Парень потянулся к пересобранному и высушенному резаку на поясе, но неизвестный одернул его руку, прижал ее к телу.

— Молчи, придурок! Тс! — раздался из темноты чей-то шипящий, прокуренный голос.

Постепенно Техей понял, что незнакомец не пытается ему навредить. Руки крепко держали его, не давали вырваться, но вот этот человек, поняв, что Техей будет молчать, медленно убрал ладонь с его рта. Мальчик поднял взгляд и увидел в темноте длинное, вытянутое лицо человека без одного глаза, который напряженно вглядывался в плещущиеся, пошедшие рябью воды канала. Гул, что приближался со стороны станции, становился все громче, в нем проступал быстрый, жесткий ритм тарахтящего двигателя. Кто-то быстро приближался сюда на катере, и человека, что прятался вместе с Техеем, этот факт очень и очень пугал.

Свет мощного, болезненно-желтого прожектора осветил уходящий вдаль длинный тоннель. Сквозь тарахтение двигателя послышались голоса, какие-то люди что-то бурно

обсуждали, гоготали. Когда их катер проплыл мимо укрытия Техей и незнакомца, последний даже затаил дыхание, зажмурился, от страха не в силах даже выглянуть наружу. Но, к счастью, лодка прошла мимо, жесткая дробь работающего двигателя стала отдаляться, все дальше и дальше, а свет прожектора становился все тусклее и тусклее, пока катер не скрылся за плавным, широким поворотом.

— Фух... — выдохнул незнакомец. — Ты совсем дурак что-ли? А если б они тебя увидели?

— Кто это, "они"? — Техей склонил голову набок, вопрошающе глядя на урда.

Тот причмокнул губами, снял с пояса фляжку с водой и сделал глоток. Техей, не видевший чистой воды с самого пищевого цеха, невольно облизнулся. Мужчина, заметив это, протянул ему фляжку, и Техей, аж засияв от счастья, приложился к ней губами, делая пару больших, жадных глотков.

— Ты не отсюда, да? — незнакомец закупорил емкость крышкой, прищурил единственный глаз. — Петрамант или украл маску?

— Техей из Ортеан, — юноша протянул ему руку, окончательно убедившись, что незнакомец неопасен. — Петрамант-жестянщик. Ну, там всего понемногу, но официально жестянщик.

— Гарт, — мужчина слабо, вяло пожал его руку. — Из безымянной залупы Плиоса.

Поджав губы и смущенно отведя взгляд в сторону, Техей понимающе, медленно кивнул, сопроводив это сочувственным вздохом. Пора было отправляться в путь, но разговор явно зашел в тупик и даже и не думал заканчиваться. Нужно было хоть как-то попрощаться с незнакомцем и... Отблагодарить его? Техей не был уверен в последнем. Кто там эти люди на лодке, еще раз..?

— А это... — он указал на канал.

— Работоторговцы, — шмыгнул носом Гарт. — Вашему брату-то это все похер, вас еще попробуй излови, а нас, тех, кто лишился цеха, такие ловят и продают на зой-базаре. Кого на рудники — тех вообще больше никто не видит, а кого... Ну, ты вон, вроде, ухоженный. Тебя бы в красный дом отправили.

— Но я ведь благородный, — Техей искренне не понимал, как такое вообще возможно. — Меня нельзя продавать.

— Ага. Хоп, — одним ловким, быстрым движением Гарт сорвал с головы мальчика сварочную маску. — А теперь не благородный. И что, кому ты что докажешь?

— Отдай! — воскликнул тот.

Мужчина тяжело вздохнул, присел на корточки, прислонившись к холодной бетонной стене, и протянул Техею его маску. Он сразу же надел ее обратно, недоверчиво зыря на Гарта.

— Вас там вообще ничему не учат, в племени вашем?

— Учат. Я умею читать, писать, знаю больше четырехсот сварочных швов, я...

Мужчина сдавленно, хрипло засмеялся, и смех его перешел в недобрый кашель. Он прикрыл рот какой-то грязной тряпкой, которую вытащил из кармана, и Техей смог различить в темноте, что незнакомец кашляет кровью.

— Это вода. Испарения. Сюда сбрасывали всякую дрянь, — пояснил Гарт и убрал тряпочку обратно в карман. — А ты, все-таки, дурак. Строить умеешь, весь такой умный, а дурак. Не про науки я говорю, а про... Хм... Про жизненный опыт, понимаешь? Про то, что стоит делать, а чего лучше делать не надо. Ну, был же у тебя отец, не говорил ничего такого?

Техей нахмурился, присел рядом. Когда речь зашла про Эола, в голову ему снова ударили сотни мыслей, чувств и эмоций, многие из которых не имели имени ни на одном из человеческих языков. Горечь утраты, сожаление, стыд, желание вернуть все как было, поступить по-другому...

— Эй, — Гарт ткнул Техея в плечо кулаком. — Не спи.

— Папа... — задумчиво вздохнул парень. — Он учил меня держаться племени. Учил, что все люди разные, но всех можно понять и принять, со всеми можно найти общий язык.

— Ну и дурак, выходит, твой папа... — устало вздохнул Гарт, закрывая свой единственный глаз.

— Сам ты дурак, дядя, — обиженно, тихо сказал Техей. — Прячешься тут, как крыса, кровью кашляешь. А толку? Все-равно же поймают. Нет бы собрать народ, дожидаться, когда те расслабятся, и...

— И что? — усмехнулся мужчина сипло. — Накинуться на них всем скопом, так? Без оружия, без умения драться, да? На людей с арбалетами и гарпунами. Ну-ну.

— Все еще лучше, чем прятаться по норам и терпеть, — Техей фыркнул, надвинул на лицо маску. — Но дело ваше. Хотите сидеть — сидите. А я пойду. Пусть попробуют меня взять.

Гарт не стал его останавливать, лишь покачал головой, глядя как все дальше и дальше удаляется невысокая мальчишеская фигурка по гулкому, сырому тоннелю. А сам он так и сидел на своем месте, не желая никуда выходить, ни с кем бороться и вообще попадаться кому бы то ни было на глаза. Тоннельных, диких людей устраивала и такая вот, жалкая жизнь, и плевать они хотели на возвышенные мечты и идеалы одинокого, идущего куда-то мальчика.

Через, примерно, километр Техей свернул с канала на дублирующий тоннель, сухую магистраль, уходящую влево, к другим цехам, и вперед, к узловой станции, где он мог поймать поезд до центральной АЭС. Может, конечно, придется сделать пару пересадок, но уж там, на транспорте, он доберется до места назначения за считанные дни — так ему казалось.

Вскоре, спустя еще час (или больше — времени в тоннелях не ощущаешь), Техей вышел к еще одному проходу, круглому тоннелю, пересекающему магистраль почти перпендикулярно. Это был железнодорожный тоннель, и сама железная дорога, поднимаясь над магистралью, проходила над ней, по бетонному мосту, исписанному различными надписями.

Здесь явно бывали люди, и, судя по всему, часто. На бетоне можно было прочесть как похабные словечки, так и чьи-то имена: "здесь был", многократно повторяющееся, чередовалось с мужскими, а иногда и женскими именами. Дейем, Ной, Келена, Афос, Хек... Десятки людей оставили свой след здесь, под железнодорожным мостом, и, не выдержав, Техей добавил свою, маленькую, убористую надпись на новоэллинском:

"Здесь был Техей".

Довольный, почему-то, проделанной работой, опьяненный внезапно навалившейся на него свободой (а надпись стала подтверждением — никто больше не скажет ему как и что делать), мальчик бодро зашагал прочь, по темному тоннелю, освещая себе путь тусклым экраном атласа.

"Гидроманты бы тут от страха обделались", — подумал, улыбнувшись, он. — "Мы-то привыкли к таким местам".

Энтузиазм, впрочем, быстро сошел на нет. "Мы" — короткое, но почему-то полное печальной лживости слово. Какое там "мы"? Эола продали, Техея преследуют — мальчик буквально чувствовал, что за ним по пятам, растекаясь потоком грубой силы по бесконечным тоннелям, цехам и пустым помещениям, следуют агенты Архитекторов, тянут к нему свои руки. Им нужен был атлас, а еще он был нужен Эхемносу, лидеру сопротивления.

"Сопротивление!", — вспыхнула в сознании Техея простая мысль. — "Вот кто мы! Вот кто я! Я — член сопротивления!"

Такой титул, пусть и ничем не подкрепленный, радовал Техея, пожалуй, еще больше, чем звание благородного петраманта. Его юношеская, горячая кровь вскипала, душа и сердце требовали перемен, требовали бороться с застоявшейся, дряхлой системой. Словом, Техей был обыкновенным, нормальным подростком, пусть и с печальными, меланхолическими взглядом и голосом. И желание действовать, извечное желание бороться с кем бы то ни было, с любым врагом, какой найдется, на самом деле помогало ему в эту минуту — голоса в голове, то и дело пугающие его, почти исчезли, их место заняло подростковое бунтарство.

Впереди, в конце тоннеля, виднелся свет, льющийся из маломощных ламп накаливания. Оттуда слышались голоса людей, топот множества ног — место было явно оживленное. Когда на свет вышел Техей, путь ему преградили двое крепко сложенных мужчин железных панцирях, в руках у каждого окованная железом дубинка, на поясе — оружие посерьезнее, что-то клинковое. Один из них поднял руку, взглядывая в прищельца, изучающе осматривая его с головы до ног, и, наконец, спросил:

— Кем будешь?

— Я Техей из... — он замялся, думая, стоит ли раскрывать свою принадлежность к подполью вот так просто.

"Нет, Эол даже мне не рассказывал о таком", — тут же подсказала правильный ответ логика. — "Никому нельзя верить, папа так говорил. Лучше побуду-ка я петрамантом."

— Техей из Ортеан, — наконец выговорил парень.

Эта короткая заминка вызвала у стражей еще больше подозрений. Место было нелегальное, хозяину этого славного черного цеха — так называли нелегальные, не вписанные в бюрократический реестр цеха, действующие или только потребляющие, — было и без того не просто отваживать отсюда снующих повсюду агентов Архитекторов. Для агента, прочем, пришедший в цех юноша был как-то слишком простоват, да и торчащие во все стороны белые кудри слишком бросались в глаза, чтобы делать такого человека шпионом.

— Петрамант или украл? — стражник кивнул на маску на лице Техея.

— Маски подгоняются под размеры владельца, это же сложное устройство, — ответил юноша. — Я свою заслужил.

— Хм, — стражник усмехнулся, оба они отошли в стороны. — Ну, проходи.

В цех вела довольно хлипкая на вид помятая железная дверь с зарешеченным окошком, а вокруг нее — перегородка из арматур, которую Техей мог бы перерезать меньше чем за минуту. С другой стороны кто-то третий щелкнул большим, отлитым из меди ключом в тяжелом замке, отпер дверь и приоткрыл ее, пуская мальчика в цех.

Такого Техей не видел еще никогда за свою короткую жизнь. В просторном, уходящем далеко вперед, одной длинной, почти бесконечной улицей, простирался яркий, полный разноцветных огоньков цех. Он был похож на небольшой, но очень густонаселенный

подземный город, который проектировал какой-то старый, больной на голову петрамант. Вместо привычных разделений по удобным блокам, вместо конструкционного расчета, безопасных расстояний, показателей аэрации, инсоляции и всего прочего, что, как думал Техей, нужно живому человеку — душная, тесная улица, плотно стоящие друг к другу дома, похожие на сложенные хаотично детские кубики — бетонные, жестяные, из контейнеров, цистерн и всего, что можно только представить. И повсюду огни, огни и огни, сводящие с ума, яркие и кричащие, как будто весь цвет и всю красоту Плиоса собрали в одном небольшом, скрытом от глаз посторонних цехе. И главное, что бросалось в глаза — вдоль главной дороги, каждые три метра, людей, толпящихся на улице, окружали искусные статуи в античном теле, с обнаженными или прикрытыми лишь легкой шелковой тканью сверкающими, переливающимися разноцветными огнями телами.

Раскрыв от удивления под маской рот, Техей медленно двигался в толпе людей, тесной и иногда злой — странные люди в глухих балахонах, плащах, мантиях и традиционной одежде пихались локтями, толкались, будто бы спешили куда-то. Иногда мимо общей толкучки, раздвигая поток людей, медленно проезжала железная телега, влекомая мотоблоком, в которой, внутри железной арматурной клетке, битком набиты люди, грязные, побитые и несчастные.

"Рабы", — подумал Техей. — "Точно рабы. Повезли новому хозяину."

Выскользнув из толпы людей, Техей прижался к бетонной стене ближайшего дома, встал на носочки, пытаясь разглядеть уезжавшую в тоннель, из которого пришел юноша, телегу. Какие-то люди о чем-то переговаривались подле нее, показывали стражам какие-то длинные, исписанные мелкими буквами грамоты. Человек в сиреновом балахоне сунул стражу в ладонь, оглядываясь, сверкающую монетку.

— Вам чего, молодой петрамант? — раздался над ухом голос продавца, высунувшегося из небольшого зарешеченного окошечка.

— А? — Техей обернулся, взглянул на него.

Только сейчас его глаза сфокусировались на вывеске, гласящей:

"Русалки Мерееса, голубоглазые нимфы"

— А-а... — юноша замялся, покраснел под маской и принялся быстро-быстро мотать головой из стороны в сторону. — Нет-нет, ничего!

— Ну так и пшел отсюда тогда, не топчись у прилавка, — буркнул торговец и резко, с грохотом запер окошечко.

Волнение, которое захлестнуло Техея, становилось все более и более сильным, накрывало его, словно облако газов МТ, когда в двигатель протекало масло. От огней и голосов, от шума и тесноты у него начинала болеть голова, и юноша, пройдя всего еще пару десятков метров вдоль людной улицы, свернул на тихий, безлюдный переулок, зажатый меж двух высоких, упирающихся в потолок цеха домов. Он тяжело дышал, пытаясь справиться с восторгом и возмущением, что кипели в нем одинаково сильно.

"Это ведь просто плебеи", — тряхнул головой он, стараясь не думать о рабах. — "Какое мне до них дело?"

Так его учили в племени. Плебеи все-равно плодятся, словно крысы — иные племена и вовсе контролировали популяцию своего народа, лишних людей часто меняли на ресурсы или просто бросали позади, оставляли их выживать в цехах Плиоса самостоятельно. Такие часто становились дикими.

Но все же что-то внутри него никак не могло успокоиться. Он чувствовал, что обязан

помочь этим людям. Обязан сделать что-то, чтобы освободить хотя бы некоторых. Он ведь не может бороться с ненавистными Архитекторами, поддерживая при этом вот такой вот мир, полный анархии и беспредела.

Его мысли прервал скрип закрывающейся калитки. Путь, которым Техей пришел в этот переулок, теперь был отрезан, там теперь стоял высокий мужчина с длинным шокером в руке. Позади медленно шли навстречу Техею еще двое, с мэнкетчером и длинным ножом.

— Ты один здесь, мальчик? — улыбнулся первый кривой, злой улыбкой.

— Мне пятнадцать, я уже могу ходить один, — нахмурился Техей и снял с пояса плазменный резак, проверил пламя.

Незнакомцам устройство в руке Техея очень не понравилось. Они остановились на пару секунд, присматриваясь к юноше, но затем, переглянувшись, стали подлзнуть ближе.

— Какая у тебя интересная игрушка... — прохрипел тот, что был с ножом. — Дашь посмотреть?

— А ты попробуй отобрать... — процедил сквозь зубы Техей, перекидывая пистолет резака из руки в руку, готовясь к драке.

Ничего сложного тут не было, драться Техея учили. Сперва тот, что с мэнкетчером — у него слишком длинное оружие, да еще и в узком переулке. Если сразу метнуться к нему, то он не успеет его использовать. Затем тот, что рядом с ним. Третий сбежит сам, это ясно как день.

— Ну-ка, стоп! — раздался со стороны улицы властный мужской голос.

Калитку открыли, и в переулок прошел невысокий, толстый человек в белоснежном хитоне и с красивым бархатным гиматием цвета крови поверх него. Он был немолод, не меньше пятидесяти лет, почти облысевший и на вид из самой что ни есть неприятной породы.

— Что здесь происходит?! — воскликнул он, с презрением глядя на напавших. — Как вы посмели угрожать благородному отпрыску?!

— Господин Пегаллос, да мы просто... — улыбнулся человек с ножом.

— Молчать! Напугали бедного мальчика, дикари!

Быстрым, широким шагом богатый человек подошел к Техею и положил толстую руку с жирными пальцами ему на плечо, будто бы показывая этим жестом — "он под моей защитой". Шишка явно важная, раз даже случайные похитители его послушались.

— Варвары, такого ангелочка обижать! Ну-ка, брысь отсюда! Марш, марш!

Усмехаясь про себя и глядя Техею вслед, похитители побрели прочь, восвояси. До ушей Техея донеслось всего два слова: "...не повезло".

— Напугали они тебя, бедненький? — тише, даже с каким-то теплым, искренним беспокойством спросил Техея мужчина.

— Да не особо... — протянул он, шмыгнув носом и откинул маску на лоб. — Техей из Ортеан. Благодарю за помощь.

— Брось, — усмехнулся толстяк, отмахиваясь и улыбаясь жирными губами. — Это мой долг как правителя этого славного маленького цеха, помогать людям, попавшим в беду.

"Вот он!", — тут же подумал Техей. — "Шанс! Надо захватить его в заложники, тогда можно будет подумать насчет освобождения рабов!"

— Ну что же мы стоим? — толстяк раскинул руки, улыбаясь. — Пойдем же, юный Техей! Приглашаю тебя на ужин в мою скромную обитель. Ты наверняка проголодался, ведь так? Выглядишь ты потрепанно.

— Я... — замешкался от такой внезапной щедрости Техей, не зная что ответить. — ... да, вообще-то.

— Вот и славно! Пойдем же, пойдем!

Дом Пегаллоса, хозяина зой-базара, располагался в самом центре цеха. Это было большое бетонное здание, снаружи выглядящее, словно было построено из кирпича — наметанный глаз Техей сразу распознал дешевую подделку, такую стену и он бы смог сделать. Сам дом напоминал что-то отдаленно похожее на классическую эллинистическую архитектуру, но выполненную больше в стиле нео-космизма, с присущими жесткими, псевдофункциональными формами, утилизирующее древнегреческий стиль в виде фальш-колоннады и скатной крыше (бесполезной под крышей цеха, но привлекательной чисто эстетически). Подле входа (дверь была деревянной — невиданная роскошь!) стояли, словно немые стражи, две мастерски выполненные мраморные статуи, изображающие обнаженных мужчин-атлетов с копьями и большими, круглыми щитами.

— Милый дом, — сдержанно, как учил его отец, похвалил вкус хозяина Техей, заходя внутрь.

— Не разувайся, прошу тебя! — улыбаясь, уговаривал его Пегаллос. — Слуги все приберут.

Внутри убранство было чуть поскромнее, и в целом интерьер можно было описать как "уютный". Не было той помпезности, которая требовалась снаружи, чтобы показать богатство и силу, она уступала место комфортабельности и сдержанному, но не лишенному изыска стилю. Тускло горел теплый, приглушенный свет, со стен свисали узорчатые ковры, на видном месте сияли скрещенные мечи-ксифосы.

Обедать Техей пригласили в небольшую, но способную вместить человек десять обеденную комнату, где стоял длинный, с мраморной столешницей, стол. Это могла быть реплика, впрочем — фальшмрамор умели делать в других семьях петрамантов, тех, что побогаче.

— Расскажи мне, Техей, — начал разговор Пегаллос, когда подали воду и вино. — Что привело тебя на зой-базар? Сомневаюсь, что ты хочешь приобрести себе рабов.

Прохладная, кристально-чистая вода заструилась из амфоры в высокий стеклянный стакан. Техей, глядя на нее, невольно облизнул пересохшие губы. Да и наливала ее прелестная девушка в платье, являющем собой смесь костюма горничной и классического эллинистического наряда — белый костюм горничной, легкий и полупрозрачный, если описывать простыми словами.

К воде юноша, впрочем, притрагиваться не спешил. Никому нельзя верить. Нужно подгадать момент и приставить резак к жирной шее ублюдка. Вот-вот, уже почти...

— Я своего рода паломник, — ответил Техей, не поведя и мускулом. — Иду туда, куда мне сказал идти мой отец.

— Как интересно! — воскликнул, хлопнув в ладоши, Пегаллос. — И что же является конечной целью? Наверняка нечто захватывающее!

С кухни стал доноситься невыносимо привлекательный аромат жареного мяса. Техей невольно принюхался, на мгновение прикрыл глаза, чувствуя, как в животе урчит.

— Я бы так не сказал, — покачал головой юноша. — Но это мой долг. Таков путь петраманта, всегда быть в дороге.

— Удивительно, — Пегаллос никак не прекращал улыбаться. — Ты пей, пей. Сейчас подадут ужин. У меня прекрасная повариха. Чем ты питался в племени, Техей?

Ситуация, как и бесконечный поток вопросов, начинали надоедать юноше. Надо побыстрее схватить хряка... А вот тогда можно и поесть, когда он будет в заложниках. Рука медленно потянулась к резаку на поясе.

— Вообще-то, господин Пе...

— Просто Пегаллос.

— Пегаллос, — Техей кивнул. — У меня здесь есть кое-какое дело, тут вы правы.

Улыбка сошла с лица толстяка, словно смытая водой. Той самой, с ядом, что была в стакане.

— Дело в том...

— Ладно, довольно, — толстяк устало, лениво взмахнул рукой. — Ату его.

В тот же миг сильные руки натренированного бойца схватили Техея, лицо зажали мокрой тряпкой. Юноша вырывался, брыкался, успел даже поднять вверх, на напавшего резак, но тут едкая смесь химикатов, которую он вдыхал, начала действовать. Все тело становилось вялым, онемевшим, словно чужим. Мысли путались, становилось темно, тепло, глухо... И сознание окончательно покинуло его вместе с упавшим, повисшим на длинной трубке пистолетом резака.

Глава 2

Елена, молодая девушка, весьма миловидная, но при этом вынужденная вечно выглядеть "серой мышкой" из-за своей работы, проснулась в своей крохотной, погруженной в приятный, сонный полумрак комнатке. Рукой, вытянув ее из теплого ложе, дотянулась до жужжащего неподалеку небольшого прямоугольного будильника, и громко, сладко зевнула, потягиваясь под теплым синтетическим одеялом.

Через неплотно сдвинутые жалюзи пробивался свет разноцветных огоньков черного цеха зой-базар, с улицы тянуло знакомым, приятным ароматом свежей выпечки, к которому примешивались запахи латекса, пота и чего-то необъяснимого, навроде гари. Последним пахло везде, почти незаметно, но если забыть про все прочие чувства, то обоняние выхватывало из общего шума именно этот запах, который порой вызывал тревогу у местных жителей, ведь воздух к ним шел из цехов, расположенных еще ниже. Гораздо ниже. И он не должен был так пахнуть.

Отпустив приятный сон, окончательно вырвавшись из объятий Гипноса, девушка принялась наводить утренний марафет. На работу опаздывать было нельзя.

Общая на весь этаж ванная пусть и не отличалась особым шиком, но, по крайней мере, регулярно убиралась жильцами дома. Там же, у старого керамического умывальника, сейчас приходила в себя старушка Мария, самая старая жительница дома, которая застала еще те времена, когда цех не был черным, когда сюда стекался честный люд, а не разношерстный сброд, навроде работоторговцев, мошенников и воров.

— Здравствуйте, тетя Мария, — Елена улыбнулась старушке, повернула скрипучий вентиль крана.

Железный кран засопел, в трубах раздался гул, и через пару секунд из него побежала вода — не самая чистая, но для умываний сойдет. Пить ее, впрочем, не стоило, по крайней мере без фильтрации через уголь и кипячения.

— Ну и чего? — прокряхтела старуха. — Опять к этому борову попрешься?

— Ну а чего ж поделаться? — Елена, вытираясь грубым вафельным полотенцем, вздохнула с легкой, вежливой улыбкой. — Работа есть работа, сами понимаете.

— Работа... — старуха махнула рукой. — Мне-то не мели только, ага.

Мария медленно, держась за поясницу, поплелась прочь, в свою темную, затхлую комнатку. Елена в очередной раз подумала о том, что ремонтник, что обещал починить ей вентиляцию, никак не доберется до сюда, все мешкает и мешкает, а это, вообще-то, было опасно. Но обилие углекислого газа, видимо, заставляло старушечий мозг работать как-то иначе, нежели чем у обычного человека — больно уж часто она рубила правду-матку там, где другие предпочитали не воспринимать реальность такой, какая она есть. Например, она была права насчет Елены — девушка может сколь угодно долго оправдываться, убеждать себя в том, что она идет на работу, но формально она все-равно оставалась бесправной рабыней. Да, ей платили, и причем в ходовой валюте — платиновых комматиях, но, тем не менее, у нее не было права просто так взять и не прийти на работу — за такое могли и выпороть.

Покончив с умыванием, девушка, понимая, что опаздывает — атомные часы в бюрокластере в километрах отсюда уже показывали без четверти шесть, — быстро нанесла простой макияж, в духе того, что нравилось ее господину — пудра, черная помада, длинные,

темные стрелки "под египтянку" и зачесанные набок короткие волосы. Последним штрихом стала форма, которая сперва заставляла девушку краснеть от одного только взгляда на полупрозрачную ткань, но теперь уже стала привычной частью ее повседневной жизни. Разглядеть что-либо все-равно было слишком трудно, если только осветить тело Елены прожектором, зато тонкая, воздушная ткань замечательно подчеркивала достоинства ее девичьей фигуры — аккуратную, узкую талию, округлые "материнские" бедра, узкие плечи. Неспроста господин Пегаллос забрал ее к себе домой и сделал своей служанкой, ох неспроста.

Наконец, ровно в шесть (ну, может чуть-чуть позже, но никто об этом не скажет) девушка уже здоровалась с остальными, не менее красивыми и такими же несвободными служанками богатого дома.

— Елена, — ей кивнула откуда ни возьмись появившаяся на пороге экономка, злющая женщина в годах. — Идем.

На ее узком, худом лице, похожем на череп, обтянутый кожей, невозможно было различить какие-либо человеческие эмоции. Словно все, что было в этой женщине людского из нее попросту вытянули, лишили ее как радости, так и чувств злости и печали. В голосе сталь, в походке — твердость камня, а в душе пустота. Не случалось еще ничего хорошего, когда она обращалась к кому-либо из девушек, чаще всего такие кивки означали, что служанку ждет наказание.

Сжимая в руках подол невесомого, с множеством складок платья, Елена боязливо следовала за женщиной на второй этаж большого дома. Она мягко, едва слышно ступала по красным коврам, почти не смотрела по сторонам, панически думая о том, в чем она могла так сильно провиниться. Ничего, впрочем, в голову не приходило, одно только небольшое опоздание на работу, но оно вряд ли могло стать причиной гнева хозяина дома.

Экономка достала из кармана в переднике потертый железный ключ, открыла одну из деревянных, лакированных дверей и жестом пригласила Елену внутрь. Девушка вошла, шумно сглотнув, но вместо Гафона, личного охранника господина Пегаллоса, увидела лежащего на полу мальчика с белыми волосами в странной, грубой одежде. Разумеется, Елена в своей жизни уже успела посмотреть и на петрамантов, но такого молодого, да еще и одного, без племени, видела впервые.

— Раздень его, — приказала экономка. — И искупай. Потом одень в одеяние, что лежит в шкафу, и приведи к господину Пегаллосу.

Не дожидаясь ответа, Экономка резко захлопнула дверь, и замок автоматически защелкнулся. К счастью, изнутри он тоже открывался, так что в случае чего у девушки был путь к отступлению.

Мальчик был без сознания. Елена осторожно, стараясь ничего не повредить, сняла с него странную, глухую маску с одной лишь узкой прорезью для глаз. С обратной же стороны маска выглядела сложнее, виднелся некий странный механизм, округлые окуляры там, где должны быть глаза, и прочные, удобные резиновые носоупоры. Под маской же девушка увидела спящего ангела с грустными даже во сне глазами, белоснежными бровями и ресницами и тонкими, бледными губами. Он не был однозначно красив, Елена сразу поймала себя на такой мысли — нос был с горбинкой, еще и неоднократно сломанный, довольно большие уши, складки и синяки под глазами. Но даже так он произвел на нее впечатление просто из-за того, насколько необычной была внешность альбиноса.

Вслед за маской она принялась стягивать с него грязную, пропахшую канальным водами

одежду. Мальчик явно побывал в какой-то неприятной передрыге, раз ему пришлось прыгнуть в эту гадость.

"Наверняка пытался убежать от охотников на людей", — с екнувшим сердцем подумала девушка.

На нем был толстый, жесткий хитон-комбинезон с двойной застежкой. Под первой молнией скрывалась вторая, одежда была разработана так, чтобы защитить и от палящего солнца, и от пронзающего до костей ветра. Ближе к талии молния заканчивалась, на одежде там, где был подол верхней части комбинезона, виднелись небольшие потертости — на поясе явно был ремень, но кто-то снял его. Ниже были лишь брюки, которые, разумеется, были частью комбинезона, а на ногах были надеты тяжелые, с бронированными носками рабочие сапоги.

Стянув с мальчика сапоги, Елена принялась за комбинезон. Было бы гораздо проще раздевать юнца, будь он в сознании, но он хоть и дышал, тем не менее не приходил в себя даже когда Елена пыталась его растрясти. Но даже так, мало-помалу, грубая, толстая ткань стягивалась все ниже и ниже, оголяя сперва торс юного петраманта, его широкие плечи, тонкие, но жесткие, мускулистые руки, бледную грудь. Мельком взглянув на проступающие ребра и мышцы под кожей на животе, Елена, покраснев, почтительно отвернулась, прежде чем продолжать раздевать молодого человека. И, наконец, когда его спящее, расслабленное тело осталось перед ней совершенно обнаженным, Елена, поднатужась (благо что сила у нее была, работа не всегда была легкой), уложила мальчика в пока еще холодную железную ванну и открыла кран с горячей водой.

— Живут же люди... — вздохнула она, трогая кончиками пальцев струю горячей воды. — А мне кипятить приходится... А тебе, альбинос?

— Мннмф... — простонал Техей, когда горячая, приятная вода стала доходить ему почти до пояса.

Действие снотворного постепенно сходило на нет, но зелье все еще не позволяло юноше даже нормально мыслить, не то что управлять своим телом и бороться. Всего его обволакивало темно-серое ничто, звуки доносились так, будто бы он только что был в пути и оглох от грохота армады МТ. Даже голоса в голове бредили и вяло, лениво скандировали несуществующие слова:

— Мапка, жавка, шапш, шапрапш...

Намылив как следует мочалку и капнув в горячую воду капельку сильно пахнущего розового парфюма, девушка принялась мыть бледное, слишком бледное даже для благородного тело. Одну за другой она поднимала из-под горячей воды его руки, засмотрелась на крошечную, непонятную ей татуировку на внутренней стороне запястья: "AB(IV)Rh+".

Продолжая купать Техея, Елена невольно то и дело задерживалась на мышцах юного петраманта, трогала их, искренне удивляясь тому, как столь юный мальчик успел стать настолько крепким и сильным. Ей было невдомек, что еще с раннего детства Техей работал на стройплощадках наравне с остальными — таков был закон племени. Тягал тяжелые мешки с цементом, строительный мусор, и все время учился и учился.

— Научишься — пустим в дело, а до тех пор таскай давай, — усмехался тогда Керон над маленьким Техеем, и слова его заставляли мальчика учиться быстрее и усерднее, лишь бы не горбатиться на черных, плебейских работах.

Техей смог, наконец, пересилить себя, шевельнул одним пальцем под водой.

— Кхде... я... — едва шевеля губами простонал приходящий в себя петрамант.

— Тише, тише, я тебя еще не домыла, — негромко сказала Елена, поглядывая на его перекошенное от дурмана лицо. — Не беспокойся, ты в безопасности. Наш господин заботится о таких, как ты.

— А... — прохрипел, причмокивая, Техей. — Чё...

— О красивых юношах, — пояснила Елена.

Техей шумно, нервно вздохнул, широко раскрыв глаза. Смысл сказанного дошел до юноши почти сразу, и передрыга, в которую он попал, совершенно ему не нравилась. Ну нет уж, лучше обратно в кислотную воду, жрать крыс и бороться за свою жизнь!

— Тише, тише! — пыталась успокоить, удержать его в ванной девушка. — Да подожди же ты, сиди спокойно!

Сила еще не вернулась в его словно забившиеся, онемевшие конечности, и служанка, привыкшая к тяжелому труду, смогла удержать его на месте. Купание было почти закончено, но все же вылезать из ванной было еще рано. Она приподняла обе его ноги над водой, намыливая их мочалкой, тихо хихикая от того, как топорщились во все стороны кудрявые, белоснежно-белые волосы на ногах парня.

— Я не смотрела, но ты скажи, если не секрет... — вдруг тихо произнесла она, хитро улыбаясь. — А ты везде такой белый?

— Блеа-а-ать... — простонал Техей, вяло бултыхая руками под водой, разбрызгивая ее и забрызгивая мелкими каплями девушку, что его мыла. — От... пусти... стой...

Несмотря на кажущуюся комичность ситуации, Техей совершенно не видел здесь ничего смешного. Он попал в передрыгу настолько серьезную и опасную, что все, что было до этого, меркло в сравнении с нависшей над ним сейчас угрозой. Конечно, был еще шанс, что господин Пегаллос просто добрейшей души человек и постоянно берет под свое крыло всяких не самых страшных бродяг, но Техей честно признавался себе в мыслях, что вероятность такого стремилась к нулю.

— Ну вот, — сказала с довольным видом Елена и вынула пробку из дна ванной. — Давай-ка, обопрись. Вылезай оттуда.

Она закинула вялую руку Техей себе на шею и стала помогать мальчику выбраться из ванной, откуда быстро уходила мутная, потемневшая от грязи с тела юноши вода. Он почувствовал, как неприятный холодок побежал по коже, глазами разглядел небольшие, вяло вращающиеся лопасти в вентиляционном окошке под потолком. Отверстие, впрочем, было настолько маленьким, что туда бы и маленький ребенок не пролез, а Техей был почти что взрослым.

Служанка усадила его на низкую металлическую скамью, отчего все тело парня покрылось мелкими мурашками. После горячей ванной, да самым ценным на холодный металл... Никаких не было у этих людей моральных норм. Дикие, дикие люди, а еще говорят что петраманты ненормальные.

Елена достала из плетеного шкафа чистую, пахнущую чем-то приятным одежду в классическом эллинистическом стиле — легкую и минималистичную. Техей вяло мотал головой из стороны в сторону, сопротивлялся, но девушка принялась его одевать, натягивать на него легкую тунику, укладывать его волосы... А в голове мальчика крутилась одна и та же мысль:

"Атлас! Где же атлас..?!"

Внизу, тем временем, сталолюдно. В гости к хозяину цеха пожаловали те, кого он

всякий раз ждал меньше всего: владыки воздуха, торговцы жизнью. Без еды человек мог протянуть вплоть до нескольких недель — так бывало у петрамантов, без воды — максимум дней десять, а вот без воздуха... Проще сказать, что даже самые умелые из гидромантов не умели задерживать дыхание дольше, чем на пару минут. И никто не был в силах что-либо сделать с монополией аэромантов на пригодный для дыхания воздух — мрачные, массивные установки в их цехах были настолько сложны, а их секреты охранялись так тщательно, что быстрее бы весь Плиос задохнулся, не имея природных источников кислорода, чем кто-то разобрался бы в устройстве этих спасительных машин.

Процессия мрачных, все как один одетых в черное, пришла внезапно, и Пегаллос вынужден был их принять. Аэроманты были одеты в одинаковые костюмы наподобие монашеских ряс, с одним лишь отличием, что вместо подола костюм заканчивался мешковатыми черными брюками-зуавами. Головы их были скрыты одинаковыми черными платками, плотно прилегающими к голове, а лица скрыты мрачными резиновыми масками противогазов, гофрированные трубки которых уходили куда-то под плотную черную ткань одеяния. Невозможно было даже отличить мужчину от женщины — все они были одинаковыми, и выделялась среди них лишь одна, та, что носила на голове помимо платка странный высокий головной убор, явно религиозного значения, и, как вся остальная одежда, черный, как самые глубокие подземелья Плиоса.

— Уважаемая иерея Охимна! — Пегаллос, недовольный приходом аэромантов, тем не менее строил из себя гостеприимного хозяина.

На него всем, кто пришел в его дом, было совершенно наплевать. Черные фигуры в противогазах, вытащив из-под одеяний длинные, изогнутые кинжалы, быстро рассредоточивались по дому, оттесняли хозяина к дальней стене, обеспечивая безопасность своей госпожи. Иерея, безмолвно глядя на Пегаллоса морщинистыми светлыми глазами через мутные окуляры противогаза, уверенно прошла вперед и заняла удобное, дорогое кресло. Пегаллосу же оставалось стоять перед ней, словно нашкодившему мальчишке.

— Ч-чем... — сглотнул он, чувствуя, как по лбу стекает капля пота. — Чем обязан вашему визиту?

Но черная фигура молчала, как и молчали остальные, что пришли вместе с ней. За все время, что они находились здесь, в этом цехе, никто из аэромантов не проронил ни слова. Там, снаружи, народ расступался перед ними, люди прятались по домам, жались к стенам в страхе перед этими существами. Каждый знал — эти мрачные монахи могут не только лишить весь твой цех кислорода, но и много чего еще. Чего стоят только их легендарные пневматические ружья, стреляющие металлическими шариками, что разрываются внутри плоти своей жертвы.

В комнату, где Елена одевала Техея, постучали. Елена, вздрогнув, зыркнула на дверь, нахмурилась. Никто не должен был отвлекать ее от процесса, ведь ей было приказано самой привести юношу к господину, а значит, что-то было не так. Ее тонкая, тут и там покрытая пластырями рука потянулась к длинным ножницам, лежащим в шкафчике, а маленькие, чуткие ушки прислушивались к каждому шороху за дверью. К несчастью девушки, аэроманты вообще почти не разговаривали вслух — двое, что стояли за дверью, быстрыми, резкими жестами что-то обсуждали. Разговор был коротким, содержательным, и, кивнув друг другу, аэроманты ударили ногами в дверь, сшибая ее с петель и придавливая ей девушку в одеянии служанки.

Техей, все еще вялый от наркотика, с ужасом в глазах наблюдал за тем, как ворвавшиеся

осматривают комнату. Они почти сразу заметили ножницы, что служанка сжимала в руках, и один из аэромантов, получив согласие второго, быстрым движением полоснул кинжалом по горлу придавленной дверью девушки. Она широко раскрыла глаза, пыталась защищаться, хваталась за разрезанное, брызжущее фонтанирующей алой кровью горло, но все было тщетно — всего через несколько секунд остатки жизни покинули ее тело и она испустила последний вздох с агонией на милом, аккуратном личике.

Двое подхватили Техея под руки и потащили прочь из комнаты. На нем сейчас была лишь короткая, едва доходящая до бедер туника, и ему бы было стыдно, если бы не наркотик. Сознание все еще плыло, а шок от увиденного затмевал все остальное, что ощущал юноша. Страх, завладевший его сознанием еще в момент пробуждения, все больше и больше рос внутри него, заполняя его душу липкой, черной субстанцией.

Двое аэромантов стащили Техея по лестнице на первый этаж. Иерея Охимна, матриарх аэромантов, кивнула им.

— Он станет платой за этот цикл, — тихо, безэмоционально сказала женщина Пегаллосу.

— Н-но позвольте! — начал было он, сделал робкий шаг, но один из аэромантов приставил к его горлу кинжал. — Нельзя ли как-то иначе? Он ведь...

— Считай сделку заключенной, — было последним, что сказала жуткое существо, сидящее в кресле.

Техею тут же связали руки и ноги грубой веревкой, на полу расстелили большое полотно черной ткани. Уложив связанного мальчика на ткань, аэроманты принялись плотно его в нее закутывать, начиная с ног и заканчивая лицом. Последним штрихом стала плотная, черная повязка, закрывшая последнее, что еще не было прикрыто тканью — красноватые глаза альбиноса.

Подняв его, связанного и полностью спрятанного от взглядов посторонних, аэроманты покинули дом Пегаллоса так же быстро, как пришли в него. Меньше минуты понадобилось на то, чтобы черные фигуры, быстро шагая по протоптанной бетонной улице, скрылись за спинами многочисленных зевак, будто бы их никогда и не было. Лишь крик одной из служанок Пегаллоса, обнаружившей бездыханное тело Елены, напомнил толстяку о том, кто именно только что побывал у него дома. Закрыв глаза и стиснув от злобы зубы, он сделал глубокий вдох и прошел в свою спальню, приготовленную для плотских утех с пойманным мальчиком. Большую, застеленную белоснежными простынями кровать усыпали лепестки роз, в воздухе витал приятный аромат благовоний, курившихся в дальнем углу. Но все это было неважно — толстыми руками Пегаллос нашарил небольшую трещину в стене, завешанную тяжелым гобеленом. Там отходил небольшой кирпич, единственный настоящий во всех стенах дома, а за ним — крошечный тайник, из которого Пегаллос вытащил украденный у Техея атлас, облегченно выдохнув.

— Гафон! — завопил Пегаллос во всю глотку. — Гафо-о-он!

В дверях вскоре показался рослый, бородатый мужчина, закованный в тяжелые доспехи. Лысый череп украшало изображение колючей проволоки, которая складывалась в классический эллинистический геометрический узор.

— Собирай людей. Всех! — приказал Пегаллос. — Думают, я их не переиграю?! Я их не уничтожу?!

Нахмутив брови на толстом, круглом лице, Пегаллос перевел взгляд на Гафона. У того вечно морда была, как каменное изваяние — ни единой эмоции или признака большого ума.

— Я их уничтожу!

— Тело не обнаружено, госпожа, — гвардеец, встав на одно колено, отчитывался перед своей госпожой.

Племя петрамантов снялось с места в тот же момент, как им только позволили это сделать — на утро того дня, когда был убит Эол. Теперь в пищевом цехе было так же тихо, как и раньше, и единственным отличием, витающим в воздухе, был тихий плач, слышавшийся из каждого угла. Благородные гидромантов потратили не один день на то, чтобы предать тела усопших воде — подготовив тела, их пустили вниз по подземной реке, ведущей к заброшенному подземному порту. Тея от лица своего отца, что вмиг потерял то уважение, которое зарабатывал годами, управляла процессом и неоднократно проводила советы со старейшими своей семьи, пытаясь найти решение засухе.

Архитектор ни разу не появилась на этих заседаниях. У нее были дела поважнее, ее воины неустанно разыскивали тело молодого Техея, который в ту ночь сбежал по древнему, скрытому колодцу. Даже местные не знали о его существовании, что натолкнуло Бортеас на мысль о том, что атлас может быть у мальчика.

— Хорошо, — кивнула она, задумчиво глядя куда-то, и достала из-под одежд прямоугольное устройство. — Можете прекращать, вы его и не найдете.

Она знала, что он выжил. Не мог не выжить — слишком уж часто его имя звучало в цехе с самого момента прибытия петрамантов. Что-то с этим мальчишкой не так, и то ли это была простая удача, то ли некий скрытый навык мальчика, но он справлялся с любыми проблемами, которые ему подкидывала судьба. Одна только история его происхождения чего стоит — найден бродячим убийцей не просто на низких уровнях макрозавода, а ниже уровня естественной поверхности планеты. Ее даже сама Бортеас никогда не видела — слишком глубоко нужно было опускаться в заброшенные цеха, заполненные грязным углекислым газом, слишком опасным было бы это путешествие. Нет, ниже планетарной колоннады она никогда не была... А он родился гораздо, гораздо глубже, там, куда отправляют шахтеров-смертников.

Майя отщелкнула крышку корпуса, устройство приятно загорелось зеленым, и на электрочернильном экране стали вырисовываться линии, пересечения и схемы. Атлас Майи Бортеас вырисовывал карту ближайших цехов, секретные и забытые проходы, тайные помещения и укрытия. Она ловко управляла устройством при помощи двух полусфер по бокам, взгляд черных глаз бегал по картам, пока женщина думала, куда же мог сбежать мальчишка с картой всей планеты.

— Где же ты, где же ты... — бурчала она себе под нос, нахмутив брови от напряжения.

Ее теория не работала. Но она должна была работать, других вариантов нет! Вот, эта дверь, ведущая в боковой транзитный тоннель. Оттуда можно добраться до порта и подземного канала. Но она заварена, ручным резаком юнец не мог ее вскрыть, и уж тем более заварить обратно. Но не мог же он поплыть через затопленную секцию? Там кислота, нужна экипировка.

— Варс, — обратилась она к капитану гвардейцев. — У племени не пропадали гидрокостюмы?

— Минуту, — ответил ей мужчина, принявшись листать толстый ежедневник, в который записывал о происшествиях в цеху. — Нет, нет... Вроде бы нет. А, стоп, хм.

Древний, для глубоководных работ. Его могли прикарманить кочевники.

— Нет... — Майя цокнула языком и покачала головой, разглядывая план подземелий. — Не кочевники. Кочевник.

Выключив атлас, вернув на место защитную крышку, она убрала его под бурнус и накинула на голову огромный, глубокий капюшон. Обернувшись на своих помощников, она строго сказала:

— Я лично займусь этим, другие будут путаться под ногами. Да и не вправе я показывать черни тайны завода.

— Но сестренка! — возмущенно воскликнуло существо в противогазе.

— Нет, Кира. В этот раз я серьезна. Есть тайны, которые должно хранить. Я сама найду его.

— Ты еще здесь? — устало вздохнул гигант, вызвав скромную, едва заметную улыбку на лице хозяйки.

— Снорри, ты за старшего. Помоги племени, почините уловители. Кира, запусти пальчики в другие племена, отправишь весточку если где-то всплывет Техей из Ортеан. Варс, пошли своих гвардейцев по транспортным узлам, отрежь ему пути отхода. А я загоню зайчика в силки.

Загонять, правда, было некого — Техей и так болтался, замотанный в черный саван, не в силах ни вырваться, ни позвать на помощь. Ткань была странная, очень плотная, не пропускающая свет, и при этом приглушающая все звуки так хорошо, как не справлялись с этим даже специально для этого разработанные шлемофоны петрамантов. Но хуже всего было то, что мальчика ужасно мучило — он раскачивался в своем коконе, пока его несли куда-то, а последствия отравления дурманом включали в себя, в том числе, тошноту и головокружение.

"Так, так, спокойно", — думал он про себя, зажмуриваясь и мысленно представляя свое тело, каждую частичку своей физической оболочки, каждый мускул, сухожилие и сустав. — "Ты можешь пошевелить пальцами ног?"

— Можешь, — отвечало тело фантомной вибрацией в позвоночнике, и пальцы ног стали сжиматься и разжиматься.

"А пальцами рук?", — вопрошал Техей.

— Всеми десятью, — шептали нервные окончания, подушечками пальцев мальчик чувствовал легкое покалывание. — Даже одиннадцатью.

"Нет, давайте сейчас не будем меня путать", — Техей мысленно нахмурился, представил себе метлу, которой отгоняет назойливую мысль об одиннадцатом пальце на одной из рук. Было слишком поздно, впрочем — сенсорная галлюцинация уже крепко въелась в его больное сознание, и теперь он отчетливо чувствовал, как шевелит еще одним, лишним пальцем. — "Издеваетесь?"

Перебивая друг друга, голоса в голове стали оправдываться:

— Да это не мы, это ты сам! — завопил один.

— Да не он это, а ты!

— Я?!

— Ты! Тыква!

На мгновение Техею почудилось, как тяжелая, большая и спелая тыква падает ему на грудь, сдавливая ее, заставляя выпустить весь воздух из легких. Разумеется, никакой тыквы не было, всего-лишь гиперчувствительность к мысленным образам.

"Замолчали!", — скомандовал Техей, представляя как вышагивает в высоких кожаных сапогах перед ровным строем собственных идентичных клонов. — "Мы все знаем, что вы даже не настоящие люди. Керон показывал старуху, у которой в голове были разные люди, которые умерли. Вы не такие, вы просто визжащие, надоедливые громкоговорители у меня в голове."

— С чего ты взял? Я вот настоящий, — обиженно фыркнул один.

— Ты-то? — ехидно усмехнулся другой голос.

— Я! — выкрикнул третий. — Блоко!

"Окобля", — мысленно кивнул с умным видом Техей, все так же мысленно скрестив руки на груди. — "Тест Тьюринга вы не прошли, а значит отправляйтесь на помойку и не мешайте. Я тут пытаюсь сбежать."

Мальчик уже и сам понимал, что дал слабину — мысли начинали путаться слишком сильно, куда сильнее обычного. Впрочем, тот факт, что он это осознавал и являлся той спасительной соломинкой, за которую держалась здоровая часть мозга Техея. Лекари, которых Эол находил для него в различных цехах, все как один утверждали, что понимание юношей своего состояния — единственное, что ограждает его от его же собственного безумия.

Глубоко вздохнув, он снова попытался пошевелить хоть чем-то, вместе с тем отчаянно пытаясь удержать в себе то скромное содержимое, что еще оставалось в его желудке. Пальцы ног и рук вполне себе слушались, чувствительность, наконец-таки, возвращалась в тело, да только черный, плотный саван не давал возможности предпринять хоть какую-то, отчаянную попытку сбежать. Да и вооруженные аэроманты вокруг, звуки шагов которых едва доносились до ушей Техея, наверняка будут против того, чтобы мальчик куда-то от них сбежал.

Вдруг, он почувствовал, как процессия остановилась. Раздался скрип, скрежет, и в животе появилось щекочущее ощущение, какое бывает, когда опускаешься куда-то в лифте.

"Меня везут в цеха аэрации", — подумал Техей. — "Для чего? Мне нужно обратно, забрать свой инструмент, свою маску и атлас. Атлас!"

Он явно представил себе, как бьет ладонью по лбу, и мозг услужливо включил ощущение боли в концертную программу. Техей тихо зашипел, не в силах даже растереть место, которое даже не бил, но больше всего прочего он хотел сейчас взаправду себя ударить, да посильнее.

"Идиот!", — он кусал губы, зажмуриваясь. — "Ты потерял атлас! Какой ты революционер, если ты даже простое поручение выполнить не можешь?! Придурок, сказано же было — никому не верить! Нет, пошел за хряком, думал перехитришь! Дебила кусок, кретин, дурак!"

Он действительно был виноват в том, что с ним случилось, и сейчас, столкнувшись с последствиями, отчетливо это понимал. С самокритикой у него все было в порядке, хромал только опыт общения с людьми вне племени, из-за чего наивность Техея поражала иногда его самого, и всегда пост-фактум. Эол долгие годы вбивал в голову Техея простую мысль о том, что каждый шаг, каждое действие следует обдумывать десятки раз, прежде чем приняться за дело, но этот урок альбинос так для себя и не вынес.

Лифт все продолжал спускаться, все глубже и глубже. Техей слышал истории о том, что аэроманты обитают на самых глубоких, самых мрачных уровнях макрозавода Плиоса, но он и представить не мог насколько в действительности это было глубоко. Впрочем, тут могло

сыграть роль и то, что скорость лифта явно была небольшой — сказывался, по мнению Техея, недостаток напряжения, ведь он и в зой-базаре замечал, как мерцают иногда лампочки. Аэроманты, может, и контролируют всех и вся, но даже они без электричества, без постоянного, а главное безопасного потока энергии станут беспомощны и беззащитны. Мало-помалу, до мальчика начинал доходить смысл сказанного Эолом тогда, на строящейся турбине. Неприятное равновесие как оно есть.

Аэроманты, закутанные в черные одежды, понесли брыкающегося Техея дальше по темным, увитым трубами и кабелями коридорам, когда лифт достиг нижней точки. Воздух здесь был неприятный, еще более спертый, чем сверху, у поверхности, и поэтому аэромантам позволялось включать в дыхательную смесь кислород из спрятанного под одеянием баллона. Немногие, впрочем, пользовались этой возможностью, ведь каждый понимал ценность кислорода для племени, и поэтому многие терпели, сохраняли свои баллоны полными как можно дольше, пока не начнут путаться от асфиксии мысли.

Вскоре коридор закончился, и процессия вошла в большой, но на удивление тихий цех. В огромном, кубической формы помещением с подвесными бетонными зданиями под потолком, жилые дома располагались вдоль стен. Вокруг все было увешано черными тканями, наподобие той, что аэроманты использовали в одежде и для того, чтобы замотать Техея, свою добычу. Люди здесь были немые, если кто-то и общался, то исключительно языком жестов. Маленькие дети не играли в привычные детские игры навроде салочек или прятки, а ходили строем за высоким аэромантом-учителем с белой повязкой на плече. Где-то наверху, на высоких шестах, торчащих повсюду, слабо развевались ленты из легкой, воздушной ткани — маленькое подтверждение тому, что свежий воздух все еще струится в этом мрачном, лишенном радости жизни месте.

В центре же цеха, занимая большую его часть, располагалась поистине гигантская, невероятно сложная конструкция из причудливо переплетенных между собой труб разных диаметров, вентилях, проводов, клапанов и отсеков. Чужак, даже при всем желании, не сумел бы разобраться в принципе работы чудовищной аэрационной установки, производящей кислород и до нужной степени обогащающей им воздух во всех ближайших цехах. И таких установок были сотни, тысячи и десятки тысяч по всей планете — затерянные среди бесконечных бетонных лабиринтов, но не забытые, окруженные своими мрачными, прагматичными последователями, что возвели машины и процесс аэрации до целого большого культа. Культ, где каждый, кто был в нем рожден, преданно и самозабвенно отдается ему и священным идеалам целиком и полностью, без остатка — не человек, а единица.

Техея принесли в одно из длинных бетонных зданий, что окружали аэрационную установку. Само здание также окружал двухметровый бетонный забор с колючей проволокой, а в полумраке, извечно царящем в цеху, виднелись черные на фоне бетонных потолочных перекрытий смотровые башни.

Когда-то обычное, скучное здание теперь выглядело как мрачный храм, посвященный божеству, о котором не принято даже думать в нормальном обществе. Стены украшали странные рисунки, изображающие исполинского, неопишуемого зверя-химеру и маленькие фигурки людей вокруг него. Кроме этого, повсюду виднелся повторяющийся из раза в раз символ — два круга, соединенные между собой прямой линией.

Легкий ветерок развеивал черные ткани, ниспадавшие с окон бетонного здания. Внутри слышался тихий шепот, стены длинного коридора, ведущего к молитвенному залу, были

целиком и полностью исписаны мелким, аккуратным почерком — то были слова священного писания этих людей, переведенных на тайный язык культа, который не смог бы прочесть ни один чужак. В нем подробно описывался принцип работы священной установки, возможные неисправности и их коды ошибок, инструкции по ремонту и замене деталей. Когда-то, все это существовало и в бумажном виде, и это была причина, по которой люди все еще могли существовать на Плиосе, однако руководство к аэрационной установке занимало более шести тысяч страниц, и сохранить настолько огромный, многотомный труд на протяжении столь долгого времени было попросту невозможно. К счастью, писание передавалось из поколения в поколение, и тайна установки не могла быть полностью забыта.

Иерия Охимна, верховная жрица и смотрительница этого храма (цехами аэроманты свои поселения не называли), хранительница иеры — священной машины, быстрым, уверенным шагом прошла через весь зал, где тут и там кучковались люди в черных костюмах и противогазах. Этот зал был единственным местом во всем цехе, где людям дозволялось говорить, и на то были свои причины.

Охимна села на высокий, застланный ниспадающей черной тканью трон, жестом приказала кому-то из служителей храма завесить окна тканью. Тяжелые занавеси упали, закрывая собой окна, и зал окончательно погрузился в полумрак, освещаемый лишь тусклыми, висящими на разной высоте под потолком лампочками накаливания, развешанными на нем, казалось, абсолютно хаотично.

— Привести альба, — властно, коротко сказала она, когда убедилась в том, что помещение было достаточно хорошо изолировано от внешнего мира.

Техея внесли в зал двое аэромантов, положили извивающийся кокон на холодный бетонный пол, покрытый сложными узорами и рисунками. Один из аэромантов развязал узелок на коконе, и ткань легко спала с полуобнаженного тела юноши, наконец освобождая его из глухого, темного плена. Юноша приподнялся на руках, оглядываясь по сторонам и с трудом понимая где оказался.

"Мурашки по коже от этого места", — сразу же решил для себя Техей. — "У гидромантов было как-то приятнее."

— Представься, альб, — обратилась к нему иерия.

Техей взглянул на женщину в противогазе. Он до сих пор не понял как отличать этих людей, но это, наверное, и не требовалось — обращаться к ним все-равно было бесполезно, молчат ведь.

— Я? — Техей склонил голову набок, прищурился. — Техей из Ортеан, благородный петрамант.

— Благородный, — цокнула языком жрица. — Закон нашего ордена вынуждает меня позволить тебе сказать последние слова перед тем, как твое тело будет предано каниллум-ахбашаар.

"Звучит не очень хорошо", — тут же подумал Техей.

— Я не знаю ваших обычаев, но знаю закон, единый для всех, — предпринял юноша отчаянную попытку выиграть себе жизнь. — Плиомикон запрещает отлучать благородного от племени, а вы своими действиями препятствуете тому, чтобы я вернулся к своей семье.

— Ваша книга противоречит нашей, — недовольно, даже слегка возмущенно ответила Охимна. — Вы, поднебесный народ, делите людей на плебеев и благородных, словно вы не дышите одним и тем же воздухом, не пьете одну и ту же воду. Ваши порядки и законы

противны мне и моему племени, и здесь, в храме аэрации, они не имеют силы. Выбирай свои последние слова вдумчивее, альб.

— Вы ведь делаете это не просто так, — Техей прищурился, едва сдерживая рвущуюся наружу панику. — У вас должна быть причина, по которой вы тащите сюда пленных, проводите ритуалы. Ничего не делается просто так.

— Ты задаешь слишком много...

"Вот оно!", — в головном мозге мальчика вспыхнула яркая искра. — "Нащупал, надо давить на это!"

— Минуточку! — он перебил женщину на троне, чем вызвал удивленные вздохи людей вокруг. — Разве не ваша книга дает мне право говорить? Игнорируя мои вопросы, вы лишаете меня права на мои последние слова.

"Этот мальчишка...", — иерия не на шутку завелась от столь наглого поведения того, чье тело вскоре должно стать объектом ритуального каннибализма. — "Что ж, посмотрим."

— Проведение ритуала одобрено сетью храмов, Слово иерий Плиоса регламентирует проведение каниллум-ахбашаар в ситуациях, подобных нашей. Ты был избран исключительно из-за своей мутации.

"Сколько внезапного формализма и официоза", — Техей едва сдержал улыбку. — "Она не хочет раскрывать секрет племени."

— Твои слова не дают ответа на мой вопрос, — Техей нахмурился, пытался додавить, сломить последнюю линию обороны жрицы. — В чем надобность проведения ритуала?

Сжав длинными, цепкими пальцами, скрытыми под черными перчатками, иерия несколько секунд просто молчала, пристально всматриваясь в бледное лицо юноши. С одной стороны, она ничем не рисковала, рассказывая о проблеме племени человеку, которого вот-вот съедят, а с другой... Слишком многие, однако, стали свидетелями того, как чужак загнал ее в тупик, и поэтому нужно было что-то срочно решать. Показать силу или придерживаться буквы закона?

— Трехатомное царство все ближе, — негромко сказала наконец она, откинувшись назад на троне. — Внизу, под нашими ногами, простирается океан, залитый ядовитым углекислым газом. Существа, что дышат им, ненавидят нас и наше дело — кислород для них ядовит настолько же, сколь ядовит для людей диоксид углерода.

— И вы думаете, что вас спасет ритуал? — возмущился Техей. В его племени было принято подходить к проблемам с практической, рациональной стороны. — Молитесь кому хотите, но спасти себя можете лишь вы сами!

— Кошунство! — воскликнула иерия. — Ты не ведаешь о чем говоришь!

— Согласен, — Техей кивнул. — Но я кое-что смыслю в оборонительной и осадной тактике. Если мне дадут людей и инструменты, я организую вам оборону.

По кучкам людей в зале пробежали шепотки. Слов было не разобрать, однако смысл их речей был понятен и так — свежий, не замыленный взгляд чужака на проблему мог действительно помочь им выжить, как бы то ни было противно иерии Охимне.

— Вы ничего не теряете, — продолжал напирать Техей, чувствуя, что попал точно в цель. — Приставьте ко мне охрану, пусть мне перережут плотку если я сделаю хоть шаг в сторону выхода. Если у меня не получится, вы все-равно сможете провести ритуал.

— За тебя никто не поручится, — все никак не сдавалась женщина. — Чужаку здесь нет доверия, особенно тому, что ходил под небом.

Техей нервно прикусил губу. Никто из присутствующих при разговоре не спешил

ставить свою репутацию и жизнь под угрозу из-за иллюзорной надежды на то, что Техей сможет как-то помочь аэромантам. Репутация иерии пусть и была не на высоте, но все же она держала этот цех крепкой, железной хваткой, и никто не был готов выступить против нее.

— Я поручусь, — вышел вперед, встав рядом с Техеем, юноша, судя по голосу примерно одного с ним возраста. — Я поручусь за него, мама.

Длинный караван петрамантов совершал долгий, изнурительный переход по знойной, смертельно опасной поверхности планеты Плиос. Разумеется, то была не настоящая поверхность — под ясным, свинцово-серым безоблачным небом с горящим в вышине белым солнцем, раскинулась на тысячи километров бетонная равнина. Тут и там из более-менее ровной бетонной искусственной поверхности планеты торчали, возвышались астрономические башни, по большей части заброшенные, и купола зеленых цехов, где люди проводили жизнь, трудясь на полях.

Впереди всех, верхом на огромных многофункциональных машинах МТ ехали благородные, все укутанные в цветные, узорчатые ткани, с тяжелыми сварочными масками на лицах. Все молчали, на радиочастоте, используемой ими, лишь слышался привычный, бархатный белый шум. Вождь поглядывал вперед, наметанным глазом выцепляя в бетонных пустошах возвышающиеся тут и там бетонные арки, проходы, ведущие вниз, в безопасные тоннели и цеха. Он то и дело сверялся с картами племени, пытаясь понять в какой из путей должно свернуть племя для того, чтобы переждать дневную жару — температура в середине дня достигала шестидесяти градусов, такого не выдерживали ни люди, ни машины. И решать Керону нужно было прямо сейчас, пока еще оставалось время на поиск убежища.

— На одиннадцать, третий, — передал он наконец по рации, и зачем-то добавил: — Подтвердите.

— Понял тебя, Керон. На одиннадцать, третий, — раздался шипящий голос пилота МТ-01. — Веду караван.

Под тяжелой маской вождь старательно скрывал факт своей ужасной усталости — глаза были красными от перенапряжения, вокруг них виднелись темные круги от недосыпа, широко, подрагивая, раздувались ноздри при дыхании. Теперь все вопросы, связанные с управлением людьми, приходилось решать самому — отсутствие почившего Эола, своей правой руки, Керон отчетливо замечал даже всего через несколько дней после его смерти.

Массивные, рокошующие машины стали одна за другой, стройной линией заезжать в спасительную тень спускающегося вниз тоннеля. Как раз в этот момент над головой пролетел вертокрыл — на таких перемещались Архитекторы, и каждый полет обходился так дорого, что на те же деньги можно было бы обеспечить весь этот караван топливом на несколько дней пути.

Спускаясь в мрачные, но такие знакомые и приятные во время невыносимого дневного зноя темные тоннели, машины замедлили свой ход. Племя устало, людям нужен был отдых, но они шли и шли, пока не оказались настолько далеко, что ни один гидромант из пострадавшего цеха не додумался бы последовать за ними. Внизу же, в спасительной тени, племя расположилось на большой, широкой магистрали, где раньше конвоями ездили огромные грузовые машины, а теперь лишь проходили изредка одинокие пешие путники да проезжали небольшие личные вездеходы. Потолок местами осыпался, вдалеке, впереди, большая часть тоннеля была засыпана бетонными обломками, а сквозь огромную дыру пробивался свет злого солнца.

Машины заглохли, продолжая тихо, утробно шипеть охлаждающимися моторами, люди побросали свои огромные тюки с пожитками и теперь все отдыхали после долгого пути. У петрамантов было правило, гласящее, что всякий, кто был в пути прежде чем ставить лагерь

должен просто посидеть и отдохнуть, выпить воды и очистить мысли. Теперь ты дома, и он будет таковым, пока племя не придет к обратному выводу и не снимется с места.

— Прямо здесь? — вопрошал спустившийся с машины петрамант. — Надолго?

— Тихо! — рявкнул на него, что тот аж отшатнулся, Керон. — Мне надо подумать. Всем отдыхать!

Сорвав с головы натиравшую лоб и переносицу маску, Керон, закутавшись поплотнее в плащ, брел куда-то по крытой магистрали, ничего не видя и не слыша. Сейчас он был полностью погружен в свои мысли, оторван от реальности, где его слова ждали тысячи людей. Забавно, что за такое Керон часто ругал Техея, а теперь и сам поддался искушению отправиться в глубины собственного разума.

Нет, нет... Ошибки быть не могло. Тело не найдено. Мальчик сбежал, точно сбежал. Раз Архитектор лично отправилась за ним в погоню, значит сбежал. Разведка у племени строителей была хорошая, ошибки быть не могло. Да чего там, в тоннелях буквально слышался шепот множества длинных языков: "Сбежал! Сбежал..! Найти..!". А в голове — образ лица убитого Эола, отплатившего кровью за грехи своей юности.

— Вот ведь... — прохрипел, садясь на корточки, Керон.

Сейчас он совсем не был похож на гордого, мудрого и сильного правителя, каким всегда казался мальчишке Техею. В гулком, пустом тоннеле, где тут и там ржавели остовы древних транспортных средств, сидел, погруженный в собственные мрачные, полные горечи мысли, сгорбленный и усталый старик. Старик, на долю которого выпала необходимость предать одного, чтобы спасти остальных.

— Эх, Эол... Столько прошагали, а настигло здесь...

Он глубоко вздохнул, помассировал уставшие глаза и взглянул на кусочек свинцового неба, видневшийся через провал в потолке. Где-то в глубинах его черствого сердца теплилась надежда, что его товарищ был сейчас где-то там, наверху, а не в вонючих, затхлых подвалах Плиоса.

Времени на размышления оставалось все меньше. Решать нужно было сейчас — поможет племя своему ребенку или бросит его на растерзание Архитекторам. Оба варианта виднелись в мыслях Керона как что-то темное, мрачное, полное крови и бесполезных, никому не нужных жертв. Умрет либо один, мальчик, совершенно чистый и невинный, или многие, те, кто, оставив его в беде, навечно останутся предателями своего родича.

— Эй, старик, — шаркая по пыльному бетону тяжелыми сапогами, со спины подходили другие благородные.

— Я же сказал, отдыхать! — рявкнул Керон. — Оставьте меня в покое и не мешайте!

— Успокойся, Керон, — женщина в маске вышла вперед, положила на вздрогнувшее от неожиданности старческое плечо свою большую ладонь. — Мы с тобой.

— Ага! — усмехнулся другой, мужчина, и положил руку поверх первой ладони. — Хоть на смерть, хоть в трубу с говном!

Один за другим петраманты, почувствовавшие ту тяжесть, что взвалилась на плечи их вожака, подходили к нему, касались его своими стертыми до мозолей от работы руками. Те, кому не хватало места, клали руки на плечи соседей, и вокруг Керона, сгорбившегося и подрагивающего от нахлынувших, тщательно скрываемых чувств, быстро образовывался круг с ним в середине.

— Хер мы его одного оставим, — шмыгнув носом, Керон медленно поднялся, выпрямился. Перед людьми снова был их гордый и сильный лидер. — И мне насрать чего

это будет стоить — мальчишку мы спасем, вашу мать!

— Да! — дружно выкрикнули петраманты вокруг, хлопая себя по левому плечу.

— И мы пойдем туда, куда бежал этот белобрысый мудака, набьем морды всем, кто встанет у нас на пути и вытащим его из этой беспросветной жопы! Ортеане!

— За семью! — в один голос проревели благородные.

Их яростный боевой рев пронесся по длинному тоннелю, эхом отражался от стен и бетонных перекрытий. Благородные со всех ног побежали обратно к машинам — им предстоял долгий путь вниз, и нельзя было терять ни минуты.

— Разведка, прием, прием! — зарычал в шлемофон Керон. — Куда там пошла эта курица шрамированная?

— Зой-базар, рядом со станцией, — прошипел в ответ шлемофон голосом главы разведки. — А оттуда путь один, на станцию.

— Пилоты, жги что есть, веду по картам! Плебеев по машинам, сколько поместятся, остальные пусть догоняют! Вперед, хряки немытые, и чтоб пыль столбом!

Машины заревели, громадные моторы тарахтели, словно разрывающиеся один за другим артиллерийские снаряды — и караван петрамантов снялся с места, кочевники отправились выручать ребенка из своего племени. В глазах каждого — огонь, в руках — плазменный резак, а в мыслях лишь Техей, волею судьбы попавший в передрагу, в которую не должен был попадать.

Магистраль дрожала от катящейся по ней гусеничной техники, под многотонными машинами ломались, сплющивались ржавые остовы брошенных когда-то автомобилей. Внизу, в темных технических тоннелях, прятались по своим норам убогие дикари, особо набожные молились, предчувствуя скорый конец света — настолько сильный стоял грохот. И лишь в самом низу, в самых мрачных, темных подземельях Плиоса стояла мертвая тишина. Бесшумно развевались на едва ощутимом ветру черные полотна ткани, которыми был увешан весь цех-храм аэромантов, крались по улицам одетые в черное люди, каждый по своим делам. Лишь громадная аэрационная установка гудела странными, сложными механизмами внутри своего металлического чрева, иногда шипела, выбрасывая в воздух клубы пара... Да Техей, незадачливый путешественник, слишком уж громко топал в выданных ему мягких, упругих ботинках.

Мальчик вообще был теперь похож на одного из местных — это нужно было для конспирации, дабы не волновать народ присутствием чужака. Его, укутанного в черные ткани и с противоголом на лице, впрочем, выдавало все остальное — его походка, манера держаться, то, как сильно он шумел, вздыхал и дергался. Словом, не было в нем той мрачной, похоронной плавности и аккуратности движений, какая воспитывалась в аэромантах с пеленок.

— Слу... — хотел было спросить он что-то у своего нового знакомого, но его сверстник тут же молниеносно вынул из-под одеяния длинный, изогнутый кинжал и приставил острием к животу Техея.

Техей шумно сглотнул и медленно, стараясь не делать лишних движений, кивнул. Намек был ясным, как день — молчать, не задавать вопросов. Может, конечно, это Техей предложил свою помощь племени, но он все же был здесь ведомым, и без разрешения своего поручителя не мог и шагу сделать, не то что заговорить вслух.

Молчаливый юноша вел альбиноса куда-то вглубь поселения по извилистым, запутанным улицам. Техей поймал себя на мысли, что все здесь было странно, и дело не

только в религиозном фанатизме людей перед аэрационной установкой, но даже и в том, как был построен их город. Дело в том, что здания, вроде как, были из стандартных, шаблонных проектов, каких было навалом у племени петрамантов, но при этом расположены они были совсем не так, как их раскинули бы кочевники. Инсоляция никакая, между некоторыми домами совсем нет прохода, и единственное, что учитывалось при строительстве цеха — нормативные требования аэрации.

"Ну еще бы", — мысленно усмехнулся Техей. — "Фетишисты."

Сын иерии Охимне, юноша, имени которого Техей пока еще не знал, привел его к ничем на вид не отличающемуся от остальных зданию. Такие же скучные, серые стены, тут и там чернеющие странными, почти шизофреническими рисунками, пустые окна, часто завешанные снаружи черной тканью, одна из стен примыкает к внешней стене цеха. Перед тем, как зайти вместе с сопровождающим в нечто вроде подъезда, Техей еще раз оглянулся на громадную установку, вырабатывающую кислород — от нее к потолку тянулись множество труб из разных металлов и сплавов, и назначение некоторых юноша уже знал. Вон та, полиэтиленовая, явно для воды... Или нет? Ну вот та, жестяная, окольцованная, точно для воздуха. Или стоп... А где тогда насос?

Второй резко схватил Техея за шиворот, затягивая его внутрь здания. В подъезде было почти полностью темно, лишь виднелась небольшая красная лампочка возле железных дверей лифта. На первом этаже сидели прямо на полу несколько аэромантов, в центре образованного круга виднелось расчерченное черной краской поле для какой-то игры.

"Ну хоть что-то человеческое", — подумал Техей и вздохнул, но в тот же момент один из аэромантов снял с руки перчатку и ножом пустил себе кровь, капая ей на то, что было нарисовано на полу. — "Да твою ж мать..."

Большого Техей не увидел — второй, сопровождающий, затянул его в приехавший на первый этаж лифт.

Ехали они долго, в тесной, темной кабинке пассажирского лифта. Лифт был типовой — Техей даже был в цехе, где их собирают, там часто встречаются для обсуждения дел разные семьи петрамантов. Не то чтобы этому были рады хозяева огромного цеха, но выбора у них не было — лифты приобретали и устанавливали только петраманты.

Юноши поднялись на последний этаж, прошли к одной из дверей. Мимо них прошла, видимо, женщина, выглядящая точно так же, как и все остальные здесь, а за ней бежал маленький ребенок, активно жестикулируя руками в воздухе и что-то говоря своей матери на языке жестов.

Техея затолкнули в крошечную, тесную комнатку общежития. Из мебели здесь был только складной металлический стол, пара складных стульев и большой электрочернильный экран на стене. Окна и стены были сплошь покрыты черной тканью, отчего создавался странный, непривычный эффект полного отсутствия эхо и сильнейшей звукоизоляции.

— Ничего не трогай, — вдруг сказал техею парень, что привел его. — Сядь.

Под потолком горела одна-единственная лампочка, но даже тот свет, что она давала, растворился в мрачной, черной комнате. Техей послушно сел за стол, пристально наблюдая за своим новым знакомым.

— А противогаз можно снять? — спросил он и шмыгнул носом.

— Говори тише, пискля, — раздраженно прошипел второй. — Можно. Я скажу если надо будет надеть.

Тут же Техей стянул с головы сперва платок, коим была замотана голова, а затем и

неудобный, тесный и душный резиновый противогаз. Справедливости ради стоит отметить, что Техею достался противогаз совершенно новый — у этого племени вообще было не принято их делить, максимум делиться баллонами с кислородной смесью и фильтрами.

Аэромант, убедившись, что Техей не делает ничего запрещенного, куда-то удалился на несколько минут. Вернулся он уже с двумя тарелками, в которых дымилось какое-то горячее, только что разогретое варево из неопределенных компонентов. Юноша поставил обе тарелки на пол и сел, выпрямив спину и тупо уставившись на Техея. Тот же, в свою очередь, не понимал причину столь пристального внимания и беспокойно озирался по сторонам.

— Что? — не выдержав, спросил он.

— Жду, пока ты поешь, — тихо ответил аэромант. — Я не сниму маску перед незнакомцем.

Техей тихо усмехнулся, устало улыбаясь. Протянул собеседнику руку через стол, и, глядя в безжизненные окуляры противогаза, представился:

— Техей из Ортеан. А тебя как зовут?

Аэромант оставался неподвижным несколько секунд. Невозможно было понять, какую эмоцию он испытывает и о чем думает — специфика общения с этим племенем. Но, в конечном итоге, он крепко сжал руку петраманта и тихо сказал:

— Я бы хотел, чтобы меня звали Кай.

— М? — Техей удивленно поднял бровь и склонил голову набок. — Но..?

— У меня нет имени, — тот, кто хотел бы зваться Каем, отпустил руку Техея и, встав, щелкнул выключателем, погружая комнату в полную темноту. — Но если заслужу, я хотел бы зваться Каем.

Послышался шорох, юноша явно стягивал с головы плотную ткань, а вслед за ней — глухой противогаз.

— Давай есть.

Ужин в темноте не был чем-то непривычным для Техея — для экономии топлива и энергии иногда отключали свет на длительных стоянках племени. Впервые, однако, света не было из-за того, что собеседник не желал показывать ему свое лицо.

Наевшись безвкусной, но крайне питательной массой, двое какое-то время молча сидели в темноте. Для аэромантов это, наверняка, было привычным времяпрепровождением в свободное время (если таковое у них, разумеется, имелось). Долго отдыхать, впрочем, квазиКай не позволил — натянув противогаз и замотав голову платком, он снова включил свет, и сходу начал объяснять Техею его задачу:

— Начнем с правил, — тихо сказал он, подойдя к электрочернильному экрану на стене. Взяв в руку стилус, он принялся дублировать сказанное на экране, быстро скользя по ней пером. — Вне этой комнаты не разговаривать, не издавать громких звуков, стараться не издавать звуков вообще. Понял?

Он обернулся, глядя на Техея. Тот энергично, уверенно закивал.

— Второе. Вне этой комнаты ни шагу не делать без меня. Понял?

Техей вновь энергично кивнул.

— Третье. Не приближаться к установке. Не смотреть на установку. Не спрашивать об установке. Не думать об установке. Понятно?

Тут Техей уже не кивал, а непонимающе пялился на своего нового знакомого, чуть приоткрыв рот. Как это, не думать? Его разум с ним такие шутки проворачивает, что и жизнь не мила, а тут возьми да не думай.

— Думать можно, — юноша в противогазе вздохнул.

Техей резко, быстро кивнул, дав понять, что теперь-то он все понял.

— Мы находимся у самого дна обитаемого мира, на минус сто семьдесят втором уровне. Ниже нет ничего, только смерть и пустота, по крайней мере для людей...

Тот, кто хотел бы зваться Каем, начал длинный вводный инструктаж, и рассказывать, как оказалось, было что. Техей и не подозревал что у него под ногами все это время скрывались такие жуткие, странные и необъяснимые опасности.

Для закрепления усвоенного, юноши вскоре отправились наружу. Не-Кай понимал, что Техей не даст решение их проблеме сразу, сходу, и потому медленно, постепенно вводил его в курс дела и отвечал почти на все вопросы, которые возникали у мальчика. Все, кроме тех, что касались работы аэрационной установки, так и оставшейся для Техея одной сплошной тайной.

Ниже, на минус сто семьдесят третьем уровне макрозавода Плиоса (цифра, впрочем, была условной — местная ячейка аэромантов просто увидела эту цифру на заполненном углекислом газом уровне. В прочих их цехах эта цифра могла быть иной, так как макрозавод был слишком огромным и сложным для полного понимания), по словам не-Кая, начинался сущий ад. И дело было не только в отсутствии пригодного для дыхания воздуха, но и в местной флоре и фауне, которая в подобной атмосфере чувствовала себя фривольно и процветала.

— Кроме аэрационных установок, у нас есть и другие устройства. Системы фильтрации, перемещения газов. Углекислый газ тяжелее воздуха, поэтому его можно выделять из атмосферы планеты и отправлять на нижние уровни, откуда он не выберется обратно, — вспомнил Техей слова не-Кая из вводного инструктажа, когда они спускались вниз, посмотреть на опасную зону.

— Разве с ним нельзя ничего сделать? Переработать? Растения ведь его поглощают, — спрашивал Техей.

— В писании сказано об устройстве, поглощающем его, но никто никогда его не видел.

Юноши медленно, осторожно спускались вниз по древней, осыпавшейся бетонной лестнице. Спуск был большим, лестница примыкала к внутренней стенке казавшегося бездонным, широкого колодца, метров десять в диаметре. Откуда-то сверху едва пробивался тусклый, слабый свет, а вот внизу была сплошная чернота.

Вдруг, Техей оступись, и под его ногами осыпалась часть бетонной ступеньки. Маленький кусочек бетона, крошечный камешек, полетел вниз, в бездну. Юноши замерли, прислушиваясь к любым звукам, которые могли выдать врага, но не слышали абсолютно ничего, в том числе и того, как камень достиг поверхности. Он просто исчез, и Техей шумно сглотнул от жуткого ощущения внутри, понимая, что если сорвется, то, может, и не достигнет дна.

Не-Кай махнул ему рукой, приказывая следовать за ним. Они пошли дальше, к неприметной железной дверке, ведущей на минус сто семьдесят третий этаж. Не-Кай осторожно, медленно открыл ее, и юноши, подсвечивая себе путь маленькими фонариками, вошли внутрь.

Не-Кай всю дорогу крепко сжимал во второй руке свой кинжал. Техею не нужно было видеть его лицо чтобы понять, что не-Каю было страшно сюда спускаться. И все же он не дрогнул, повел пришельца-неуча вниз, чтобы тот своими глазами увидел с чем ему предстоит бороться.

Внизу, на нужном этаже, было, на первый взгляд, так же, как и наверху. Единственным отличием было то, что юноши дышали теперь кислородной смесью из баллонов, а круглый датчик с одной-единственной стрелкой был в положении "УГЛЕКИСЛАЯ СРЕДА". Н вскоре, проходя дальше по помещению, напоминаящую аппаратную комнату с большим, длинным пультом управления, на удивление практически целым, Техей стал замечать то, что никак не мог увидеть наверху. Стены здесь были покрыты чем-то вроде плесени синевато-черного цвета, которая росла, в основном, по углам и потолку. Самым жутким было то, что свет фонариков "пугал" плесень — короткие щетинки начинали заметно двигаться, извиваться под прямыми лучами. Если же после этого лишить плесень света, то она какое-то время тускло светилась в темноте синим, а затем плавно затухала и переходила в свое обычное состояние.

— Кесиция голубая, — не-Кай рассказывал про нее, когда они были в цехе, даже схематично ее нарисовал. — Явный признак того, что началась опасная зона. Растет только в углекислотной среде. При наличии солнечного света начинает поглощать углекислоту и выделять кислород.

— Почему не использовать ее для очистки воздуха? — Техей чуть не вскочил с места, искренне считая, что ему на ум пришла гениальная идея.

— Ее споры токсичны, и у нас не получается очистить от них получающийся в результате воздух. Что характерно, размножается она и без света, и при этом абсолютно безопасна.

Техей осторожно, легонько коснулся плесени. Руки у него были в перчатках, так что это было неопасно. На вид она мало чем отличалась от обычной туннельной черной плесени, поэтому было сложно представить, что эта малютка может кого-то убить.

Мальчики прошли дальше. Фонарик Техея выцеплял в темноте перевернутые столы, в спешке покинутые офисы, кабинеты с металлическими столами. Здесь явно когда-то был исследовательский центр, но времена, когда в этих комнатах ходили и работали люди давно прошли.

В коридоре с множеством одинаковых дверей, густо покрытых плесенью, с потолка капало что-то темное, вязкое. Странная слизь просачивалась сквозь дыры в потолке, где когда-то проходила проводка, висели лампы.

Не-Кай положил руку на плечо Техею, давая знак остановиться. Техей со страхом смотрел на длинный, темный коридор, шаг в шаг медленно отступал назад, вслед за своим проводником. Слизь капля за каплей струилась на пол, и напор становился все сильнее. Вскоре капли превратились в постоянный, омерзительный поток черной жижи, а фонарики мальчиков начали мерцать — явный признак приближения самых опасных существ этого проклятого места, тех самых, которых так боялись аэроманты.

Сверху, в забитой местной флорой вентиляции, послышались шорохи. Слизь перестала капать с потолка, а фонарики снова загорелись ровным, теплым светом. Мальчики все так же оставались неподвижны, даже дышать старались как можно меньше, чтобы не выдать себя даже едва уловимым звуком работающего противогаза, тихим шипением баллона с кислородной смесью.

— В писании они наречены фильтраторами, — не-Кай рассказывал об этих существах, рыщущих в темноте. — Но многие называют их подражателями.

Из конца коридора послышались короткие, ритмичные стоны, неприятно похожие на человеческий голос, эхом отражавшиеся от покрытых плесенью стен. Не-Кай крепко ждал

ладонью плечо товарища, чтобы тот даже не подумал о том, чтобы что-то предпринять. Сейчас нужно было скрываться, и именно для этого аэроманты носили поглощающие звук одеяния.

— Они слепы, но малейший звук, и ты станешь их целью.

В конце коридора, с потолка, медленно спускалось что-то темное, подрагивающее на легком ветерке подземелья. Даже здесь грязный воздух кое-как циркулировал, касался одежд людей и странного существа. Но, опустившись на пол, оно не двигалось. Темная фигура лишь медленно покачивалась из стороны в сторону, медленно поднимаясь, вытягиваясь все выше, и с каждой секундой она все больше начинала напоминать...

— Нас, — не-Кай предупреждал об этом. — Они копируют нас.

Фигура окончательно приобретала человеческие черты. Выглядело это так, будто бы какой-то заблудившийся аэромант, повернувшись спиной к двум юношам, сидел на холодном бетонном полу и молился о спасении. Короткие стоны, звучащие до этого, затихли — раздражитель был умен, хитер, не выдавал себя и своей омерзительной сущности, ждал, пока мальчики сами выдадут себя. Вместо этого существо будто бы начало плакать, рваные, короткие звуки превратились в длинный, тихий стон.

Не-Кай, понимая, что враг может сидеть так в коридоре бесконечно долго, а у них скоро попросту закончится кислород, медленно, стараясь не издать ни звука, нагнулся. Техей видел, как его проводник поднимает с земли крошечный осыпавшийся с потолка камешек, сжимает его меж двух пальцев, а затем швыряет в другую часть комнаты, звуком привлекая внимание раздражителя.

Существо замерло, заклокотало в темноте. Фигура пришла в движение, черные части его, так похожие на одеяния аэромантов, неестественно задрожали. Тварь медленно двигалась по коридору, иногда "простанывая" себе путь впереди, при помощи эхолокации заглядывая в каждый уголок. Черным пятном для него оставались двое мальчишек — их одежды скрывали их до тех пор, пока они сами оставались неподвижны.

Когда существо было совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, свет фонариков снова начал мерцать, а затем тусклые огоньки погасли. Единственным жалким источником света осталась лампа аварийного света над дверью, ведущей в циркуляционный колодец, и в красном, тусклом свете Техей видел, что то, что казалось ему тканью издалека, на деле оказалось тонкими, покрытыми сетью пульсирующих вен полупрозрачными мембранами. Когда существо стонало, мембраны начинали дрожать, улавливая звук. Но самым жутким было другое.

Подраздатель остановился рядом с мальчиками. Существо явно подозревало, что рядом кто-то есть, но медлило, осторожно высматривала звуком в темноте своих жертв. Тварь понимала, что и люди умеют сражаться, и потому спешка могла обернуться смертью. Оно медленно повернуло в сторону мальчиков верхнюю часть тела, то, что должно быть головой — на Техея уставился отдаленно напоминающий противогаз мембранный орган. Тонкая плоть повторяла очертания резиновой маски на удивление точно, но в то же время хобот гофрированной трубки сливался с основным телом, а на месте окуляров были две пульсирующие прозрачные полусферы, напоминающие выпученные глаза. Внутри, под мембранным "одеянием", виднелось губчатое тело существа, толстое и однородное снизу, а ближе к верху разделяющееся на множество "отростков", словно повторяя очертания какого-то растения — куста или дерева. И все оно двигалось, извивалось внутри — тварь была живой, и так же, как в телах ее жертв, в ней непрерывно происходили биологические

процессы, которые, наверное, никто еще и не пытался изучать.

Не-Кай крепко сжал в руке кинжал, оттесняя другой рукой Техея, буквально закрывая его своим телом от отвратительного существа. Оно медленно, ритмично стонало короткими трелями, ощупывая звуком стены, пол, потолок... И, наконец, заметило, что черное, будто бы отсутствующее в нарисованной звуком картинке пятно пошевелилось.

Все тело подражателя взвилось вверх, фигура стала вдвое выше, поднимаясь до самого потолка. Не-Кай бросился в сторону, утягивая за собой Техея, вместе с тем ударяя кинжалом по длинному телу твари. Холодная сталь оставила рану на мембранном теле существа, которую, казалось, тварь и не заметила. Оно и неудивительно — бить нужно было по твердому растительному стволу внутри, который оставался у подражателей после того, как они отпочковывались от родительского растения.

Этой секундной заминки хватило, чтобы тварь коснулась руки не-Кая длинными, прозрачными отростками, что до того были спрятаны там, где должен быть "живот" фигуры. Крошечные щетинки, касаясь ткани одежды, оставались на ней, впивались в кожу, впрыскивая едкий токсин. Вместе с Техеем не-Кай отпрыгнул в сторону, резким рывком вытянул из пояса длинный жгут и быстро перетянул раненую руку, чтобы остановить распространение токсина по телу. Не мешкая ни секунды, он сразу же после этого бросился в бой, взмахивая кинжалом, но существо двигалось быстро, позволяя наносить удары лишь по тонким мембранам, раны на которых тут же закупоривались, не позволяя черному соку покидать организм.

Часть яда все-таки попала в тело не-Кая, и он чувствовал это. Чувствовал, как его движения становятся медленными, вялыми, как все тяжелее и тяжелее становится кинжал, что он сжимал в руке. Мелкие щетинки надежно впивались в кожу, застревали в ней и были практически невидимы, особенно в такой крошечной темноте. А из длинного, темного коридора слышались короткие, рваные стоны, все больше и больше.

— С дороги! — выкрикнул, послушавшись проводника, Техей, и взмахнул перед тварью длинной железной арматурой.

Разумеется, железо лишь просвистело в загрязненном воздухе, тварь легко уклонилась от такой атаки, но этого хватило, чтобы Техей успел поднять с пола слабейшего не-Кая. Существа приближались, напирали, окружали мальчиков со всех сторон — казалось, не было никакой возможности сбежать, и теперь их тела станут удобрением для мерзких углекислотных существ.

Но Техей, сделав пару глубоких, резких вдохов, сорвал с поясицы баллон с кислородом и ударил клапаном об угол перевернутого стола, пронзая его. С громким шипением, кислород, находящийся под давлением, стал вырываться наружу, юноша кинул баллон под ноги, и тот стал кружиться вокруг своей оси, разбавляя густую углекислоту свежим кислородом. Существа заклокотали, тут же остановились и стали отступать назад. Кислород был тем, что заставляло их почувствовать боль.

Закинув не-Кая себе на плечи, Техей, изо всех сил стараясь не думать о дыхании, побежал прочь. Через открытую дверь, на бегу ее захлопывая, прочь, наверх, в безопасный, хоть и жуткий цех аэромантов. Его легкие горели, сердце билось в груди так, будто вот-вот вырвется наружу, а в ушах звенело от перенапряжения. Там, наверху, уже спешили на помощь по бетонным ступеням другие аэроманты, кто-то забрал раненого не-Кая, другой заметил, что трубка противогаса Техея болтается, ни к чему не прикрепленная и протянул ему свой баллон... Но все замерли, встали как вкопанные, когда из самых темных глубин

циркуляционного колодца слышались громкие, медленные щелчки. Аэроманты будто бы превратились в каменные изваяния, и даже умирающий у них на руках не-Кай, видимо, не казался настолько важным, чтобы пойти дальше.

Снизу, из бездонного колодца, слышался громкий вздох. За ним — стоны тысяч разных голосов, коих было так много, что они сливались в сплошной белый шум.

Плебеев оставили позади, под защитой бойцов, которым Керон доверял больше прочих. Внизу, в тесных тоннелях, они все-равно только мешались бы, помощи в бою от них ждать не приходилось, а то и наоборот, пришлось бы защищать и их. В конце-концов, здесь, внизу, располагался зой-базар, один из множества черных цехов, где за звонкую монету продавались жизни.

Мать убаюкивала ребенка, совсем маленького малыша лет трех. Она распевала, тихо, чтобы не мешать соплеменникам, медленную, печальную мелодию, от которой и саму ее клонило в сон. Укутанный в узорчатые ткани малыш сонно хлопал длинными темными ресницами, но никак не засыпал, все продолжая глядеть большими, черными глазами на улыбающуюся маму.

— Ну что ты, Перей? — тихо спросила она. — Пора спать, птенчик.

— Ма-а-ам, а вождь правда пошел искать белого мальчика? — вопрос этот почему-то волновал крохотного мальчика. Он искренне переживал за попавшего в беду соплеменника.

— Правда, сынок, — с улыбкой тихо прошептала мать. — Вождь Керон сильный и храбрый, он его обязательно спасет.

— А почему вождь называл мальчика мессией?

Женщина отвела взгляд в сторону, задумчиво устремила взор вдаль, на пустующий цех, весь увитый железными трубами и маленькими канавками в бетонном полу.

— Есть такая сказка... Про человека, которого ждут все петраманты, как мы с тобой.

— Расскажи! — малыш оживился, окончательно растеряв все желание спать. — Мам, расскажи!

— Ну ладно, ладно, — улыбнулась в ответ его мама и пригладила его темные волосы. — Когда-то давно, когда по небу плавали белые облака, а по земле ездили большие машины на колесах, был такой человек, которого звали Фарос. Он был очень умным, очень мудрым, и поговаривали даже, что он мог видеть будущее. Он был петрамантом, как мы с тобой

И вот однажды, когда его племя было в пути, им повстречался одинокий странник. Ему предложили еды и питья, а взамен странник рассказал, будто бы царь одного далекого-далекого цеха, большого, как десятки цехов сразу, созывает к себе в гости все семьи петрамантов и хочет узнать, какая из семей самая умелая. Человек рассказал, что царь желал построить огромный дворец для своей дочери, и обещал для той семьи, что справится с заданием, цех, воду и пищу до тех пор, пока борода одного из мужчин племени не дорастет до пола.

Фарос, лидер своей семьи, повел людей в это удивительное царство, и там они встретились и с другими семьями. Они праздновали встречу три дня и три ночи, а потом все вместе предстали перед царем.

— А много семей было? — спросил малыш.

Мать кивнула и продолжила:

— Много-много, больше, чем пальчиков у тебя на ручках и на ножках. И вот, когда все вожди племен предстали перед царем, он дал им задание построить дом для самого бедного жителя своего царства. Многие из племен посчитали это оскорблением и тут же уехали оттуда, осталось лишь три семьи.

Первая построила красивый, богатый дом, весь в тканях и золоте. Царь приказал своему

самому сильному воину ударить по дому палицей, и весь дом обрушился. Прогнал царь эту семью.

Дом второй семьи получился страшным, косым и уродливым. Вождь этой семьи сказал, что плебеи не заслуживают большего, и царь прогнал и их.

И только семья вождя Фароса сделала скромный, но крепкий дом, которому были не страшны ни ветер, ни жара, ни холод. Доволен был царь проделанной работой, и позволил Фаросу строить дворец для своей дочери.

Долго шла стройка, многие умерли, так и не дожив до ее окончания. Но наконец, когда принцессе исполнилось шестнадцать, ее дворец был закончен, и царь пожелал выдать ее замуж. Да только влюбилась девушка в молодого петраманта, плебея, и воспротивилась приказу отца. За это царь приказал отрубить юноше голову, но Фарос, мудрый и гордый правитель семьи, возложил свою голову вместо влюбленного юноши. И когда пришло время ему умирать, он сказал своим людям, чтобы те вечно странствовали по Плиосу и нигде не оставались надолго, потому что так они найдут мессию — того, кто поведет наше племя в землю обетованную, где мы сможем жить счастливо и сыто.

Принцессе разрешили жениться на бедном юноше, а племя петрамантов прогнали, не исполнив обещанного. Так с тех пор все мы и ищем обещанного мессию, который укажет нам путь к нашему общему дому.

Сказка, которую Керон много раз слышал от плебейских женщин, никак не вылезала у него из головы. Он все думал о словах, которые произнес на плахе мудрый вождь прошлого, думал о том, что ему обещала старуха-гадалка, которую Керон повстречал в странствиях.

— Мессия, мессия... Как же там было? — бормотал он себе под нос. — "Ступай к водам. Там будет тот, кто воздаст тебе, но не упусти его". Твою ж...

Вместе с большим отрядом петрамантов, Керон быстро спускался по техническим тоннелям вниз, к зой-базару. Искать Техея нужно было там, потому как логичным было думать, что мальчишка нарвался на работорговцев и попал на базар как товар. Вряд ли он мог уйти дальше сам, без чьей-либо помощи.

— Ты серьезно думаешь что Техей — мессия? — спросил его идущий рядом петрамант, полный мужчина, что следил за юношей еще в пищевом цехе.

— Я ничего не думаю, не задавай глупых вопросов, — буркнул в ответ Керон, надвинув на лицо маску. — Просто хочу спасти нашего парня. Все.

"Но, сука, сходится же", — думал про себя вождь, и эта мысль не давала ему покоя. — "Кого еще я мог упустить? Только его, Техея. Он сбежал в ту ночь. Может и бред, который он несет, не бред вовсе..?"

Внизу же, в нелегальном цехе, был настоящий переполох. Простых покупателей не пускали внутрь — люди организовали палаточный лагерь в магистральном тоннеле, ведущем в цех. На страже ворот стояли двое бойцов из людей Пегаллоса. Когда отряд во главе с Кероном подошел к ним, стражи напряглись, вынули мечи из ножен.

— Техей из Ортеан, альбинос, — прохрипел Керон, врубив плазменный резак. Его примеру последовали остальные, явно превосходящие числом стражей. — Выводите его к нам, и ваш миленький маленький цех останется цел. Если нет...

Стражи переглянулись. Им явно платили не так много, чтобы вот так бессмысленно отдавать за это свои жизни. Один повернулся к третьему, за воротами, что-то ему сказал, и человек побежал прочь, в город.

— Хер там, не помогут вам ваши дружки, — Керон достал трубку с длинным

мундштуком, прикурил, просунув мундштук под маску. — Нас тут три дюжины, тридцать шесть очень злых петрамантов, которые очень хотят вернуть своего ребенка.

Стражник ничего не отвечал Керону, да и не нужен был ему ответ — того, что был за воротами, явно послали за главным, а вот с ним уже можно будет вести нормальный диалог. Пегаллос и вправду вскоре появился у ворот зой-базара, а с ним — два десятка бойцов с арбалетами и мечами, гремящие в тоннелях своими длинными кольчужными рубахами.

— Впустите их, кретины! — воскликнул Пегаллос, и воины тут же поспешили открыть ворота.

Петраманты не сказать чтобы сильно удивились, потому как они запросто могли эти самые ворота отпилить, но все же не понимали причину такой внезапной открытости местного хозяина. Пегаллос же чуть ли не сиял от счастья.

— Я знал, что вы придете, молил об этом небеса! — улыбаясь до ушей, воскликнул он, хлопнув жирными ладонями. — Нам с вами очень повезло, у нас общий враг, дорогие гости.

Керон хмыкнул и заглушил плазменный резак. Толстяк явно был так рад их приходу не просто так — значит, кто-то либо выкупил, либо, что наиболее вероятно, похитил Техея, и Пегаллос рвался вернуть мальчика не меньше, чем сами петраманты. Правда, для хозяина черного цеха Техей не был главной целью — мальчик понравился ему, да, но он лишь стал последней каплей, что переполнила чашу терпения толстяка. Он жаждал захватить аэрационную установку, подчинить себе больше, чем один захудалый и перенаселенный цех. В мыслях Пегаллос уже мнил себя правителем всего района, всех уровней и цехов, что были здесь — нужно было лишь получить контроль над воздухом, и тогда он станет не просто хозяином, а настоящим царем.

Но аэроманты не тряслись от ужаса, чувствуя приближение Пегаллоса и его головорезов. У мрачного племени были другие проблемы, куда более насущные и срочные.

Лишь только стоило дыханию и жутким, рыдающим стонам в колодце немного затихнуть, как аэроманты со всех ног понеслись наверх, в свой защищенный от угроз цех. Там, наверху, уже растягивали над черным зевом бездонной дыры огромное черное полотно, сотканное наспех из более мелких лоскутов. Глушащая звуки ткань должна была хотя бы на какое-то время дезориентировать тварей, отвлечь их от цеха.

— В госпиталь, — иерия Охимна была, разумеется, в самой гуще событий, и тут же приказала унести ее бездыханного сына. — Этого к алтарю. Нельзя более ждать.

Техея тут же схватили под руки двое аэромантов. Мальчик извивался, пытался вырваться, но хватка у них была крепкой, надежной.

— Что с ним?! — закричал вдруг Техей, заставив людей вокруг вздрогнуть в ужасе.

— Молчи, альб! — шикнула на него иерия. — Зверь пробудился. Дышащий корень поднимается и скоро будет здесь, вот что.

— Да плевать мне на него, я спрашиваю про Кая!

Иерия задержала на Техее взгляд своих мутных окуляров, чуть дольше, чем следовало бы. Затем взглянула на сына, которого срочно уносили в госпиталь.

— Пусть побудет с ним, — она махнула рукой, и Техея отпустили. — У тебя есть шанс придумать хоть что-то, пока он не умрет.

— В смысле... умрет? — тихо, едва шевеля губами, прошептал альбинос. Шепот в голове нарастал, превращался в крик.

— Ты виноват! Ты виноват! — вопили голоса, сотрясая его разум.

Не обращая на них никакого внимания, Техей со всех ног побежал вслед за носилками,

на которых задыхался от наступившего анафилактического шока не-Кай. Вбежав вслед за врачами в темный, полный умирающих от страшного яда аэромантов госпиталь, Техей упал у койки, на которую положили его товарища.

Даже через противогаз было видно, что тот без сознания. Он тяжело, хрипло дышал, едва раздувая разбухшие от яда легкие, кое-как пропуская через надувшуюся носоглотку воздух. Врач, что отличался от прочих аэромантов белыми перчатками, ставил капельницу, вонзал катетер в руку не-Кая и молчал. Лишь когда он, наконец, закончил, быстрыми, резкими жестами он что-то спросил у Техея.

— Я не... — Техей тряхнул головой. — Я не понимаю, простите.

— Я спросил, были ли вы друзьями?

"Друзьями?", — подумал про себя альбинос. — "Он вступился за меня, защищал меня, хоть мы и знакомы всего пару дней."

— Воздай молитву, у нас нет крови его группы, — прошептал врач, не дожидаясь ответа. — Помолись как умеешь.

— Ч-что? Но...

— Тише. Ему нужно переливание крови, но у нас нет подходящего донора. Только у его отца была четвертая положительная.

— П-погодите! Стойте, сейчас...

Техей стал нервно, торопливо снимать перчатки и дрожащими руками закатывать рукав своей левой руки. Там, на запястье, чернела крохотная татуировка. Лекарь взглянул на нее и тут же быстрым шагом пошел прочь, за набором для переливания.

Юного петраманта усадили рядом на невысокий стул, вонзили в руку катетер. За процессом подглядывали из-за угла медсестры, что-то тихо обсуждая на языке жестов. В госпиталь задувал приятный, легкий ветерок, распространившийся от установки.

Кровь заструилась по пластиковым трубочкам, вливаясь в тело не-Кая, оживляя его. В то же время подключенный к нему примитивный аппарат для диализа выводил из организма грязную, отравленную кровь вместе с мочой и водой — тело перерабатывало яд, сковывало его в почках и печени, а машина выводила его из юного тела, в которое струилась свежая, чистая и здоровая кровь.

Все это время Техей, даже не задумываясь о собственном благополучии, лишь продолжал размышлять о том, как он может помочь этим людям. Теперь проблемы рабов казались ему чем-то несущественным, глупым. Черт, да даже Архитекторы уже не казались такими важными, если оттуда, снизу, надвигается орда таких тварей, коих не берет даже холодная сталь.

Кислород, впрочем, сработал, испугал этих существ, а значит он может им навредить. Конечно, проще было бы просто сняться с места и перейти на несколько уровней выше, в безопасную зону, там продолжить жить, как прежде, но...

— Установку... Нельзя бросить, — прохрипел, приходя в себя, не-Кай. — Техей, ее надо спасти. Мы уже потеряли сотни таких же.

— Кай! — ахнул Техей и хотел было обнять друга, но катетер в руке помешал ему это сделать.

Не-Кай же в это время разглядывал все, что было вокруг него. Он видел тянущуюся от руки Техея пластиковую трубку, красную от струящейся крови, видел катетер в своей руке. Видел, но не сказал ни слова. У его народа было не принято тратить слова на то, что понятно и без них.

— Почему они боятся кислорода? — спросил его Техей.

— Им в нем не выжить, — прошептал в ответ не-Кай. — Когда дышащий корень затапливает наш храм углекислотой, они идут в атаку, рвутся к установке.

— Может, пустить поток воздуха вниз, по колодцу? — предложил петрамант. — Убить их всех, разом.

— Не хватит давления. Даже если прекратить подачу кислорода в цеха наверху, установка не справится. Корень просто сдует кислород.

Техей нахмурился, подпер голову рукой. Ни одна из его идей не работала даже в теории, но что-то делать нужно было прямо сейчас. Весь цех готовился к обороне, закрывались гермозаслоны и маскировались дома и установка, но все это было лишь временным решением. Подразжатели прорвутся так же, как делали это раньше.

— А что если... Что если... — бубнил под нос Техей. План действий медленно, но верно проявлялся в спутанных мыслях.

Когда доктор снова проходил мимо койки не-Кая, Техей спросил его, можно ли уже вынуть катетер. Осмотрев пациента, тот дал разрешение Техею, и мальчик, пока другие аэроманты его не заметили, выскользнул из открытого окна госпиталя. В его план совершенно не входило взаимодействие. По пути он прихватил кинжал в ножнах, что висели на поясе не-Кая, и полный, прочный жгут.

Он быстро побежал по ставшими вдруг безлюдными улицам в сторону дома, куда его приводил не-Кай. Можно, конечно, забраться в любой другой, где угодно можно было найти материалы, которые нужны были Техею для его плана, но в том доме он уже был и знает где и что находится. В конце концов, прежде, чем идти вниз, он провел там почти целые сутки, пока не-Кай объяснял ему положение дел.

— Эхолокация, эхолокация... — повторял про себя петрамант на бегу, не обращая внимания даже на бьющий по ноге гофрированный шланг противогаса, не присоединенный ни к чему. — Тьфу, воздух!

Пришлось сделать крюк. Где-то, у госпиталя, его уже искали люди, сопровождавшие его. Вместе с ними наружу выбежал и доктор, который, по-сути, и был виноват в побеге юноши. Техей оббежал громадную установку по широкой дуге, забежал в низкое здание, где сжатым воздухом заполняли пустые баллоны, и на бегу прихватил один из них.

Дома же он быстро поднялся на последний этаж на лифте, нетерпеливо топая ногой по металлическому полу, однако там, наверху, не пошел обратно в комнату, где не-Кай обучал его, а понесся дальше по коридору общежития. Он бежал к туалетам и, добравшись, шваброй, стоящей в углу, заблокировал дверь, дабы ему никто не помешал.

— Так-так-так, так-так-так... — нервно повторял он, срывая с себя противогаз. — Та-а-ак...

Он поднял тяжелый баллон с воздухом над головой и, отвернувшись чтобы осколки не попали в глаза, с размаху ударил им по керамической раковине, разбивая ее вдребезги. Еще удар, и вниз полетели трубы слива, сифон — последний-то и нужен был Техею.

В дверь настойчиво постучали. Времени оставалось мало, нужно было заканчивать как можно скорее. Кинжалом не-Кая Техей стал торопливо, на глаз вырезать круг из своего противогаса. Дальше, выбрав из сифона всю ту дрянь, что в нем накопилась, мальчик приладил резиновый кружок, натянув его на сифон. Дальше дело было за малым — он схватил оторванную трубу и стал бить одним из ее концов перпендикулярно по полу, заставляя трубу расширяться с одной стороны, принимая форму кривого конуса-резонатора.

Приладив резонатор к сифону с резиновой мембраной, Техей подсоединил полый жгут к баллону со сжатым воздухом, а второй конец воткнул в проделанное в сифоне отверстие. Наконец, когда швабра не выдержала и сломалась пополам, а в туалет вбежали несколько аэромантов с оружием наготове, Техей закричал, держась за вентиль на баллоне:

— Назад! Или весь Плиос нас услышит!

Аэроманты отшатнулись — еще бы, устройство, которое на коленке собрал Техей, было им незнакомо и выглядело пусть и криво, но грозно. Следя глазами за аэромантами, Техей внес в конструкцию последние штрихи — закрепил отдельные детали вместе при помощи остатков резины и жгута, плотно обмотав сочленения. Теперь пневматический горн, наподобие тех, что мальчишки из племени петрамантов делали в свободное время просто ради забавы, Техей мог поднять на руки, не беспокоясь, что конструкция развалится. Держа пальцы на вентиле, юноша медленно пошел на аэромантов, головой кивая им, чтобы дали пройти.

Снаружи, в коридоре, столпились люди. Иерия не поскупилась на живую силу, когда вопрос касался поимки альбиноса. Никто из них, впрочем, не решался накинуться на юношу — неизвестно, что могло сделать подобное устройство, а в руках петраманта оно выглядело внушительно.

Техей спустился вниз на лифте. Дом также окружали люди в противогазах.

"Идиоты, сейчас начнется бой!", — думал про себя юноша. — "Занимались бы обороной!"

— Ты безумец, — тихо, зло шипела на него иерия Охимна, окруженная бойцами с пневморужьями. — Ты погубишь нас всех!

— Да-а-а? — протянул Техей и почувствовал, как взмокшие от бега волосы липнут к лицу, лезут в глаза. — Да! Я даже голоса в голове слышу!

— Брось это, мальчишка! — иерия повысила голос, отчего некоторые из аэромантов отшатнулись в страхе, не смея вставать между ними. — Брось! Тебе не сбежать отсюда, ты погибнешь вместе с нами!

Она приближалась. Самые умелые бойцы шли нога в ногу с ней, наводили длинные дула ружей на Техея. Мальчик боялся, но стоял на своем. Вот-вот должна начаться бойня. Вот-вот должны появиться подражатели.

Но беда пришла оттуда, откуда ее совсем не ждали. Сверху, у самого потолка цеха, задрожала черная ткань, закрывающая шахту лифта, отделенную от цеха лишь сеткой-рабицей. Из-под ткани пробивались слабые, многократно приглушенные звуки работающего механизма, натянутых тросов, вращающихся металлических звеньев. Звук одного лифта вдруг дополнился скрежетом еще одного, с другой стороны. Затем и третий, расположенный совсем близко, загудел. Кто-то быстро спускался сюда, вниз, что было попросту невозможным — лифты были тайными, до них не так-то просто было добраться и никто из чужаков не должен был знать, что они вообще здесь есть. И все же, большие грузовые лифты быстро спускались, а когда спустились, из них повалил шумный, дикарский народ. Воины Пегаллоса, работорговцы в кольчугах, звеня тяжелым металлом, громяхая большими сапогами, повалили из лифтов, не меньше сотни. За ними — петраманты во главе с Кероном, которые должны были добить тех, с кем не справились головорезы.

— Вперед, парни! — завопил Пегаллос. — Вперед! Покажите этим уродам на чтс способен свободный люд!

Пользуясь суматохой, Техей, покрепче сжав в руках примитивный горн, со всех ног

побежал прочь, позволяя аэромантам столкнуться с захватчиками. У него не было никаких сомнений в том, что черные справятся с головорезами Пегаллоса в два счета, беспокойство было лишь насчет петрамантов.

"Что они здесь делают вообще?", — думал Техей, убегая прочь и слыша, как из-за гермозатворов все громче звучат стоны раздражателей. — "Черт, черт, черт!"

— За ним, за ним! — прикрикнула иерия, и несколько людей в черных одеждах побежали вслед за Техеем.

Заметив это, Пегаллос с несколькими бойцами и Керон понеслись вдогонку, оставив своих людей сражаться с аэромантами. Черная волна схлестнулась в яростном бое с кочевниками и работорговцами, звенел металл, слышались крики боли. Петраманты напирала, жгли своих врагов плазмой, а в гермозатвор кто-то громко, с огромной силой стучал. Металл скрипел, будто бы плакал под напором огромной силы, рвущейся снаружи, из колодца.

Не успели Техея догнать, как тяжелая заслонка не выдержала, и металл со скрипом разорвало. Через получившийся проем повеяло чем-то кислым — это был углекислый газ, которым заливал весь уровень дышащий корень, особо крупный и опасный раздражитель, из-за своих размеров неспособный сдвинуться с места и обитающий на самых глубоких ярусах Плиоса.

— А это еще что такое..? — прохрипел под маской Керон. — Сюда, все сюда! Ко мне!

Шлемофоны зашипели, зажужжали голосом вождя. Петраманты, держа напирających на них аэромантов в поле зрения, стали отходить к Керону. Один за другим они замечали, как гаснут огни в и без того темном городе, как на них надвигается волна странных, извивающихся тварей, коих от аэромантов было почти невозможно отличить.

— Построение, круг! Примкнуть сопла! Освещаю!

Керон выкрутил регулятор своего плазменного резака на полную, расширил узкое сопло насколько смог, из-за чего плазменный резак превращался в плюющую огнем пугающую, но по-сути своей безопасную игрушку. Огни все продолжали гаснуть, в воздухе становилось невыносимо тяжело, будто бы весь кислород из него разом вытянули, и все, кто был без противогазов, просто не могли нормально надыхаться.

Керон пустил в воздух пару огненных шаров, освещая все вокруг. Мерзкие, невиданные твари быстро приближались, напирала, но натыкались на плотную стену из плазменных конусов, которые жгли их, почти мгновенно уничтожая. Эти создания мгновенно скукоживались, сворачивались в мерзкий клубок из обожженной плоти, словно зеленый лист дерева, под которым подержали спичку.

— Вперед, вперед! Оттесняем! Следите за флангами!

Петраманты стали наступать, иногда поглядывая на творящийся вокруг ад. В почти кромешной тьме, где лишь огонь Керона был единственным источником света, вспыхивающим и гаснущем во тьме, творился настоящий ад. Оставшиеся в живых воины Пегаллоса падали один за другим, их накрывали с головой извивающиеся твари, впрыскивая в их тела яд и переходя к следующему. Пегаллос с самыми верными бойцами, в числе которых был здоровяк Гафон, размахивающий огромным топором, отступали назад, их прижимали к стенке. И вдруг...

— Что за ч-ч-черт?! — прошипел Керон, когда его плазменный резак вдруг перестал выпускать пламя в воздух.

Вслед за ним гасли и фиолетовые огоньки других резаков, в полной, кромешной

темноте послышались крики петрамантов, которых настигли воюющие, стонущие твари.

"Пора!", — подумал Техей и, задержав дыхание, повернул вентиль баллона.

Громкий, разрывающий уши сигнал, напоминающий огромные корабли гидромантов, проревел в темноте. Твари в панике застонали, пытались понять что происходит — громкий звук не просто терзал их мембранные тела, он разрывал их, делал существ слепыми. Все, что они могли сейчас понять — направление, с которого шел звук.

Не прекращая гудеть и наощупь в темноте напирая на существ, Техей шел вперед. Подражатели отступали от громкого даже для людей гудения почти в панике, черная, склизкая волна неслась в сторону колодца. Один за другим зажигались огоньки в поселении, стала видна гигантская масса, напоминающая мертвое губчатое дерево, опутанное бесконечными венистыми мембранами, которая лезла из бездонного, гигантского колодца. Тварь заливала цех углекислым газом и медленно, нехотя возвращалась обратно в колодец, когда Техей все больше и больше приближался к ней. Наконец, когда почти все подражатели скрылись в колодце, а дышащий корень повис над бездонной пропастью, Техей, истошно закричав, кинул горн в гигантскую тварь, заставляя ту в ужасе упасть вниз, в темную, мрачную пропасть. Звук пневматического горна становился все тише и тише, пока не затих совсем — место его заняли звуки вновь разверзнувшегося боя. Ни одна из сторон не желала оставаться в проигравших.

Вслед за Техеем бросился Пегаллос со своим подручным и Керон, проверяя вновь заработавший в нормальной воздушной среде резак. Техей оказался прижат к стенке, Пегаллос с громилой Гафоном все ближе подходили к нему. Толстяк явно не собирался отказываться от добычи.

— Ты мой, ангелочек... — протянул он, мерзко улыбаясь, и кивнул Гафону.

— Хер тебе, дегенерат плешивый, — коротко прохрипел Керон и одним махом вплотную подобрался к Гафону.

Приставив к затылку громилы сопло резака, Керон подал газ, и струя плазмы пробила, расплавила череп громилы, заставила его лицо вскипеть и плоть с кожей — сойти с костей. Вслед за ним Керон ударил резаком по истошно завизжавшему Пегаллосу, прожигая ему жир и не сразу добираясь до спрятанных в упитанном брюхе внутренних органов. Откинув маску на лоб, Керон, зло скалясь, кричал, убивая похитителя ребенка. Его ребенка.

И когда огромная, толстая туша повалилась на землю, Керон, наконец, облегченно вздохнул и выключил плазменный резак. Он повернулся лицом к Техею.

— Ну, вот и в...

Не успел он договорить, как мальчик, держа перед собой изогнутый кинжал не-Кая, кинулся на него, пронзая живот своего вождя. Техей зло шипел, стискивал зубы от кипящей в нем злобы, пока Керон медленно опускался перед ним на колени, чувствуя, как жизнь с каждой каплей крови покидает его тело.

— Ха... — тихо засмеялся вождь. — Ха-ха-ха... Вот оно значит... Как...

— Ты предал моего отца! — зло зашипел Техей. — Ты отдал его им!

— Она сказала правду... Она сказала правду...

Керон упал на спину, захлебываясь кровью. Его глаза, широко раскрытые, уставились в бетонный потолок с массивными арочными перекрытиями. А в голове его крутилась лишь одна мысль:

— Она была права... Ты тот, кто воздал мне... То, что я заслужил...

Техей непонимающе смотрел на умирающего Керона. Тот, крепко сжав в руке пистолет

плазменного резака, вложил его в руку мальчика.

— Беги, Техей... Прошу тебя, беги...

Глаза его стали стеклянными, безжизненными. Последний вздох, пахнувший табаком и парами бензина, с тихим хрипом вышел из его груди.

Техей, отстегнув его резак и баллоны с газом, быстро накиннул лямки себе на плечи, закрепил пистолет с соплом на поясе. У мертвого, обезображенного Пегаллоса Техей забрал свою сварочную маску, которую ту носил на шее, словно трофей, и атлас — дьявольское устройство, которое уже погубило так много людей.

— Бежим, — бесшумно подошедший со спины не-Кай хлопнул его по спине, заставив вздрогнуть. — Я выведу тебя отсюда.

Майя Бортеас, высокая женщина в бурнuse и жутковатой маске, медленно шла по заполненной праздным народом длинной улице зой-базара. В цехе был праздник, повсюду смеялись и обнимались друг с другом убогие, но счастливые люди. В отсутствие Пегаллоса и его людей, дикие жители канала, тоннельные крысы, захватили в цехе власть практически без потерь. Теперь они праздновали, да с таким размахом, что на высокую женщину никто не обращал никакого внимания, а мягкие подошвы ее сапог липли к влажной от разлитого на улицах вина.

Здесь Техея из Ортеан не было, это понял бы любой из идиотов-гвардейцев. Если он и был здесь, если устроил все это, то уже ушел прочь, и, вероятно, отправился к узловой станции чтобы поймать проходящий мимо поезд. Но сразу отправляться туда Бортеас не спешила — нужно было разобраться с местными проблемами, это был ее долг как Архитектора, одного из правителей Плиоса. К тому же, сложившаяся ситуация открывала перед ней интересные возможности для расширения сферы влияния.

Бортеас быстро поняла, что если в этом цеху и есть телефонная линия для связи с другими цехами, то она должна быть протянута где-то в доме местного господина — узнать его было несложно, такие люди любят показушную роскошь, помогает им напоминать людям о богатстве и силе, которые на деле ничего не стоят. Майя быстро, едва не переходя на бег, прошла к разграбленному богатому дому, вокруг которого виднелись разбитая деревянная мебель, разорванные ковры и пьяные в стельку дикари. Празднуйте, празднуйте, господа. Сегодня ваш день. Завтра — видно будет.

Внутри картина была еще печальнее, чем снаружи. Стены дома, местами белеющие ровными квадратами в тех местах, где висели узорчатые ковры, были теперь исписаны похабными словами, идиотскими лозунгами и стишками, облеваны и обоссаны. Культуры и самобытности этому народу не занимать, Бортеас даже чуть улыбнулась, читая один из стишков:

Пегаллос, фаллосов любитель,
Решил сходить в поход.
Но получил поработитель,
Ссанины полный рот.

И подобного "искусства" здесь было великое множество — весь дом исписан чем-то подобным, словно те, кто пришли сюда, соревновались в том, кто придумает и напишет самый неприличный, самый глупый и оскорбительный памфлет. Но все это было не столь интересно Архитектору — она-то видела такое уже много раз, на ее век выпало множество таких вот мелких "восстаний", спонсируемых, правда, в основном теми же самыми Архитекторами. Действовали правители тонко, редко лично вмешиваясь в какие-либо вопросы, а вместо этого просто меняя тот самый неприятный баланс сил в ту или иную сторону в зависимости от сложившейся ситуации. Позже тех, кто не оправдал ожиданий, можно будет сместить кем-то еще — власть циркулировала в подземельях Плиоса как воздух по лабиринтам вентиляционных систем, и одним только Архитекторам был известен смысл той или иной перестановки.

Мальчишка же, за которым гналась Майя, был иным. Это была та сама неизвестная переменная, которая вносит хаос в строгие, хоть и запутанные планы правящего класса.

Разумеется, об этом черном цехе знали еще с момента его создания, ничего на Плиосе не делается без ведома Архитекторов, и в ближайшее время не планировалось ликвидировать эту нелегальную ячейку — работоторговля была выгодна всем, как бы ни было неприятно это признавать. Всем, кроме рабов, разумеется. А Техей, странный мальчик с психическим заболеванием, просто взял и разрушил здесь все. Зой-базар больше не существовал, теперь здесь были немые, убогие толпы, с которыми нужно было что-то делать. Бортеас нащупала на стене скрытый круглый вход кабеля телефонной линии, замурованного в бетонной стене. Пегаллос не был дураком, умел прятать такие вещи от посторонних. Хотя, судя по последним событиям, у него была крайне дрянная агентурная сеть — до того, чтобы напасть на аэромантов ни один знающий человек бы не додумался.

Майя воткнула в разъем кабель устройства связи, открыла крышку и стала набирать длинный, известный одним лишь Архитекторам телефонный код для связи по специальному, выделенному каналу ее ячейки. Это был, кажется, третий или четвертый такой канал — предыдущие вскоре начинали прослушивать другие Архитекторы, о чем Бортеас, разумеется, знала и подкидывала им ложную информацию время от времени.

— Слушаю, госпожа, — раздался на другом конце мягкий, приветливый голос телефонистки.

Девушка в больших, глухих наушниках сидела в аппаратной. Ее задачей было лишь переключать кабели на огромной стене с кучей разъемов, дабы соединять Майю и ее людей с нужными номерами.

— Киру, — коротко сказала Архитектор.

Девушка тут же вынула один конец проводка из одного разъема и вонзила в другой. Где-то в скрытом от посторонних глаз убежище Бортеас — многоуровневой базе с экранирующими сплавами в стенах, дабы она была не видна даже на планах внутри атласов, которые сканировали Плиос при помощи широкой сети акустических башен — зазвонил алый, как артериальная кровь. Трубку почти сразу же подняла жуткая женщина-аэромант, сидящая в одиночестве в тесном, заставленном стеллажами с папками и бумагами кабинете. Сейчас на ней не было противогаза, она медленно водила ладонью по практически лысому черепу с коротким рыжим ежиком волос и улыбалась, бегая зелеными, хитрыми глазами по очередному отчету.

— Да, сестренка? — с широкой улыбкой ответила она на звонок.

— Зой-базар. Изучала?

— Ммм... Да, помню, мне докладывали! Что тебя интересует?

— Чья юрисдикция?

— Секундочку!

Кира положила трубку телефона на стол и вскочила с места, принялась быстро, привычно бегать взглядом по огромному количеству папок. Наконец, найдя нужную, она придвинула к стеллажу стремянку, взобралась на нее и осторожно вытянула папку наружу. Бросив ее на стол, она снова подняла трубку и принялась перечислять:

— Зо-зо-зо... Зодем, Зоберей, Зоафим... зой-базар! Ой, а почему с маленькой?

— Это не название, — пояснила Архитектор. — А функция. Что с юрисдикцией?

— Не наша, это территория Ноя.

Бортеас нахмурилась. Выходит, она уже находится на чужой территории. Занятно, потому как она не могла вспомнить момент, когда границы ее сферы влияния переместились так близко к основному производящему цеху.

— Организуешь мне небольшую операцию, Кир?

— Конечно! — рыжая аж подпрыгнула на месте от радости. — Кого убить?

— Никого, — Майя невольно улыбнулась под маской. — Нужно тайно вывезти отсюда всех, кого здесь найдете. Подчеркиваю — всех, свидетели не нужны. И вниз всех, на раскопки. Поняла?

— Поняла! — громко, радостно ответила глава тайной службы. — Сестренка, сестренка! А когда ты..?

Договорить Кира не успела — в трубке послышались гудки, Майя выдернула шнур из разъема в стене. Спрятав устройство под одеянием, она вышла наружу и направилась к выходу из цеха так же быстро, как пришла сюда, обдумывая произошедшее. Где-то в глубине души ее искренне гложило неопишное, нерациональное чувство жалости к этим людям — судьба была с ними жестока и несправедлива, это факт. Но, с другой стороны, она понимала, что ее долг — придерживаться общепринятого плана по сокращению потребления ресурсов планеты. Архитекторы надеялись в конечном итоге полностью избавиться от потребляющих цехов, то есть таких поселений, производство и общая польза которых были значительно меньше ресурсов, которые они потребляли. Зой-базар в этом смысле не подходил ни под категорию потребляющих, ни под категорию производящих, так как не производил ресурсов, но и бесполезным не был — отлов диких был критически важным для выполнения плана, так как они представляли собой неизвестную долю потребления ресурсов на Плиосе. Цеха можно подсчитать, можно провести перепись, увидеть показания расходов тех или иных ресурсов, но вот диких, что прячутся, словно крысы, по тоннелям сложно было хоть как-то учесть. Совет решил учитывать их как десять процентов дополнительных трат, однако в реальности цифра могла сильно отличаться, да и разброс в показаниях был слишком большим, чтобы провести какую-то адекватную оценку. Решение было одно — отловить, посадить в цеха, дать работу. Ну или, как было в случае Майи, отправить вниз, в кишаси мутировавшей флоры, затопленные углекислым газом древние цеха, искать нечто, в существование чего не верили даже Архитекторы.

Когда женщина почти добралась до внешних ворот, жалких и бесполезных, ей на пути встал пьяный одноглазый мужчина. В одной руке у него была початая бутылка вина, в другой — ржавая железная дубинка. Он неприятно улыбался, взирая снизу вверх на мрачную фигуру в бурнусе.

— А куда это вы... ик!.. Уважаемая, намылились?

— Прочь.

— О-о-охо-хо! — хрипло, кашляя, засмеялся мужчина. — Да я знаешь кто такой? Да меня сам Белый наставил! Сказал и-иди, иди туда, захвати... А тут бац, и жирный пропал! Ик..!

— Прочь, я сказала, — повторила Бортеас, под одеянием положив руку на оружие.

— А то то? — Гарт, бродяга, прищурился. Он поднял перед собой железную дубинку, угрожающе ей поигрывая. — Ты че, враг революции, или как? За рабами приехала, с-с-сука?

Времени задерживаться здесь еще дольше у Бортеас не было. Нужно было спешить, перехватить мальчишку, пока он не ушел еще дальше. Все еще можно было успеть договориться с Ноем, остановить движение поездов и настигнуть Техея. Женщина одним резким, слишком быстрым для ее высокого роста рывком метнулась в сторону пьяницы, минуя преграду из ржавой дубинки. Нож в ее руке блеснул в свете разноцветных огней, вонзившись мужчине в горло, прямо под кадыком. Так же быстро женщина вынула клинок

из сочащегося кровью тела, поморщившись от омерзения, когда капли крови попали на ее рукав.

— Да твою ж мать... — вздохнула она, оглядываясь.

Убийства не заметил никто, кроме парочки трясущихся от страха подростков с убогим оружием, стоящих у ворот. Бортеас грозно посмотрела на них, одним взглядом давая понять, что, при желании, она может в одиночку перебить всех и каждого, кто осмелился бы бросить ей вызов в этом цеху, и мальчишки верили в это. Архитектор быстро вытерла нож об одежду убитого и спрятала его в ножнах под одеждой. За воротами ее уже ждал мотоцикл-вездеход, на котором она по магистральным тоннелям добралась до зой-базара. Женщина села на него, откинув плащ, на ней были удобные, с множеством карманов узкие брюки, широкий кожаный ремень с парой поясных сумок, удобная тканевая куртка, расшитая узорами, напоминающими искусство петрамантов, а под ней — заправленный в брюки мужской хитон. Смахнув с лица непослушную прядь светлых, седеющих волос, женщина завела мотоцикл — стальной зверь под ней приятно зарычал, и когда она сорвалась с места, скрипя колесами, обдал двух юношей на воротах густым, черным облаком выхлопных газов, сверкая в темноте красным габаритным огоньком.

Звук рычащего мотора эхом отражался от жестяных стен вентиляционного тоннеля — широкого, извивающегося многоуровневого лабиринта, то и дело оканчивающегося то опасно вращающимися лопастями, то решеткой, ведущей в какой-то заброшенный цех, то наглухо заваренным ходом. Техей вздрогнул, взглянул вверх. Не-Кай же оставался спокоен, уверенно шел вперед, лишь изредка останавливаясь чтобы вспомнить нужное направление. Он много раз слышал, как звуки цехов разносятся по вентиляции — именно поэтому лучшие шпионы получались именно из аэромантов.

— Дальше шахта, наверх метров сто, — он обернулся, обращаясь к Техею. — По лестнице. Под сильным ветром. Можно быстрее, но опаснее.

— Как? — спросил Техей.

Не-Кай потянул за скрытый шнурок в черных одеждах Техея — между ног и мышками ощутимо натягивалась ткань, превращая костюм в одно сплошное крыло.

— Да ты издеваешься, — тихо проговорил альбинос. — Я же в лепешку разобьюсь.

— Скорее всего, — пожал плечами не-Кай.

Сейчас ему было не до споров. Все его мысли были заняты странным противоречием, которое ломало всю сложившуюся в его голове картину мира.

С одной стороны, Техей нарушил, пожалуй, все правила, которые мог нарушить. Он шумел в храме, и шумел намеренно, с целью именно создать шум, противился воле иерии, ломал собственность храма и покушался на жизни его братьев и сестер. С другой — самоотверженно защищал его, совершенно незнакомого ему человека, отдал ему свою кровь, по словам видевших это, не раздумывая ни секунды. Ясно было одно — не-Кай обязан ему жизнью, и долг этот отдать от собирался сполна, а уже после этого мог воздать Техею и за его прегрешения. В любом случае, сейчас Техея нужно было вывести к станции и сопроводить, пока не представится возможность вернуть ему долг.

— Ну и что, ты доверяешь ему? — звучал в это время голос в голове Техея. — Тебе было сказано, не верь никому. Ты уже чуть не поплатился за это мужской честью, а теперь без раздумий идешь за религиозным фанатиком при том, что навлек кучу проблем на его храм.

— Да-да! — вторил другой голос, перебивая остальные, что шумели в голове. — Наивный, глупый мальчишка! Самое время закрыться в себе, стать подозрительным и

асоциальным! Нахер социальные связи, в топку друзей, даешь депрессию и тревожность в массы!

— Массы! — подхватил третий. — Массы-биомассы, творожно-молочные массы!

Техей едва удержался, чтобы не застонать. Так долго не было приступов, и тут нате — снова чужие, больные мысли лезут в голову. Да он даже слова их не все понимал!

— Подожди минутку, Кай... — вздохнул мальчик, оседая на пол вентиляции.

Нужно было перевести дух. Что-нибудь посчитать. Посчитать, да. Какую там формулу он видел, когда спал в последний раз? Кажется, опять что-то, связанное с треугольником и звездой. Вроде бы, твердый разум там был, или что еще..?

Мысли путались окончательно. Попытка что-то подсчитать, решить в уме сложное, бредовое уравнение лишь больше утягивала разум Техея в пучину ненормальности. Ему вдруг стало трудно дышать, начался приступ клаустрофобии, все чувства в теле кричали ему, что он не должен здесь быть, что ему надо наверх, наверх..!

— Наве-е-ерх..! — простонал он, прикрыв глаза.

Не-Кай понял эти слова прямо, без подтекста. Он еще никогда не видел людей, которых мучил бы их собственный разум, и потому подхватил Техея под руку, помог ему встать и, позволяя опереться на себя, повел его дальше по освещенному лишь небольшим фонариком тоннелю.

— Твой аппарат будет мешать крылу, — прошептал не-Кай. — Нужно будет его оставить.

— Нет! — вдруг громко, шумно вздохнул Техей. — Нельзя! Я без сварки... без сварки, как...

Не-Кай взглянул на него, едва различая лицо сверстника в полумраке. Выглядел Техей крайне паршиво — вроде ничего не изменилось, но как-то резко он осунулся, взгляд стал, как у бешеной собаки, разве что пена изо рта не идет. Будто бы мальчик чего-то очень сильно боялся, только не-Кай не понимал чего, ведь Техей до этого спокойно гулял по узким тоннелям, да и даже подражателей не испугался. Словом, для аэроманта альбинос оставался странной загадкой, которую он никак не мог разгадать.

— Я хочу рассказать другим храмам о том, что ты сделал, — думая так его успокоить, не-Кай начал разговор. — Уже была теория о том, чтобы слепить подражателей звуком, но иерии не давали на это добро. Ты подтвердил гипотезу, теперь можно продвигать эту идею на твоём примере.

— Это хорошо? — устало, измученно спросил Техей.

— Время покажет, — мудро, коротко ответил не-Кай. — Но я думаю, что нам давно нужно было что-то новое.

После этого короткого, но отвлекающего от болей в голове разговора они шли молча, гремя жестяными стенками вентиляции, сминаясь под ногами. Где-то впереди слышался гул работающего вентилятора, перегоняющего свежий воздух наверх, где он будет распределен по различным цехам, по ногам ощутимо прокатился сквозняк. Вентиляционный тоннель закончился колодцем, похожим на тот, из которого лезли дышащие углекислотой существа, но ступеней здесь не было, а внизу на полной скорости вращались громадные, проржавевшие лопасти. Вверх по колодцу поднимался мощный поток воздуха — Техей протянул ладонь наружу, и ее тут же отдернуло вверх, по движению ветра. Если бы он умел держаться в воздухе на костюме-крыле, то, наверное, действительно смог бы быстро подняться наверх, а так...

Не успел он и пискнуть, как не-Кай отстегнул пояс и стянул с плеч альбиноса ранец с батареей и газом для плазменного резака. Аэромант резко дернул за шнур, руки и ноги Техея сами, по велению костюма, стали топорщиться в стороны. Прежде, чем Техей успел даже подумать о том, как гигантские лопасти перемалывают его кости, разрывают плоть и мучительно его убивают, не-Кай с силой толкнул мальчика вперед — он закричал, но коротко, потому как встречный ветер огромной силы мешал даже выдохнуть углекислый воздух из легких, не то что кричать.

"Говнюк!", — только и успел подумать Техей, зажмурившись.

Тело рефлекторно хотело сжаться в маленький, защищенный комок, рефлексы кричали петраманту, чтобы он выставил руки и ноги вниз, чтобы приземлялся на них, но не-Кай, подлетевший к Техею, резко ударил его по рукам, заставляя раскрыть их как можно шире.

Оба мальчика взмыли вверх, ветер бил в лицо, уши закладывало от резкого, неестественного перепада давления — Техей сглотнул, и внутри черепа послышался щелчок, боль прекратилась. Поток воздуха нес его вверх, вдвоем мальчики уровень за уровнем преодолевали жилые комплексы, производственные цеха, крематории, склады... Все выше и выше, оседлав норовистый Плиосский ветер.

Рядом с мальчиками, на наспех сострепанном парашюте из черной ткани, вверх поднимался тяжелый ранец-сварка с поясом. Не-Каю было крайне сложно маневрировать туда-сюда, чтобы подталкивать Техея и ранец поближе друг к другу, не давать им отдалиться слишком далеко. Ему крайне не хотелось из-за ошибки оказаться перед выбором кого спасать, Техея или его драгоценное оборудование.

Тяжелее всего было понять, куда именно нужно залететь, чтобы не пропустить свой тоннель. Не-Кай вглядывался в цифры, нарисованные на бетоне оранжевой, облупившейся краской, вчитывался в буквы, которые проносились мимо него со страшной скоростью. Поверхность была все ближе и ближе, а нужного вентиляционного тоннеля все не видать.

Вот он! Только-только пронеслись мимо него, слишком высоко! Не-Кай, расправив крылья, взмыл вверх, догоняя Техея, который начал получать удовольствие от полета. Альбинос забылся, натянул маску на лицо и радостно вопил на весь колодец. Теперь не-Кай, взлетев выше него, камнем упал ему на грудь, рукой хватаясь за ранец, и юноши полетели вниз, все быстрее и быстрее под истошные, полные ужаса крики Техея.

— СТО-О-ОЙ! — кричал он, но не успел даже понять что происходит, как не-Кай оттолкнул его в сторону и Техей кубарем, гремя листовым металлом, влетел в один из тоннелей.

Следом за ним в вентиляцию грохнулся тяжелый ранец, а еще спустя несколько секунд осторожно, почти бесшумно влетел не-Кай, тут же складывая крылья.

— Ты ненормальный! — завопил Техей, чувствуя, что лишь чудом не обмочился.

— Пошли. Станция близко.

Не-Кай даже не взглянул на Техея, лишь уверенно, быстро пошел дальше, оставив альбиноса в одиночестве на самом краю тоннеля. Петрамант в ужасе отполз от края, чтобы ненароком не свалиться обратно в колодец, и, подняв ранец, побежал вслед за не-Каем, думая про себя:

"Ненормальный. Ненормально крутой."

Юноши, впрочем, и не подозревали, что на станции уже затевалось неладное. Здесь всегда было людно — кочующие люди стекались сюда со всего макрорайона чтобы сесть на поезд и куда-то добраться, и большинство, разумеется, делали это без билетов. На этой

станции проходили, сортировались и собирались как пассажирские, так и товарные составы — первые от вторых, впрочем, не сильно отличались, так как возили людей в тесных, зарешеченных вагонах без каких-либо удобств, как когда-то возили скот. Зато бесплатно, никто даже не пытался требовать плату за проезд — такое считалось за подрыв экономических и трудовых течений, так как на таких поездах часто перемещались торговцы со своими грузами и простой народ, который нашел себе место в другом цехе. Даже среди плебеев, как-никак, бывали уникальные специалисты, которых желали видеть в других цехах.

А были и вагоны побогаче, для тех, кто может их себе позволить. Это, правда, работало кое-как, явно не так, как задумывалось, ведь плата за проезд была фиксированной, установленной советом Архитекторов, и измерялась в серебряных драмах — официальной валюте Плиоса. Проблема в том, что при околосоциалистическом строе цены на товары и услуги строго регулировались все тем же советом Архитекторов, из-за чего позволить их себе мог, в теории, любой, но их просто не было в наличии. Дело в том, что любые товары, даже те же самые билеты на поезд, выкупались спекулянтами черного рынка, и торговались за платиновые комматии, выпускаемые центральным (и единственным) банком Плиоса. Формально, банк был подчинен Архитекторам и по бумагам вовсе не выпускал никаких комматий, а лишь чеканил красивые железные драмы, но по факту влияние банкиров было настолько велико, а их валюта настолько ценна во всех слоях общества из-за дефицита ресурсов, что ЦБ представлял собой силу, с которой считались даже Архитекторы. Никто не хотел падения и без того шаткой экономической системы, и поэтому власти приходилось закрывать глаза на то, что официальная валюта используется, в основном, разве что для игры в цинтак — вышибание монеток со стола другой монетой.

Все эти вещи, разумеется, держал в голове мужчина, что медленно, размеренно вышагивал рядом с внезапно нагрянувшей Бортеас. Второй Архитектор по имени Ной мужчина в годах, но крепко сложенный, отдающий предпочтение удобной одежде, нежели дорогим эллинистическим костюмам, знал цену своему бизнесу — не просто так ведь во всей округе разом обвалились все параллельные тоннели железных дорог, не задев при этом те, что шли к его узловой станции. Этот человек годами нарушал движение поездов в этом регионе Плиоса, чтобы все составы, идущие на восток, к пищевым цехам и Корилоисовой расщелине, так или иначе проходили через его личную станцию. Теперь он был хозяином этого шелкового пути, и его дружба стоила очень дорого — это знали и понимали все Архитекторы, что имели какие-либо дела в этом регионе.

— То, о чем ты меня просишь... Это же уму непостижимо, Майя, — он умело притворялся, что не желает помогать не потому, что ему это невыгодно, а чисто по этическим соображениям. — Столько поездов задержится, столько грузов не придут вовремя, к тем, кто в них нуждается...

— Ной, прошу тебя, — вздохнула, закатив глаза, Майя. — Давай не будем устраивать этот театр. Я обратилась к тебе потому что знаю, что мы сумеем договориться.

— Конечно сумеем, — Ной кивнул и принялся вспоминать донесение своей разведки. — Как его бишь...

— Техей из Ортеан.

— Да-да-да... Техей, мальчик. Конечно, договоримся. Мне нужен он.

Бортеас со злости плотно сжала челюсти вместе, скрипя зубами.

— Это невозможно, — процедила она.

— А я думаю, Майя, что здесь я устанавливаю цену, — мягко осадил ее Ной. — Мне нужен мальчишка. За ним по пятам следует сама смерть, ужасные разрушения. Хочу лично разобраться с ним, чтобы у людей был пример того, что случается с теми, кто мутит воду на моей земле.

Бортеас знала — Ной и не подозревает о том, какая сила находится в руках мальчика. У всякого Архитектора имелся атлас — древняя технология, которую не удастся повторить никому уже на протяжении сотен лет. Устройство, способное раскрыть все секреты Плиоса любому, кто лишь глазком взглянет на мерцающий зеленый экран. Тайные проходы, проложенные коммуникации, цеха и тоннели — все разом оказывалось у тебя в руках, весь лабиринт, размером с планету, на твоей ладони. Многие из тех, кто недостаточно подкован в вопросах заговоров не понимают, в чем сила обыкновенных карт, но Архитекторы, будучи людьми наиболее образованными, прекрасно знали цену информации. Даже жирный, убогий Пегаллос смог обнаружить храм аэромантов, и это при том, что даже аэроманты не знали где точно находится каждый из их храмов. Будь он поумнее — не использовал бы грубую силу, а нашел пультовую комнату, затерянную в заброшенных секциях, и открыл клапаны, тогда аэромантов бы просто затопило отходами производства. Вот такая сила была в руках у мальчика, и никто не должен был об этом знать — обратное означало бы открытие сезона охоты, и лишний атлас достался бы кому-то еще. Устройство было слишком мало, по одному на Архитектора, и обладание таким давало множество непонятных простому обывателю преимуществ, придавало владельцу лишнего атласа политический и экономический вес в совете.

У здания вокзала, сливающегося с внешней стеной огромной станцией с множеством путей, выходила над бетонной поверхностью зарешеченная сверху вентиляция. Для проходящих мимо плебеев она выглядела как непримечательный квадратный колодец, но именно такими путями аэроманты проникали в стан неприятелей и устраняли врагов скрытно и без лишнего шума. Решетка заскрипела, упала на землю, и из колодца вылезли не-Кай и Техей следом за ним. Мальчишки отряхнулись от комков пыли, коими вентиляция была густо забита в некоторых местах, и стали высматривать в свете огромных прожекторов на столбах куда именно им нужно.

Почти сразу Техей заметил, что вдоль длинных, громадных поездов ходят тут и там какие-то подозрительно выглядящие люди. Вроде как, они были одеты в простую плебейскую одежду, в комбинезоны, но явно что-то высматривали, вынюхивали, и то и дело тихо перешептывались между собой.

— Гвардейцы, — Техей быстро догадался, что это были не плебеи. — Ищут меня.

— Слишком опасно, уходим, — не-Кай тряхнул головой, взял было Техею за руку, но тот стоял, как вкопанный.

— Нет, нельзя. Мне нужно попасть на поезд. По тоннелям мы будем идти месяцами, и не факт что дойдем.

Не-Кай хотел было возразить, пристально уставился на петраманта через окуляры противогаза, но, подумав несколько секунд, отпустил его руку. Нужно было придумать как сесть на поезд и остаться незамеченными.

Техей был уверен, что можно было как-то попасть в технический отсек локомотива, громадной машины, питающейся от проводов под потолком, но проблема заключалась в том, что мальчик никогда до этого даже близко не видел поезд. Эол рассказывал ему об этих машинах, что громяют в тоннелях, скользят по стальным рельсам, но живую, своими

глазами, Техей видел их впервые. Машина, впрочем, не впечатлила его, так как те же МТ были куда больше и сложнее.

Единственным шансом сесть на поезд было слиться с толпой людей, огромной, галдящей толпой идущей к нему. Люди здесь были самые разные, в толпе пестрили разные цвета, запахи и звуки. Кто-то даже вел на поезд активно этому сопротивляющуюся козу, и вот она уже удивила Техея — из животных он видел только собак и крыс. Не-Кай потянул его за собой, крепко держа за локоть, и они, втискиваясь в толпу народа, медленно шли к поездам, стараясь не отсвечивать перед гвардейцами в плебейских комбинезонах.

— Ты опоздала. Он уже на моей территории. И я его найду, рано или поздно, — никак не унимался Ной.

Майя закипала внутри от ярости. Раньше, во времена ее молодости, во время испытания, все было гораздо проще — конкурента можно было просто прирезать и скинуть его труп на нижние уровни. Теперь же, в цивилизованном обществе Плиоса, действовать нужно было тоньше и осторожнее.

Поезд был практически полон. Некоторые из тех, кому не хватило места, лезли на узкую площадку позади последнего вагона. На крыше ехать никто не решался — это означало провести несколько суток, прижимаясь к вагону и моля всех богов о том, чтобы по тебе ничем не прилетело в тоннеле.

— Все, все, отправляемся! — выкрикнул пилот электропоезда, человек в голубом комбинезоне и с замотанным по-арабски платком лицом, где торчали одни лишь круглые очки пилота. — Брысь от поезда, все!

Он просвистел в железный свисток, и толпа отшатнулась от вагона с зарешеченными окнами. Возле поезда стоять во время отправления не стоило — от отпущенных гидравлических тормозов шел едкий, горячий пар. Они зашипели, белые клубы взвились в воздух, и когда они рассеялись Техей увидел, как к нему с не-Каем прорываются через толпу людей несколько гвардейцев.

— Кай! — воскликнул он, указывая на них.

Не-Кай схватил Техея за руку и вместе с ним побежал к поезду. Он медленно, но верно набирал ход, на площадке в задней части столпились люди, кто-то из них, особо вороватого вида, кричали мальчикам что-то, тянули к ним руки.

Майя, заметив переполох, тут же понеслась вслед за ними. Она вскочила на мотоцикл и с громким рыком мощного мотора понеслась вслед за поездом в тоннель. Двое мальчиков все бежали за ним, бежали, и тот, на чьих плечах был ранец с плазменным резаком, запрыгнул на площадку, схватившись за руку кого-то из людей, стоявших там. Второй же стал отставать, и, в конечном итоге, побежал прочь, не оборачиваясь.

Майя прибавила газу, стала догонять разогнавшийся поезд. Люди на площадке не отдавали ей мальчишку, но и не мешали ей — из такой позы она могла лишь тянуть к нему свои руки, не в силах достать, и поэтому просто продолжала погоню. Разумеется, Ной передал сообщение постовым, и поезд стал сбавлять ход, замедляться, проехав пару километров вперед, до развилки тоннеля, где ему не дали пройти дальше.

Майя тут же спрыгнула с мотоцикла и, сжимая нож в руке, запрыгнула на площадку, стала толкать и откидывать в стороны людей, пытаясь добраться до мальчика. И когда она протянула к нему руку, когда схватила за сварочный ранец и повернула к себе лицом и увидела глухой резиновый противогаз, почувствовала кинжал, что уткнулся острием ей в живот.

— Я не буду тебя убивать, но и ты мне не навредишь, — тихо сказал не-Кай. Со стороны поста слышались шаги, топот. — Я отдавал свой долг. Тебе должно быть известно такое понятие.

Майя сдавленно, хрипло засмеялась, отпустив юнца. Тот скинул ранец, который на последних секундах успел забрать у Техея, что уже уезжал в переполненном вагоне очередного поезда, направляющегося на запад.

Акт третий: Термоцех, глава 1

Забегая в отходящий от станции поезд, даже не узнав при этом куда тот отправляется, Техей на бегу сорвал с большой тележки какого-то человека большую брезентовую ткань. Стянув маску с головы, мальчик заткнул ее за пояс, а на плечи накинул грязную ткань чтобы скрыть свою необычную одежду.

В вагоне было не так людно, как на прошлом поезде — по этому направлению, каким бы оно там ни было, явно путешествовало не так много людей, как на том, куда отправился в качестве отвлекающего маневра не-Кай. Аэромант не думал ни секунды, лишь быстро, пока толпа вокруг скрывала их, сорвал рюкзак с плеч Техея и хлопнул его по плечу:

— Беги!

И теперь его наверняка схватили, у него наверняка будут неприятности, а Техей едет в каком-то странном составе, где везли, по большей части, огромных размеров цистерны, а два единственных пассажирских вагона были прицеплены сзади, в самом хвосте. Внутри вагона, где завывал ужасный ветер, бьющий в лицо — в окнах не было стекол, только металлические решетки, хотя их можно было закрыть опускающейся заслонкой, — мальчика мутило. Конечно, он всю жизнь провел верхом на МТ, пару раз даже управлял грузовыми транспортерами, в которых перевозилось топливо, провизия и стройматериалы племени, но поезд был чем-то совершенно иным.

За окном стоял ужасный шум, стальные колеса ритмично стучали, натываясь на стыки рельс, а ужасный скрип тормозов, то и дело раздававшийся из-под днища вагона, эхом разносился по тесному, темному железнодорожному тоннелю. Чувствуя, что вот-вот не выдержит и стошнит, мальчик осел у дальней стенке, стараясь сконцентрироваться на подсчете количества отверстий в решетчатом потолке вагона. За решеткой горели лампочки накаливания — единственный свет здесь, и сквозь круглые маленькие отверстия свет красиво падал на пол, стены и пассажиров вагона, устроившихся по разным углам. Техей принялся разглядывать их, лишь бы как-то отвлечь себя, но это не помогало — сказывалась еще и серьезная потеря крови, от которой Техей все еще не отошел и с тех пор даже ни разу не перекусил.

Взгляд мальчик сфокусировал на семье плебеев, что устроилась недалеко от него. Отец, смуглый мужчина с роскошными черными усами, в хитон-комбинезоне с расшитой узорами хламидой поверх, вез куда-то свою семью — жену, женщину лет тридцати, в темном, плотном платье с цветочными узорами и двух маленьких мальчиков не старше шести лет каждый. Отец семейства словно почувствовал на себе взгляд юноши и приветливо улыбнулся, отчего его усы забавно дернулись, а затем поднял вверх руку в знак приветствия. Техей же лишь отвел взгляд и зажмурился, чувствуя, что вот-вот заблюет свой уголок, отчужденный ото всех.

Сквозь шум вагона Техей слышал шаги, мужчина быстро приближался к нему. Сопrotивляться юноша никак не мог, но внутренняя тревожность так и кричала ему, пыталась заставить бежать. Никому нельзя было доверять, совершенно никому. Неважно куда он там едет, пусть там хоть целый цех улыбчивых добродетелей окажется — доверять нельзя было даже им.

— Эй, парень! — голос у мужчины был приятный. — Друг!

— Мфм... — простонал Техей, притворяясь, что спит.

— Да брось, пацан, — мужчина улыбнулся, присел рядом. — Что, укачивает?

Голоса в голове Техея завопили еще громче:

— Надо же, с первого раза и в яблочко! Не слушай его, это член педофильного подполья! Тебя по-любому уже отравили, в толпе — помнишь, что-то укололось, когда ты бежал на поезд?

"Это был ранец", — подумал Техей, заглушая голос. — "Застежка ранца."

— Ранец ему, ха! — вторил другой голос, едкий и громкий. — Да тебя облапошили при рождении, дружок! Укололи многократно, думаешь то была прививка от цереомиелита? Слушай их, как же. Это тебе сказал тот же человек, который отдал Эола легавым.

"Это-то тут причем?", — Техей начинал терять связь со своими же собственными рассуждениями. — "Ох, твою же, сейчас..!"

Он широко раскрыл глаза, рефлекторно наклонился вперед, ища руками опору, когда его начало тошнить. Однако усатый мужчина вовремя подставил ему пакет и похлопал мальчика по спине.

— Ничего, ничего! — засмеялся усатый. — Мои парни тоже поезда не переносят. Дать тебе противорвотное?

— Ничего у него не бери! — зарычала, залаяла на потянувшегося к таблетке Техея его параноя.

— Он — часть заговора, часть медицинской секты, служащей злу во вселенной. Они пытаются сделать тебя своим рабом, ты не понимаешь! — визжала в другое ухо мания.

— Рабом! Ромбом! Додекаэдром! — откуда-то со спины игриво пропел сломанный, больной ассоциативный ряд голосом той девочки, которая все время играла рядом с кранами.

Но голосам было не остановить Техея. Юноша схватил таблетку и тут же, мигом проглотил ее, слушая вопли своих вымышленных "друзей". Тело тут же попыталось вытолкнуть ее обратно тем же путем, но Техей силой, руками сжал свои челюсти вместе, не повинаясь рвотному рефлексу и стараясь удержать все внутри. Медленно, но верно его пустой, урчащий желудок успокаивался, голова кружилась, но уже не так сильно, а поезд, темный и трясущийся, как припадочный эпилептик, уже не казался таким противным и неприятным. К мальчику возвращалось нормальное ощущение реальности, голоса в голове, особенно те, три, что кричали всегда громче всех, постепенно затихали. А мужчина все так же был рядом, наблюдая и пытаясь удостовериться, что Техею лучше.

— Ну как? — спросил он юношу.

Техей молча поднял вверх большой палец.

— Ты немой что-ли? — мужчина усмехнулся. — Ладно, вижу что не немой. Как звать-то?

— Техей, — тихо буркнул мальчик в ответ.

— А ты не из общительных, да? Я Цебей, а это мои прелестные дети, Раф и Йемнон, а та прелестная женщина — моя жена Медея.

Женщина приветливо улыбнулась Техею, коротко кивнула. Нехотя, Техей ответил взаимностью, просто чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

— Позвали меня работать, токарь я хороший, вот и едем, — не унимался усатый мужчина, и у альбиноса закрались небезосновательные подозрения, что поток общения не иссякнет до самого пункта назначения. — А тебе зачем в Ладцали? Тоже работать едешь, или у тебя там родственники?

— Сейчас. Придумай какую-нибудь убедительную легенду, — в голове мальчика зазвучал тихий, шипящий голос, стал подначивать его соврать этому человеку.

— А я... — Техей нахмурился, на секунду умолк, раздумывая над тем, как бы получше солгать. К сожалению, лжец из него был никакой. — Я специалист по... смежным системам. Вот.

— По смежным системам? — мужчина задумчиво почесал подбородок. — Смежные, это типа как...

— Ну, смежные, — замялся мальчик, чувствуя, как в спину будто бы вонзаются тысячи иголок, а кончики ушей горят от стыда. — То-сё, смежные системы, обслуживание... Вот, в общем.

— Отлично, это должно сработать, — шипящий голос удовлетворительно обволакивал кору головного мозга, скользкой змеей уползал куда-то вглубь мозга, обвивал позвоночник.

— Сработать... С рабом работать — должно сработать, — вновь подкинул бесполезную цепочку голос маленькой девочки.

Цебей обеспокоенно смотрел на бледного, даже бледнее обычного своего состояния Техея. Мальчик пусть и не страдал уже от укачивания, все еще продолжал слышать то, что слышать не должен был, а страшнее всего был самый тихий, но самый жуткий голос где-то в самых темных глубинах сознания, нашептывающий ему бредовые, никому не понятные формулы. Будь у Техея в руке что-нибудь, чем можно писать, его рука бы уже сама по себе чертила треугольник с трехконечной звездой, спираль, четырехмерный тор...

— Ты голодный, наверное? — вывел из из транса добрый голос усатого токаря. — Пойдем, присаживайся к нам. Путь неблизкий, так и копыта двинуть можно без еды. Что ж тебя отправили-то совсем одного, без ничего?

Отказываться было невозможно. Когда отступила тошнота, ее место заняло мерзкое, тянущее и сжимающее все внутри чувство голода. Последний раз мальчик нормально ел перед выходом на нижние уровни, затопленные углекислым газом, а это было то ли два, то ли три дня назад — он и сам уже не знал сколько времени прошло. Все-таки под землей без часов было очень и очень трудно, так как неба не видно, вокруг постоянно темнота и организм начинает работать как-то совсем уж неправильно.

Техей подсел, мрачный, как туча, в узкий кружок этой беззаботной кочующей семьи токаря. Жена его уже достала из большой вещевой сумки завернутый в фольгу плоский, тонкий хлеб навроде лепешки, а к нему какой-то ароматный бурый соус в пластиковой баночке.

— Ты верующий, Техей? — спросил его Цебей, и все разом уставились на мальчика.

— А вы да? — искренне удивленно спросил Техей.

— Дурак! Не выдавай себя! — тревожно прогудел в голове панический, сопровождающийся отдаленной аварийной сиреной голос.

— Ну, т-то есть... Не знаю, я не думал об этом.

— Ну, если хочешь — помолись с нами, — улыбнулся Цебей.

Он и его семья выпрямили спины, закрыли глаза и сложили руки на груди. Женщина при этом одухотворенно улыбалась, а вот мальчики, похоже, хотели просто поскорее добраться до еды.

Техей никогда не видел верующих людей. Ему рассказывали о плебейх, которые тратят свое время на то, чтобы поговорить с каким-то невидимым, неосязаемым существом, но мальчик относился к рассказам о таких людях с изрядной долей скепсиса — никто из

петрамантов не занимался подобной ерундой, даже плебеи были людьми достаточно приземленных, "земных" (насколько это слово применимо на Плиосе) взглядов. Но люди, что сидели сейчас прямо перед ним, эта странная семья без племени, по-настоящему молились, они благодарили некоего Тео за пищу, что он дал им и за то, что все они вместе. Это разительно отличалось от фанатичной веры аэроматов в священную задачу аэрации, и, сказать честно, аэромантам Техей верил как-то больше, чем этим людям, которые верили во что-то, что никак нельзя осознать.

Наконец, принялись за еду. Ужин (или обед, или даже завтрак — кто знает?) был довольно скромным, но Техею мать семейства отломилась самый большой кусок лепешки. Мальчик жадно набросился на нее, обмакнув в оказавшийся невероятно острым соус, и, потея и истекая слезами, жадно ел свой кусок под тихие, сдавленные смешки детей. Конечно, этого было мало чтобы наесться, но все же это лучше, чем ничего.

Когда же лепешка наконец была съедена, а остатки соуса закрыты обратно в пластиковую баночку, Техея вновь принялись расспрашивать о его жизни, о работе и о том, где он был и что видел. В этот раз общение ему давалось уже куда легче — когда в желудке есть хоть что-то, то и языком чесать становится куда проще. Так, например, в легенде Техея появилась история о том, что он не просто инженер смежных систем, а, на секундочку, потомственный инженер. Его отец, отец его отца и так далее и тому подобное — все положили свои жизни на то, чтобы смежные системы Плиоса работали, как часы. Разумеется, что это были за системы он так и не уточнил, но, кажется, Цебей больше и не пытался это выяснить — этот человек, будучи мастером-токарем, знал цену производственной тайне, и наверняка и сам имел десяток-другой секретов, передаваемых в его семье.

Было что рассказать и самому Цебею. Так, например, Техей узнал на шестнадцатом году своей жизни о существовании свободных плебеев — таковыми были, например, те же самые токари или разнообразные пилоты и операторы машин. Конечно, они могли быть и частью племени, но большинство ценили свою свободу и кочевали с места на место как петраманты в поиске работы. Дед Цебея, которого в этой семье почитали чуть ли не как какого-то героя, в свое время выкупил весь их род из цеха, которым управляли электроманты, и с тех пор они путешествуют по Плиосу на поездах и, когда придется, пешком, откликаясь на многочисленные предложения поработать.

— А что ваш дед предложил за свободу? — спросил Техей, отпивая налитый в жестяной стакан чай карак.

— Как что? — усмехнулся Цебей. — Деньги, конечно же! Он тридцать лет копил платиновые комматии чтобы заплатить за жизнь металлом, и вот, пожалуйста.

Техей замолчал, занял рот чаем, пока не умудрился наговорить лишнего. Не стоит этим людям знать о том, что о деньгах как о концепции мальчик знал исключительно по рассказам Эола — у петрамантов все добро распределялось согласно потребностям и справедливости.

"Наверное, мне понадобятся деньги", — подумал вдруг Техей. — "Сколько мне там еще ехать? Нельзя же надеяться, что мне везде помогут."

Поезд, гремя соединениями, проржавевшим листовым металлом, когда-то выкрашенным в оранжевый, несся дальше по темным, узким тоннелям, уходящим все дальше и дальше на юго-запад. Уже из разговоров и рассказов Цебея Техей понял, что ехать им предстоит в лучшем случае пару дней, в худшем — и того дольше. Да и идет поезд совсем не

туда, куда нужно было попасть мальчику. Вместо этого конечный пункт назначения находится в нескольких сотнях километров южнее того места, в которое направлялся Техей — уже по картам атласа, когда все легли спать, мальчик смог более-менее сориентироваться куда именно ему нужно и где он окажется по прибытию.

В сон его почему-то не тянуло, в то время как, позакрывав заслонки на окнах, остальные спали мирными, теплыми кучками по углам вагона. Цебей со своей семьей расположился на большом походном махровом ковре, пыльном и старом, но довольно удобном. Звали и Техея, но мальчик отказался, сославшись на то, что сильно ворочается во сне. Вместо этого юный петрамант изучал карты в атласе, которые то и дело менялись, пусть и весьма незначительно — там-то открылся проход, там закрылся, а в другой части вообще произошло обрушение. Только сейчас, с детальной картой планетарных подземелий Техей начинал осознавать масштаб того, насколько же огромным был завод-экуменополис Плиоса, насколько сложно он был устроен и как хрупок он был. Были ли люди в очередном обрушившемся цехе? Наверное, нет, раз за несущими стенами никто не ухаживал. Петрамантов часто вызывали чинить перекрытия, колонны, стены...

Мальчик вздохнул, обняв колени и уставившись в зеленый экран атласа. Он уже не пытался ничего понять, лишь бездумно листал сложные планы уровней, один за другим, один за другим... Что удивительно, внизу, где, казалось бы, людей не осталось совсем, разрушения были весьма незначительными. Подражатели, что-ли, ухаживают? Нет, вряд ли... А еще ниже цеха становились еще больше, еще масштабнее. Чернели на зеленом экране очертания каких-то сложных устройств, конвейерных, кажется, лент, механических манипуляторов, напоминающих по форме те, что установлены на МТ. Неужели когда-то Плиос был таким? Люди работали не своими руками, а железными? Сейчас вон, токарь считается очень сложной и ответственной профессией, а внизу ржавеют остовы огромных искусственных рук, гораздо более сложных, чем токарный станок.

Карта опускалась все ниже и ниже, на экране змейками расползались линии тоннелей, цехов и огромных залов с гигантскими колоннами. Еще ниже, ниже... И вдруг, карта больше не могла опуститься вниз. Техей достиг самого первого уровня Плиоса. Того самого, с которого началось строительство всего этого комплекса планетарного масштаба.

Но карта показывала что-то странное. Не было никаких тоннелей, комнат и цехов. Не было ничего — лишь пустота, а в ней возвышались невероятных размеров, сотни метров в высоту странные, совершенно нечеловеческие постройки. Нечто, по форме напоминающее скорее человеческие ребра, нежели структуры из бетона, ненормально огромные и толстые возвышались над поверхностью планеты, вырастали, казалось, прямо из-под земли, упираясь в первые настоящие уровни завода. Техей нажал на одну из полусфер, закрепляя привязку к нужному уровню, и уменьшил масштаб. Ребер становилось все больше и больше, они торчали повсюду, сотни, тысячи... Десятки тысяч практически идентичных конструкций. Наконец, на экране возникло изображение окружности, планета Плиос была у мальчика на ладонях. И вся ее поверхность была усеяна этими странными структурами, словно щетинками. Их было так много, что невозможно было даже подумать о том, чтобы их сосчитать. Техей беззвучно раскрыл рот, уставившись на зеленый экран, но когда вдруг послышался чей-то храп в вагоне, мальчик от страха отпустил полусферы и карта вернулась к своему нормальному, привычному состоянию, показывая длинный тоннель, по которому движется поезд.

Пазл постепенно начинал складываться в воспаленном уме мальчика. Что это были за

структуры? Для чего они предназначались? Почему не существует никакого первого уровня макрозавода? Медленно, но верно Техей приходил к осознанию настоящих масштабов проблемы. Углекислотное заражение, раздражатели, дефицит ресурсов, низкий уровень жизни — все это было лишь частью одного огромного, невероятно наглого по своей сути плана правящей элиты. Вот он, Эдем, там, у поверхности планеты. Висячие сады и рвущиеся к небу гигантские небоскребы невообразимой формы, отделенные от дремлющих народных масс искусственно созданной преградой в виде непригодной для дыхания атмосферы и чудищ, что роятся там, внизу. Плиос — слоистый пирог, где на самом верху, на тонкой прослойке пригодной для дыхания части атмосферы живем мы, настоящие плебеи Плиоса. Неважно кто кого считает рабом или благородным, для Архитекторов все одинаково.

— Это обман мирового масштаба, товарищ, — захрипел в голове голос паранойи. — Разделяй и властвуй, так они говорят.

Так они говорят. Разделяй народные массы на племена, на благородных и плебеев... И властвуй. Властвуй, пока идиоты, и не подозревающие об искусственном раю у них под ногами грызутся за последнюю корку хлеба, за глоток воды и за затхлый воздушный карман. Пусть чернь задыхается в ядовитых парах, пусть обжигает руки сваркой и теряет пальцы на станках, пусть дети не видят солнца для того, чтобы посвятить свою жизнь бесполезной выработке кислорода, который достанется не им. Пусть, в конце концов, прелестные девушки в девять, в десять лет начинают гнуть спины на фермах и полях, пусть рожают еще больше рабов для системы, пока настоящая элита — не благородные, а те, что живут в Эдеме глубоко под землей, — пожинает плоды многомиллиардного народа Плиоса.

— Наконец-таки ты понял, товарищ, — прохрипел, посмеиваясь, голос. — Тебя обвели вокруг пальца, но ты все-таки их раскусил.

"Вот для чего нужен атлас", — подумал Техей. — "Вот для чего! Мы найдем путь к Эдему, мы вернем себе то, что у нас отняли!"

— Вот это настрой! — поддакивала паранойя.

— Настрой! Кифару! Настрой! Отличный! — скандировал голос маленькой девочки.

Мысли, свои и чужие, переполняли белую голову мальчика. Он зажмурился, обхватил свою голову обеими руками, словно пытаюсь удержать внутри все те бредовые и гениальные мысли, что вспыхивали и гасли в его воспаленном разуме. Техей тихо, едва слышно застонал. Все громче становился самый страшный из голосов, все ближе он подбирался к свету, все громче его то жесткий и холодный, то вопящий и рычащий звук эхом отдавался в мыслях мальчика.

— ...переменная становится... Становится..! — застонал он, закатывая глаза. — Согласно аксиоме... Это же... Так... Просто!

Его крик, теперь уже громкий, во всю глотку, разбудил почти всех в вагоне. Цебей, оглядываясь по сторонам и непонимающе пытаюсь продрать глаза, вдруг вскочил на ноги и кинулся к Техею. Мужчина крепко взял мальчика за плечи, стал трясти, пытаюсь привести в чувство, но Техей его не слышал. Он ногтями, ломая и срывая с пальцев плоть царапал на металлическом полу какие-то сложные, непонятные формулы. А его губы шептали, шептали, то срываясь на крик, то замолкая совсем.

— Техей! — выкрикнул в страхе Цебей и вlepил мальчику звонкую пощечину.

Техей шумно, жадно вздохнул, широко раскрывая глаза. На его лице было выражение чистой паники, он хватался окровавленными руками за Цебея, озирался по сторонам. Постепенно, шок сходил на нет, он начинал ощущать невыносимую боль в руках, видел

кровь, разбитые, стертые пальцы, сломанные ногти. Видел он и написанные кровью формулы на металлическом полу, но теперь, когда приступ отступил, он вновь не мог понять их смысл.

— Во имя Тео, да что с тобой, парень?!

Цебей с ужасом в глазах смотрел на бледного, измученного собственным разумом Техея. А тот даже не пытался объяснить ему, что с ним происходит — бесполезно это, раз даже лекари в цехах не могли дать ответа на этот вопрос.

"Нехорошо", — подумал про себя Техей, скривив лицо от головной боли. — "Слишком часто я стал..."

Но тут вдруг Цебей положил свою большую, грубую ладонь на голову мальчика. В иной ситуации Техей, может, и засмутился бы, но сейчас это почему-то успокаивало, давало ощущение защищенности, принадлежности к чему-то — пусть это и был всего-лишь самообман. Техей вспомнил Эола, который так же успокаивал его всякий раз, как мальчика настигал очередной приступ.

— О, смотри-ка, — отвлек его от этих мыслей Цебей, поднимаясь на ноги. — Здесь начинаются нефтехранилища. На это стоит взглянуть.

Пытаясь не обращать внимания на разбитые руки, Техей поднялся во весь рост и вслед за своим новым знакомым подошел к зарешеченному окну, закрытому заслонкой. Цебей поднял металлическую пластину, открывая вид на громадное пространство, от которого захватывало дух. Этот складской цех был настолько огромным, что Техей не мог даже приблизительно подсчитать высоту от пола до потолка — и все это пространство занимали громадные цистерны, к которым тянулись множество изогнутых, переплетающихся труб.

Вместо привычных бетонных колонн потолок здесь удерживали статуи атлантов, взгромоздивших на свои спины огромные своды цеха. Где-то там, на вершине цистерн, виднелись крошечные люди, снующие туда-сюда, занятые своей работой, а у самого края цеха, у внешней стены, виднелись крошечные бетонные сооружения, будто бы подвешенные под потолком — это было поселение людей, что обслуживали нефтехранилище.

— Медея, покопайся в аптечке, перевяжи Техею руки, пожалуйста, — попросил жену Цебей, и та сразу же принялась исполнять волю мужа. — Вот так вот, малец. Ты на восточной стороне, наверное, и не видел чего-то подобного масштаба, а?

— Никогда... — честно признался Техей. — Мне рассказывали, что на западе производства больше, масштабнее, но чтобы настолько...

— Наш поезд тоже везет нефть, к слову. Нефть и попутный газ. Но ты и сам знаешь, дружище-инженер.

Цебей тихо, по-доброму засмеялся, и Техею оставалось лишь натянуто улыбнуться в ответ. Поезд уносился все дальше и дальше по огромному, высокому железнодорожному мосту, который на фоне громадных цистерн выглядел совсем крохотным и игрушечным. Вскоре, когда состав пересечет многокилометровый цех-хранилище, длинный железный змей снова скроется в темных тоннелях и побежит дальше, на юг, описав при этом большую дугу.

Медея перевязала и обработала израненные руки Техея, то и дело цокая языком и качая головой. Она с удивительной, даже странной простотой относилась к подобному зрелищу при том, что даже прошедшего за последнее время через огонь, воду и медные трубы Техея совершенно не тянуло разглядывать свои раны.

— Так, — Цебей хлопнул в ладоши и улыбнулся, потирая их. Он огляделся,

рассматривая других пассажиров поезда. — Хочет кто сыграть в цинтак?

Глава 2

Седой, высокий мужчина медленно прогуливался по длинному, погруженному в полумрак поминальному залу. Стены вдоль и поперек были усеяны маленькими пластиковыми табличками на болтах, и на каждой из них было чье-то имя, а под надписью — ощерившаяся морда волка. Символ подразделения особенно выделялся на каждой табличке, голова зверя сверкала тут и там в свете тусклых ламп позолотой.

Варс помнил каждого из них. Каждого бойца гвардии, отдавшего жизнь за дело Майи Бортеас. До того, как попасть сюда, в безымянные, скрытые от глаз цеха, переоборудованные под огромную базу-город, они были никем. Многие из них были даже не детьми плебеев, а дикими сиротами, чьей судьбой было сгинуть в пасти тоннельной химеры или попасть в рабство. Но Бортеас нашла их раньше тех, кто желал им зла, она дала им цель, дала им силу идти к этой цели. Конечно, она не уставала повторять, что все это, вся та сила, которой обладала ее особая ячейка, есть у них благодаря суровому наставничеству Варса, его тактическому гению, но... Мужчина усмехнулся. Нет, все благодаря ей. Если бы не она, если бы не эта девочка со шрамом, слишком гордая, слишком храбрая для дикарки...

— Ты звал меня? — его брат, огромный монстр по имени Снорри, бородатый и устрашающий, вошел в зал.

— Привет, Снорри, — Варс улыбнулся. — Как ты?

— Давление скачет, — вздохнул здоровяк. — Да и под ребрами частенько покалывает. Но ничего, держусь.

Оно и неудивительно — что за сердце должно быть у человека, чтобы оно выдержало нагрузку такой огромной горы мышц, чтобы смогло гнать кровь по всему этому ненормально большому телу?

— У меня к тебе просьба. Можно мне взглянуть на личные дела твоих людей? Я кое-кого ишу.

— Кого? — Снорри напрягся, но не подал виду.

— Крысу, — помрачнев, нахмурился Варс, глядя брату прямо в глаза. — Кто-то сливает данные о нашей операции, я это точно знаю. Но не знаю кто. Есть предположение, что это кто-то, у кого есть доступ к связи.

— Да на здоровье, — тяжело вздохнул здоровяк. — Только у меня не прибрано, не обессудь.

Внизу, на самом нижнем этаже базы, располагались все технические коммуникации, установки и машины. Бортеас не пожалела денег на это место, здесь был даже свой генератор кислорода, который обслуживал аэромант-изгнанник, своя электростанция и уловители влаги. Не было производства пищи, слишком глубоко под землей они находились, но, зато, были огромные запасы провианта на складе.

На этом же этаже находился личный кабинет Снорри. Будучи управляющим техническим персоналом базы, ему приходилось заниматься, в том числе, и бумажной работой, и поэтому в тесной комнатке, где громко, успокаивающе шумела в трубах вода, стоял простой стол и несколько шкафов-картотек. На столе виднелся хорошо знакомый Варсу ярко-красный телефон — прямая связь с госпожой.

— Я здесь надолго, брат, — сказал Варс, присаживаясь за стол и открывая первый ящик ближайшей картотеки. — Можешь помочь, если хочешь.

— Хрмф, — запыхтел и отмахнулся Снорри, которому в этой комнатке приходилось пригибать голову. — Я лучше за кофе схожу. Тебе?

— Черный, ты же знаешь.

— Да, да... — Снорри снова раздраженно отмахнулся и вышел прочь, захлопнув за собой дверь.

Самым пугающим в Майе Бортеас, отчего даже у Варса, командующего ее личной гвардией и силовыми операциями, стыла кровь в жилах. Она могла объединить под своим крылом тех людей, кого, казалось, объединить в принципе невозможно. Так, например, аэроманты-убийцы на службе Киры прекрасно соседствовали здесь с термомантами, занятыми регулировкой температуры на базе. И это при том, что между ними тянется многовековая вражда — одни дают кислород, а другие загрязняют его ядовитыми испарениями производства. Или вот, например, благородные: здесь их таковыми вообще не считали, было принято называть их просто "специалисты". Они одевались так же, как все остальные, ели то же, что едят остальные и в целом ничем не отличались от менее образованного персонала базы. И никто даже и не думал жаловаться — всех все устраивало.

Конечно, пару раз Варс видел, как кто-то поднимает бучу, начинает жаловаться на недостаточно удобную кровать, на пресноватую еду в столовой... Но Майя всякий такой случай решала лично. Она запиралась с этим человеком где-нибудь наедине и просто разговаривала с ним, часами напролет. Никто и никогда не рассказывал о том, что такое она говорила им, когда они оставались с ней наедине, но ясно было одно — это работало. Всякий, кто нарывался тем или иным образом на такой долгий, тянувшийся целыми часами разговор, выходил из комнаты, в конечном итоге, чуть ли не просветленным, буквально сияя от счастья. А Майя лишь спокойно, мягко хлопала по плечу очередного наставленного на правильный путь идиота, который с тех пор служил ей еще ревностней и самоотверженнее, чем мог бы даже представить до этого.

И вот эта удивительная способность Бортеас пугала Варса. Черт, да не одного его — даже другие Архитекторы, когда и если до них доходили слухи о подобном, предпочитали в будущем не иметь с Майей никаких дел, дабы не нарваться потом в своем убежище на слугу, который на деле оказывается предателем, которого "обработала" Бортеас.

Вскоре Снорри вернулся с двумя алюминиевыми кружками, приятно дымящимися и источающими аромат свежего, горячего псевдо-кофе. Где-то, говорят, выращивали и настоящий, но он был слишком дорогим и явно не стоил своих денег чтобы всего-то побаловать персонал ячейки.

Попивая горячий напиток, Варс принялся листать одно за другим личные дела механиков самых разнообразных систем, инженеров, монахов-аэромантов, даже уборщиков. Своих людей Варс уже проверил, крыса точно скрывается не у него, он бы легко его вычислил. И среди людей Киры предателя быть не могло — Кира лично отбирала людей в свою тайную службу и проводила, пожалуй, самый строгий отбор среди всех командиров ячейки Бортеас. В том, что Кира бы ни за что не причинила вред Майе, пусть даже и случайно, Варс был уверен. Выходит, предатель был в стане обслуживающего персонала, коих как назло было больше гвардейцев и шпионов вместе взятых.

Папка за папкой, Варс пролистывал сотни личных дел в поисках каких-либо несоответствий, странных эпизодов или историй нарушений порядка на базе. Тех, кто мог попасть хоть под какие-то, даже мельчайшие подозрения, Варс откладывал в отдельную, быстро растущую стопку.

К вечеру того же дня, непросмотренные личные дела уже заканчивались, а башня из подозреваемых выросла настолько, что была Варсу почти по грудь. Слишком у многих здесь либо имелись в прошлом странные, темные эпизоды, либо слишком сильно что-то играло в заднем проходе, отчего они устраивали по ночам азартные игры, драки и прочие непотребства.

— Ну и как же тебя найти..? — тихо пробурчал командующий гвардией себе под нос, глядя на огромную стопку папок.

Вдруг, на стене зазвонил телефон. Он был успокаивающего светло-голубого цвета, не такой жесткий и кричащий, как связь с госпожой. Снорри подошел и снял со стены трубку телефона внутренней связи, прислонил к огромному уху.

— Да, — прорычал он в телефон. — Понял. Пошли, Варс.

— Куда? — удивился мужчина, сидящий за столом.

— Она нашла его, — устало, раздраженно вздохнул Снорри.

Они быстро поднялись на один из средних этажей базы, где располагались бараки. Там Кира, командующая тайной службой Майи Бортеас, ждала их с несколькими аэромантами-шпионами, которые держали за шкирку щуплого, трясущегося от страха мальчишку-уборщика.

Варс не без удивления взглянул сперва на коллегу, затем на пойманного, не веря своим глазам. Это не мог быть он — мальчишка был, наверное, самым неприметным среди всех сотрудников вспомогательных служб!

— Не может это быть он! — воскликнул Варс с какой-то обиженной ноткой в голосе. — Он чист, как спирт! История у него скучнейшая, правонарушений нет, почему...

— М-гм, — Кира ехидно улыбнулась под глухим противогазом. — В этом и суть. Вот поэтому я этим занимаюсь, а не ты, дорогой друг.

Варс усмехнулся. В чем-то это чудовище было право — сами по себе непримечательность и скучный вид личного дела уже должны были навести его на мысли о том, что что-то с этим человеком нечисто. Ну не бывает в тоннелях таких чистых историй!

Он подошел к юнцу, и тот пугливо зажмурился, едва не заплакав. Паренек явно знал о том, кто такой Варс и чем он известен.

— Ну, на кого работаешь? — спросил он пойманного.

Но тот молчал. Очень уж упорно молчал. Боялся бы по-настоящему — давно бы выложил все, что знает.

— Молчишь... — медленно кивнул Варс. — Ну ничего, ничего. Кира тебя разговорит. Правда, Кира?

— Агась, — улыбнулась женщина, покручивая в руках провод для подключения к телефонной линии. — Все-все! Я это умею!

Вдруг, хрупкие, узкие плечи паренька перестали дрожать. Смысла притворяться жертвой уже не было. Он что-то тихо, хрипло проговорил, явно пытаясь заставить Варса наклониться к нему, прислушаться к его словам.

— Такой трюк со мной не пройдет. Либо говори громче, либо выплюнь изо рта эту хрень.

Юноша медленно, с чувством сплюнул себе под ноги. В свете ламп на чистом бетонном полу сверкала крошечная игла, пропитанная ядом.

— Вы опоздали, говорю, — повторил он, уже громче. — Не стал бы я докладывать по телефону, дура. А вот мышка...

Кира заметно напряглась. В этот раз уже она совершила ошибку, и ошибка обещала стать фатальной. Она быстро побежала куда-то, достала устройство связи и стала прозванивать какую-то из служб. Ее худшие опасения подтвердились.

— Сученок! — закричала она, выхватывая из ножен кинжал и бросаясь на паренька. — Отправил летучую мышь, тварь!

Но все было уже бессмысленно. Ловить летучих мышей в тоннелях было занятием очень и очень неблагодарным. Конечно, кого-то из технического персонала отправят на перехват, агенты на местах будут выслеживать стайки мышей в поиске той самой, с посланием, но, в конечном итоге, теперь это был чисто вопрос везения.

Прежде, чем подвергнуться пыткам с риском выдать все секреты Кире, паренек-смертник резко сжал челюсть, откусывая себе язык. Кровь хлынула у него изо рта, он сплевывал ее, с каждой каплей все больше теряя связь с реальностью. Аэроманты Киры быстро потащили его в медблок, но когда истекающее кровью тело донесли до врача, в нем не осталось уже ни капли жизни.

А летучая мышь все неслась и неслась, прочь от злополучной базы, по заброшенным, неизвестным тоннелям. Уж кто-кто, а эти животные прекрасно ориентировались в хитросплетении искусственных подземелий и без атласа. Все дальше и дальше, теряясь в стайках других, диких летучих мышей улетаала она, на лапке неся за собой крошечную капсулу с посланием. Информация все-таки просочилась наружу, теперь кто-то, кто запустил шпиона в стан Бортеас, узнает о том, кого и что она ищет. Теперь за Техеем начнется настоящая охота.

Он, впрочем, ничего этого еще, разумеется, не знал. Сейчас он развлекался с сыновьями своего попутчика, маленькими мальчиками, которые учили его, почти что взрослого, играть в цинтак.

— Называется игра так, кстати, из-за звука, — вдруг вклинился в игру отец семейства. — Когда монетку подбрасываешь, она делает "цинц"! А когда попадаешь, когда сталкиваешь монетки на столе в стакан, получается "так-так-так".

Суть игры заключалась в том, чтобы щелчком пальцев запустить монетку в полет и подтолкнуть другие монеты на столе в расставленные по углам стаканы. Попадание подбрасываемой монетки при этом не считалось, и если она упала в стакан, то ты пропускал свой следующий ход. Игра была сложной, но увлекательной, особенно в трясущемся, мчащим на станцию цеха Ладцали — крупного центра перерабатывающей и тяжелой промышленности. Техей одну за другой метал звонкие, круглые монетки с эллинистическим узором на одной стороне и рукой, оттопыренными пальцами показывающей номинал на другой. Не все на Плиосе знали написание даже простейших чисел, поэтому номинал монеты обозначали вот таким вот образом.

— Да! — он вскочил на ноги, когда монетка, приземлившись в скопившуюся на небольшом столике горку других монет, расшатала ее и несколько монеток упали в стакан. — Вот так-то!

— Ты все-равно продул, Техей, — заметил, ухмыляясь, старший сын Цебея. — Даже у братика четыре очка, а у тебя всего три.

— Ну-ка, не обижай Техея, он только учится, — осадил мальчика отец. — Не серчай, друг.

— Да нет, я... — Техей усмехнулся, потрянул головой.

Вдруг все, кто был сейчас в вагоне поезда, почувствовали, как железная махина стала

замедляться, сбавлять ход. Вслед за этим раздался приближающийся грохот — вагоны каскадом гремели один за другим, пока состав сбавлял ход, скрежетали сцепки и шипели тормоза.

— Приехали? — спросил Техей, выглядывая в окно.

— Почти, — ответил Цебей. — Но, думаю, можно уже собираться. Ты как, точно сам доберешься куда тебе надо?

— Да точно, точно, — поспешил заверить его Техей, а сам подумал:

"Да я же от аэромантов даже сбежал... Конечно доберусь!"

Состав замедлялся плавно, не спеша. Станция еще только виднелась далеко впереди, за мостом над подземным каналом. Что-то странное, отдающее ужасным холодом, густое и маслянистое текло в круглом тоннеле. Это явно была не вода — вода не могла быть настолько холодной. Техей поежился, укутываясь в свою брезентовую накидку.

— А, ты ж тут не был, — Цебей понял, почему Техей так удивлен. — Это хладагент. Его вырабатывает другой цех, напротив. Ну, ты увидишь.

Тормоза поезда шипели, выпуская клубы едкого белого пара. Люди закрыли заслонки окон, чтобы не дышать этой гадостью, и теперь дети Цебея и Техей лишь в узкие щели между окном и заслонкой наблюдали за станцией, на которой медленно останавливался поезд. Пассажирская платформа там виднелась, но была крошечной, узкой, а к поезду сверху тянулись какие-то трубы с насосами, вероятно, чтобы откачивать нефть из привезенных цистерн. Оставалось неясным, зачем было везти нефть так далеко, если ее было в достатке в хранилищах, которые были относительно недалеко, но это был один из тех вопросов, на которые знали ответы лишь те люди, что работали здесь.

С грохотом и резким, неаккуратным толчком поезд остановился на станции под названием "ЛАДЦАЛИ ГОР."

— Приехали, — вздохнул Цебей, поднимаясь и хватая большую сумку с пожитками семьи. — Ну, Техей... Будешь рядом — заглядывай. Был рад с тобой познакомиться.

— И я рад, Цебей, — Техей крепко пожал руку усатому мужчине и вслед за ним с его семьей вышел на освещенную прожекторами станцию.

К цистернам поезда тут же потянулись раздвижные гофрированные трубы, подключенные к мощным насосам. Они уходили вдаль, вверх по улице от станции, туда, где над головой возвышался огромный муравейник нефтеперерабатывающего завода. Выглядел он как витиеватый, огромных размеров шпиль, весь состоящий из труб, железных балок и конструкций, лестниц и воздушных переходов. Тут и там загорались и гасли зеленые, красные и синие огоньки, откуда-то валил с периодичностью секунд в тридцать густой водяной пар, а красно-белые трубы для сброса газообразных отходов уходили не вверх, как на земле, а вниз, под землю — аэроманты лично подключали систему отвода тяжелых газов вниз, на загрязненные уровни, и, поговаривают, охотились за теми, кто выбрасывал газы наверх, в атмосферу.

С другой же стороны, что Техей увидел, когда прошел мимо длинного состава, виднелась огромная, длинная площадь с возвышающимися рядами толстых колонн, покрытых мозаикой. На другой стороне площади, в, примерно, пятистах метрах, располагался другой, окутанный мрачным, холодным туманом химический комбинат. Устроен он был не менее сложно, нежели НПЗ на этой стороне цеха, и меж двух огромных заводов тянулись длинные трубы, перегоняющие одни жидкости в "ЛАДЦАЛИ ХОЛ.", а другие — в "ЛАДЦАЛИ ГОР."

Самым тревожным в этой картине было то, что бросалось в глаза в первую очередь — абсолютно пустая, ничем не занятая площадь. Что в ней было такого необычного, что на ней не строили дополнительные линии и химические комбинаты? Разве местное племя не хотело расширяться, улучшать производство? В конце-концов, там можно было бы организовать плебейский жилой район, благо что воздух даже не пах парами бензина — широкие вентиляционные трубы были оборудованы мощными вентиляторами, благодаря которым повсюду здесь дул приятный ветерок, очищающий воздух от взрывоопасных испарений.

Ответ на вопрос, впрочем, не заставил себя ждать. Техей увидел несколько людей в странной одежде, что направлялись в сторону площади со стороны НПЗ. Их костюмы представляли из себя скафандры необычной формы, с очень широкими отсеками на ногах, непропорционально "тощим" торсом, какими-то непонятными и, казалось, совершенно неудобными округлостями в районе плеч. На спине каждый из них нес тяжелый ранец с двумя баллонами, а в руках нечто, напоминающее плазменный резак на длинном сопле.

С другой же стороны, вдалеке, виднелись маленькие черные фигурки. Эхом от стен отражались их крики, неразличимые команды друг другу. Фигуры в скафандрах тут же бросились врассыпную, укрываясь за толстыми колоннами, и Техей увидел как в ту же секунду в их сторону полетели сверкающие в свете прожекторов металлические болты. Выстрелив, арбалетчики побежали прятаться за колоннами для перезарядки, но сделать это успели не все — люди в скафандрах выбежали из укрытий и почти синхронно стали поливать противников струями ярко горящей огненной смеси. Струи огнеметов били на расстояние в, примерно, метров сто-сто пятьдесят, превращая площадь в горящее адским пламенем побоище. Послышались истошные крики людей, заживо сгорающих, и затем — громкое шипение, сопровождающееся гулом раскручивающейся турбины.

Навстречу огнеметчикам вышли несколько человек, одетые в похожие округлые скафандры странной формы, но в руках у них были странного вида тяжелые турбины, сопла которых быстро вращались, а питание они получали от аналогичных баллонов за спинами у людей. В ответ на огонь, эти люди стали поливать площадь струями мощного хладагента, который, попав на одного из огнеметчиков, покрывал его тело поблескивающей белой коркой. Остальные успели разбежаться, а люди с криопушками усилили напор на попавшегося воина огня, замораживая его окончательно, но в последний миг, прежде чем вся жидкость в его организме застыла, он успел в последний раз нажать на спусковой крючок огнемета, выпуская длинную, мощную струю горячей, липкой смеси, которая, попав на одного из криобойцов, обуяла его пламенем. Несколько секунд он лишь пытался сбить огонь, словно бы и не чувствуя боли вовсе, но затем его скафандр не выдержал и человек закричал, сгорая заживо, когда огненная смесь попала внутрь его прожженного скафандра.

Техей довольно быстро понял две вещи.

Первая: здесь явно происходит некий конфликт, причем, судя по всему, конфликт внутренний. Вряд ли в это замешаны какие-либо силы извне, так что это можно смело называть маленькой гражданской войной, охватившей цех Ладцали.

Вторая: отсюда нужно было срочно уходить. Желательно на север, к центральной АЭС, но для этого нужно узнать расписание движения поездов. Кроме этого у Техея не было каких-либо срочных дел в этом цехе, поэтому мальчик быстро, не оглядываясь, направился к маленькому бетонному зданию диспетчерской вокзала.

Внутри казавшегося заброшенным, пострадавшем от боевых действий здания сидели на

коврах и пили чай карак пилоты локомотивов, отдыхающие после долгого пути. На станции сейчас был всего один состав, тот, на котором приехал Техей, хотя рассчитана она была на то, чтобы принимать до двадцати поездов одновременно. Собственно, и в диспетчерской не было никого, кроме этих двух пилотов, что привезли Техея в Ладцали.

— А... — неуверенно начал разговор юноша. — А где..?

— Кто? — усмехнулся пилот, почесывая густую черную бороду. — Диспетчеры, персонал станции?

Оба пилота почти синхронно засмеялись. Техей почувствовал, как у него горят уши — сказал какую-то глупость, и при этом даже не понимает этого.

— Мальчик, ты точно туда приехал? Ты в Ладцали, если что.

— То есть? — непонимающе спросил Техей. — Разве отсюда не ходят поезда?

— Они и сюда-то не ходят, — усмехнулся второй пилот. — Тут война идет, видал? Производство стоит, цех стал потребляющим. Только наш состав туда-сюда и курсирует, забираем крохи топлива, которые НПЗ еще производит и отвозим на восток.

"Черт. Значит, не на поезде", — подумал Техей, нахмурившись.

— Да ты не переживай, дружище, — усмехнулся бородатый. — Тебе здесь дело быстренько найдут. Вон, кстати, диспетчеров станции несут.

Техей выглянул в окно. Мимо станции медленно везли пластмассово-железную телегу, нагруженную застывшими, словно изваяния, замороженными телами. Пилоты продолжали ехидно посмеиваться, попивая карак.

Отсюда нужно не просто срочно уходить — КРАЙНЕ срочно. Любыми методами, хоть пешком, главное быть подальше от этого кошмара. Кто знает, может Техея и впрямь поймут сейчас на улице, дадут в руки арбалет да поведут в бой под огнем заградотрядов, раз дела здесь настолько плохи.

Мальчик выбежал из здания вокзала, побежал по единственному более-менее проходимому пути, бетонной дорожке, огибающей НПЗ. Она вела выше, к длинной ступенчатой лестнице, обшарпанной и местами обвалившейся, а за ней виднелись огоньки жилого района, возвышающиеся над полем брани бетонные сооружения, за время конфликта наполовину опустевшие.

Техей стал быстро, постоянно оглядываясь назад, подниматься по лестнице. Его параноя разыгралась ни на шутку, теперь ему действительно казалось, что прямо за его спиной все ближе и ближе к нему подбирается какой-нибудь злой комиссар, готовый сцапать паренька, нарядить в форму и отправить умирать непонятно за что. К такому Техей не был готов и во всю стремился покинуть этот проклятый цех, пусть даже пешком. Но для этого нужно было раздобыть хоть немного провизии — он понимал, что без хотя бы минимальных запасов пищи долго в тоннелях он не протянет. Сейчас у него не было даже простого, примитивного плазменного резака с регулятором интенсивности струи, и потому он был совершенно не готов выживать и охотиться на дикой территории.

Наверху же мальчика ждал странный, большой город, построенный явно не по тем чертежам, что имело его племя. Техей слышал, что на западе архитектура несколько отличалась, но не думал что настолько. Все дома здесь были блочными, в том смысле, что строились буквально из наставленных друг на друга блоков-комнат. Чтобы попасть в какой-либо из блоков, нужно было снаружи здания, по шаткому проходу, протянутому вдоль всего дома, пройти к конкретной двери конкретного блока. Своего рода общежитие наподобие тех, что строили петраманты семьи Ортеан, но какие-то более примитивные, без подъездов

и общей внутридомовой площади в виде общих санузлов и кухонь. Плюс, каждое здание было буквально увито разнообразными трубами и проводами, покрывающими бетонные стены словно плющ.

Да и вообще город был непродуманный. Иной раз здания стояли настолько близко друг к другу, что зазор между ними был, но настолько крохотный, что туда и палец не просунешь. Повсюду чернели какие-то темные, мрачные закоулки, так и напрашивающиеся на совершение в них преступлений, узкие боковые улочки, где и двое людей не разойдутся, бесконечные лестницы, воздушные переходы и внезапно оканчивающиеся тупиком улицы.

И самое жуткое — на улицах почти не было людей. Да, Техей проходил мимо пары стариков, играющих в шашки на пустующей улице возле своего дома, видел несколько проходящих мимо женщин, кутающихся в хламиды, какого-то мрачного, бледного подростка в капюшоне... И все. Город явно строился для гораздо большего количества людей, о том говорило буквально все вокруг, но этих людей здесь просто не было. Не хотелось Техею думать о том, что всех их перемололи жернова вооруженного конфликта, но такой вывод напрашивался сам собой.

На одной из улиц, после, наверное, двадцати минут бесцельного исследования опустевшего города, Техей увидел знакомый знак для неграмотных плебеев, изображающий дымящуюся тарелку с едой. Он же был продублирован на стенах вокруг дверного проема, закрытого покачивающемся на ветру занавесом из мелких стеклянных бус. Мальчик вошел внутрь, чувствуя, как урчит его живот от запаха жирного, медленно крутящегося на вертеле мяса для гираса. Внутри крошечного кафе был лишь один молодой парень в черной майке и спущенном до пояса хитон-комбинезоне. Это был, по виду, плебей, во всяком случае для благородного у него были слишком коротко острижены волосы, образуя на бритой голове нечто вроде короткого ирокеза.

Техей сел неподалеку на высокий барный стул. Столов как таковых здесь не было, есть приходилось прямо у прилавка, но альбиносу это было, в общем-то, без разницы — в племени вообще было принято есть на полу, на расстеленных в укрытии коврах. Тут же к Техею лениво подошел сонный хозяин заведения — старик с недельной щетиной и яркими синяками от недосыпа под глазами.

— Что будешь, белый? — спросил он Техея.

Меню, в общем-то, всегда было практически одинаковым. Да, иногда где-то можно было найти кафе и столовые, где подавали супы и салаты, однако большая часть пищевой промышленности Плиоса была завязана на довольно скудном, узком списке блюд навреде гираса или сувлак, которые можно было бы есть на ходу, по пути на работу. Так и здесь, в этой крошечной кафешке, подавали стандартный гирос, сувлаки и коулоури. Последних, впрочем, не было — сейчас был вечер, а выпечку готовят, как правило, утром. Ко всему прочему, здесь можно было заказать вино. Не понимал Техей только назначения странных цифр напротив написанных на меловой доске названий блюд.

— Хм... Гирос, пожалуйста! — выпалил Техей, уже предвкушая сытный, жирный ужин.

Старик что-то пробурчал себе под нос и принялся быстро готовить блюдо — нарезал жареного мяса, накидал овощей, соуса, картошки на подогретую питу. Было видно, что занимается он этим, наверное, всю свою жизнь, и наловчился готовить простенькое блюдо так быстро, что клиент не успевал приготовить свой кошелек и отсчитать нужное количество монет.

Вскоре Техей принялся за ужин, жадно, быстро откусывая от сочного гираса большие

куски и проглатывая их, практически не прожевывая. При этом юноша поглядывал иногда на сидящего неподалеку, хмурого, словно ртутная туча, молодого человека. Тот попивал кислое, дешевое вино из высокого стакана, нервно притопывая одной ногой, стоящей на полу и играя мощными желваками квадратной челюсти. Под кожей на его руках перекачивались мышцы, виднелись светлые рубцы от ожогов. Человек был чем-то сильно недоволен, едва сдерживал свой внутренний гнев, так и рвущийся наружу. Техей решил, что лучше не задерживаться здесь слишком надолго и поскорее уйти, поэтому быстро доел гирос и спрыгнул с высокого стула.

— Спасибо, старик, — кивнул он хозяину заведения.

Тот нахмурился, скрестил руки на груди и громко, сердито гаркнул:

— А деньги?!

Техей обернулся уже у самых дверей, глядя то на старика в фартуке, то на нервного парня. Второй, услышав шум, взглянул на Техея в ответ, сдвинув густые, с прорехами шрамов брови еще сильнее.

— Д-деньги..? — непонимающе переспросил Техей, шумно сглотнув.

— Ах, де-е-еньги! — зазвучал в голове ехидный голос типичного предприимчивого торговца. — Так вот зачем они нужны, оказывается! Деньги! Ну точно ведь!

— Врежь ему, врежь ему, врежь ему... — повторял раз за разом рычащий, брызжащий слюной голос, от которого кулаки сами по себе сжимались до бела.

Техей встал как вкопанный у самого входа в кафе. Он искренне не подозревал, что здесь, в этом цеху, за обед требуют деньги — везде, где он был до этого, его кормили бесплатно. В племени петрамантов вообще монеты не в ходу!

Но не успел конфликт вырасти во что-то действительно страшное, как, повалив Техея на пол мощным толчком, внутрь тесного помещения ворвались двое. Дикие из тоннелей, люди, что бежали от мобилизации, с криками и шумом ворвались внутрь с ножами, стали кричать на старика-повара:

— Еду, быстро, быстро! Всю! Сгребай мясо и овощи в мешок! Давай-давай, живо нарежу блядь!

Техей, лежа на холодном кафельном полу, почему-то не спешил вставать. Да и зачем? Он мог бы разобраться с парочкой диких, это правда... А хозяин кафе мог бы бесплатно покормить путника, что случайно забрел в этот цех.

— Так ему, — подначивал его лежать и дальше злой голос искаженного чувства справедливости. — Ты петрамант, с тебя вообще нельзя требовать денег.

— Ты УЖЕ не петрамант, Техей, — спорил с первым голосом второй, чувствуя проснувшейся вдруг совести. — Ты теперь одинокий странник, хранитель атласа, член сопротивления. Ты ведь сам для себя решил, что встанешь на защиту простых людей Плиоса, так? Сейчас старику нужна защита.

— Не слушай его, не слушай! — не унималась уродливая справедливость. — Закон, Техей, закон! Никто не изгонял тебя из племени, ты все еще петрамант!

— А еще ты — человек, — добавила совесть.

Но пока Техей, зажмурившись, вслушивался в звучащие в его воспаленном сознании голоса, парень, что сидел за прилавком и пил вино, медленно поднялся во весь рост, похрустел шеей. Дикие крепче сжали ножи, стали отходить назад.

— Сядь обратно! — закричал дикарь. — Сядь, прирежу, сука!

— А Я ВАС УЖЕ ЗАЖДАЛСЯ! — яростно, весело закричал парень с ирокезом

кинулся вперед.

Ловким, отточенным движением он поймал руку одного из грабителей и мощным, быстрым ударом сверху вниз сломал пополам его лучевую кость. Второй кинулся к нему, замахиваясь ножом, но очнувшийся от бреда Техей, не вставая с пола, взял одну из его ног в захват и, дернув на себя, повалил мужчину на пол. Тот не успел даже выставить руки вперед, и об жесткий кафель сломал себе нос. Оба они кричали, тот, которому сломали руку, медленно отползал к задней части кафе.

— ЗНАЕШЬ КАК ТУТ СКУЧНО СТАЛО?! ЗНАЕШЬ, ЗНАЕШЬ?! — все продол дико, громогласно орать "ирокез", схватив за грязные волосы поваленного на пол и мощно, ритмично впечатывая его лицом в жесткий, измазанный кровью кафель. — ПРИВЕДИТІ МНЕ ЕЩЕ! Я СЕЙЧАС ТАК БЛЯДЬ ПОВЕСЕЛЮСЬ! ДАВАЙ, ДАВАЙ, ВЕДИ І ДРУЖКОВ!

Все это он кричал и кричал, не переставая бить давно уже не сопротивляющегося грабителя лицом об пол. Морда дикаря превратилась в кровавое, искаженное месиво, в то время как другой, сжавшись в углу, громко ревел от ужаса. Впрочем, Стефан при всей своей силе явно осторожничал — избитый хоть и был изуродован, но все еще дышал.

Техей встал, отряхнулся и поднял упавшую на пол сварочную маску, тут же пряча ее под накидкой. Еще несколько раз ударив давно вялого, обморочного противника головой об пол, юноша с ирокезом, глубоко вздохнув, выпрямился и вдруг громко, истошно выкрикнул на высоких тонах:

— ВУ-У-УХУ! Фух... — он смахнул со лба крупные капли пота, размазывая по лицу скопившуюся на руках кровь, и протянул окровавленную ладонь Техею. — Стефан Нерос.

— Техей, — альбинос робко ответил на рукопожатие, стиснул зубы от крепкой, сильной хватки нового знакомого. — И-из Ортеан.

— Ага! Так все-таки петрамант, а? — Стефан усмехнулся, сплюнул на пол.

— Я тебе щас тряпку и швабру выдам, Стефан, — нахмурился старик за прилавком.

Техей неуверенно кивнул. В компании таких людей, как Стефан, он чувствовал себя наиболее неуютно — как-никак, а от таких людей никогда не знаешь чего ожидать. Одно неверное слово, и он может и по морде проехаться — Техей, может, и умел за себя постоять, однако делал это всякий раз с неохотой и крайне осторожно, стараясь не доводить дело до настоящего насилия. Этот же — абсолютно безбашенный, запросто изувечивший человека зверь, для которого это была всего-лишь забава.

— Давно ты в нашем славном цеху, Техей? — Стефан присел обратно за прилавок, вытер окровавленные руки об край комбинезона и продолжил пить. — Давай поболтаем, давно уже петрамантов не видел. Эй, старик! — Стефан щелкнул пальцами, будто бы подзывая хозяина. Тот тяжело вздохнул, так как звать его и не нужно было, стоял он буквально в метре от них. — Давай-ка, доставай еще бутылку! Техей, за встречу надо выпить.

Техей неуверенно пожал плечами. Доверять никому нельзя. Никому. Вдруг он и есть тот самый комиссар? Вдруг сейчас напоит и отправит его туда, сражаться? С другой стороны, попробуй тут не выпить, когда это чудовище на тебя так уставилось. Нехотя, мальчик поднял стакан, полный вина, и под громкое, рычащее "за встречу!" выпил.

Боль. Сплошная, едкая боль. Сковывающая тела, пронзающая самые глубокие уголки разума невыносимая боль. Ощущение прохладного бетонного пола левой рукой, правой — мягкая теплота старого, возможно даже семейного ковра. Техей медленно раскрыл глаза, опухшие и сухие, как бетон под прямыми лучами солнца там, на поверхности.

Комната была уставлена множеством практически одинаковых ваз кальпид. Они были здесь повсюду, вдоль длинного, устланного коврами коридора, возвышались полки, на которых были точно такие же вазы. Обычно, в таких хранят и подают воду, но еще...

— Доброе... — Стефан как раз мочился в одну из них, ковыряясь пальцем в ухе. Он громко, от души рыгнул. — Утро.

Техей медленно оторвал голову от мягкого, уютного ковра. Огляделся.

— Кальпиды используют не только для воды, знаешь ли, — подсказал ему мрачный, замогильный голос в голове. — А еще...

— Стефан, стой! — выкрикнул Техей и попытался встать, но от собственного же крика почувствовал, как у него буквально раскалывается голова.

Стефан непонимающе взглянул на своего нового друга, застегнул, наконец, ширинку и указал на другую кальпиду.

— А вон в ту ты нассал. И че теперь? — заметил он, подходя к Техею поближе и хватая его под мышки, дабы помочь парню встать. — А во-о-он в ту, кажется, еще и наблевал. Я ж тебе не говорил остановиться.

Воспоминание об одном из эпизодов прошедшей ночи вспыхнуло в голове Техея. Он вспомнил, как вместе со Стефаном, да еще и в компании пары милых девиц, коих здесь было не видать, они ввалились в этот длинный, странный зал уже будучи в стельку пьяными. С собой у каждого было по большой амфоре с вином.

— Стефан, это же... — с отвращением к самому себе и чувствуя, как к горлу снова подступает рвота, тихо сказал Техей.

— Ага, колумбарий, — подтвердил как ни в чем не бывало Стефан. — Ну, не вести же их... А, ты опять.

Не успел мускулистый юноша договорить, как Техей вновь склонился над одним из больших сосудов и исторгнул из себя что-то мерзкое, бордового цвета. Вина в нем к утру было больше, чем еды или даже желудочного сока.

— Ну ничего, ничего, — Стефан похлопал его по спине, терпеливо ожидая, пока Техей закончит. — Не держи в себе. Вот так.

— Ты... — Техей сплюнул остатки мерзкой жижи изо рта. — Какого хера..? Мы что, здесь с девушками..?

Стефан сдавленно, с грустью засмеялся. Кивнул на дверь, к которой вела длинная бетонная лестница — она была приоткрыта.

— Мы, друг, были настолько пьяны, что даже руку на титьку приземлить не могли, не то что там... Эх, — Стефан махнул рукой, словно говоря, что ни о чем уже не жалеет. — А ты им понравился, между прочим. Экзотика, блядь.

Техей медленно, постепенно вспоминал прошедшую ночь. Вспомнил смех двух юных девушек, которые были рады отвлечься от ужасов гражданской войны. Вспомнил губы... Брюнетки? Нет, у нее были светлые волосы, светлые кудри... Или все-таки темные? А

целовал ли он ее вообще?

Стефан, подставляя Техею свое плечо, стал медленно подниматься вместе с ним по лестнице, вверх. Он пытался приободрить альбиноса, обещал ему, что как только они вернутся в город, то сразу же найдут, чем опохмелиться. От мыслей об алкоголе Техея начинало мутить еще больше, снова хотелось блевать.

Но не успели парни дойти до конца лестницы, как небольшая дверь, ведущая в колумбарий, резко распахнулась, с улицы ударил яркий свет наружного освещения, что больно бил Техею по глазам, и в ярких лучах виднелись несколько неразличимых фигур людей.

"Все", — подумал про себя Техей. — "Гвардия. Обмыл знакомство, идиот?"

Впрочем, люди, которые пришли за Техеем и Стефаном не были гвардейцами. В ярком свете прожекторов быстро спускались, обступали парней люди в термоскафандрах, но с убранными за спину огнеметами, что давало надежду на то, что из этой заварушки выберутся живыми. Стефан в этом и не сомневался — он легко узнал одного из людей, что спускались в колумбарий.

— Стефан, — человек поднял забрало термозащитного шлема. Под ним оказалось лицо человека в очках, шуплого, но чем-то похожего на нового знакомого Техея. — Сынок, ты же знаешь что мама будет...

— Иди в жопу, бать, — прорычал в ответ Стефан, с плеча которого насильно сняли страдающего похмельем альбиноса. — Ты меня ей не сдашь.

— Не сдал бы в другой день, — покачал головой отец и попытался приобнять сына, но тот, скалясь, одернул плечо. — Но сейчас тебе надо переодеться и вместе с нами пойти в литейную. Кто это, сынок?

— Тебе-то какое дело? — буркнул Стефан и замахнулся кулаком на одного из термомантов, что удерживали шатающегося Техея. — Тронете моего друга — прибью каждого.

Их вывели наружу, повели по улицам вниз, в сторону НПЗ, а именно многоэтажного здания управления, примыкающего к основной части завода. В сравнении со всей этой сложной конструкцией, управление выглядело смешно, всего каких-то жалких десять этажей, но на деле внутри помещались множество кабинетов, хранилищ, пультов управления примитивной автоматикой и даже личных жилищ местных благородных. Другие, победнее, все-равно жили недалеко от НПЗ, но уже в блочных домах.

— Стефа-а-ан... — простонал Техей, когда его тащили вниз по улице. — Куда..?

— В отстойник, — вздохнул Стефан в ответ. — Я серьезно, кто пальцем тронет белого — переломаю руки.

Вдруг дорогу процессии благородных перегородила разъяренная женщина в годах из плебеев. Плебеи вообще здесь были наглые, эта вот, например, не стеснялась разговаривать с благородными на повышенных тонах:

— Агамнон! Ты мне будешь ущерб за твоего отпрыска возмещать?!

Мужчина в очках молча взглянул вниз, на своего сына, что ростом был заметно ниже отца. Техей же сморщил лицо от боли, пытаясь вспомнить что еще они успели натворить.

Тихая, спящая улица. Блочные апартаменты по обе руки, тусклый свет приглушенных на ночь уличных фонарей. По бетонной мостовой, громко смеясь, тыкая туда и сюда пальцами идут двое изрядно подвыпивших юнош. Один, тот, что с ирокезом (или же это был Техей..?) вдруг замечает, что окно первого этажа открыто, красиво развевается на легком, едва

ощутимом ветерке невесомая занавеска. Они видят внутри, в однокомнатных апартаментах, разделенных на разные части тонкими сетчатыми перегородками, две красивые статуи в античном стиле, мужчины и женщины. Словно стражи, они стоят у входа в дом, где спит женщина в годах. Они охраняют ее покой, ее сон перед тем, как прозвенит механический будильник и наступит утро, хоть люди этого цеха и не видели неба и солнца.

План возникает мгновенно — Техей, пошатываясь, бежит ко входной двери, яростно в нее стучится, не забывая при этом жалобно стонать и плакать, умолять дать ему немного воды. Он так устал, так измучен дорогой, нищетой и болезнями, так хочет пить... Конечно же, хозяйка дома открывает дверь, и именно в этот момент с другой стороны квартиры, со стороны приоткрытого, но зарешеченного окна, слышится звон бьющейся керамической посуды на крошечном столике для одного. Она бежит туда, выяснить что это за шум, но у окна уже никого нет, а двое юношей через открытую дверь пытаются вынести тяжеленные статуи, роняют их, хрупкая реплика камня ломается и статуи мужчины и женщины застывают в весьма экстравагантной позе — причем роли их, каковые задуманы природой, перевернуты с ног на голову. Под громкие крики женщин пьяницы бегут прочь, хохоча так сильно, что вся улица слышит хрюканье и восхищенный визг двух идиотов.

— Мы разберемся, — мужчина в очках вздохнул, а затем перевел взгляд на, внезапно, смущенного Стефана. — А с тобой мы заключим сделку: я закрываю глаза на все, что произошло сегодня ночью, а ты сам, добровольно идешь к матери.

— И гарантии безопасности Техея.

— Хорошо, — Агамнон улыбнулся, коротко кивнул. — А вы, уважаемая, навестите нас через пару дней. Поговорим о том, что можно сделать.

Женщина, шумно причитая, ушла прочь и процессия двинулась дальше, через улицы, где тут и там виднелись следы ночной попойки. Вот, например, самое простое — перевернутая мусорка. Ну не понравилось почему-то Техею, что она стояла именно там, за что и получила знатный, мощный пинок по своему жестяному боку.

Дальше — осколки стекла, которые лениво, медленно сгребал в кучу мрачный, как сама смерть дворник, пожилой усатый мужчина в смешной кепке. Техей, стиснув зубы от боли, вдруг вспомнил, как им показалось веселым дожидаться на верхнем этаже здания какого-нибудь прохожего и покидаться в него пустыми бутылками. Тот скакал из стороны в сторону, кричал им, чтобы хулиганы остановились, но те лишь громко ржали и продолжали, своим смехом еще и мешая спать людям, что жили в этом доме.

И, конечно же, пик того, на что отважились мальчишки. Еще когда термоманты подходили к административному зданию НПЗ, Техей увидел белеющую технической краской на стене огромную, кривую надпись:

"ВСЕ КОЗЛЫ КРОМЕ МЕНЯ И ТЕГТИХТЕКХ ТЕХЕЯ"

Когда парней заводили в здание, Техей услышал позади себя, где-то вдалеке, знакомый мужской голос. В свете фонарей он, прищурившись, узнал в человеке с арбалетом из рессоры, Цебея, того мужчину, с которым познакомился в поезде. Его и еще несколько человек, включая одну женщину, вооружили и вели вниз, к нейтральной территории.

— Это какая-то ошибка! — эхом доносился его голос до ушей Техея. — Я приехал работать на станке, вы не понимаете..!

Термомант в полном облачении отвесил Цебею пощечину. Техей попытался вырваться, помочь знакомому, но его крепко держали за обе руки.

— Подождите, там..! — попытался объяснить он, но его завели в здание и с грохотом

захлопнули за его спиной тяжелую железную дверь. — Стефан, там человека... токаря..!

— Отстой, да? — задира обернулся, глядя на лицо своего нового знакомого, и тяжело, горько вздохнул.

Техей не понимал, почему никто даже не пытался к нему прислушаться. Мальчик знал, что Цебей был отличным специалистом, который мог часами рассказывать о своей работе, и Техею было совершенно непонятно почему его бросали в бой. Усатый мужчина был совершенно безобидным, вряд ли он даже осмелится навести арбалет в сторону противника с ледяными пушками. Все внутри худого, сухого тела Техея сжалось в комок, он до боли прикусил нижнюю губу, стараясь отогнать от себя мысли о том, что теперь будет с семьей Цебея, как они будут дальше жить. Голоса, все как один, наперебой кричали ему:

— Беги! Беги! Беги..!

Что-то странное, абсолютно нечеловеческое происходило в этих цехах. Даже зой-базар с торговлей людьми, даже, черт возьми, храм аэрации были куда мягче и снисходительнее к людям, что жили там — ни работорговцы, ни аэроманты не разбрасывались просто так человеческими жизнями. Здесь же жертвовали ценными специалистами, за которых многие цеха глотки бы друг другу перегрызли.

Техея отвели в пустую, с одним лишь металлическим стулом комнату. Приковали его к нему строительными стяжками. Еще пара секунд, громкий лязг захлопывающейся железной двери и юноша остался в комнате совершенно один. Петрамант бы давно с ума сходил от тревоги, если бы не ужасная сухость во рту и непереносимая головная боль. Проскочила у мальчика даже показавшаяся ему смешной мысль — может пить, чтобы заглушить крикунов в голове?

Никто не приходил к нему, и вскоре юноше начало казаться, что вот так, в этом богами забытом месте, он и загнется, причем смешно и совершенно бесславно, от похмелья и сушняка. Кто знает насколько он здесь? Может, вообще никто приходит и не собирался. Просто заперли чтобы он как-нибудь сам здесь подох. Хотя... Нет, тут так не поступают. Тут людей отправляют на пустую, залитую кровью, покрытую копотью и ином площадь, чтобы предпринять очередную попытку прорыва. И какие же идиотские это были попытки! Ведь очевидно, что ничего не выйдет, это лишь жалкие, ленивые обмены ударами, не более! Керон бы быстро тут порядок навел, организовал бы передовой отряд, поддержку, разведку... Да чего, впрочем, уже об этом думать. Нет больше Керона, этого грязного предателя. Нет. И это хорошо.

Через некий промежуток времени, показавшийся мальчику вечностью, тяжелая задвижка с другой стороны двери все-таки отъехала в сторону с противным металлическим скрипом, словно кто-то вытаскивает противень из духовки. От одного только этого звука Техея чуть не вырвало снова, но даже его организм в отрыве от мозга и сознания понимал, что блевать уже попросту нечем. Как-то не удавалось у Техея хоть на день сохранить в желудке то, что он туда закинул.

Дверь резко, ударив ярким светом лампочек в коридоре, отворилась. Окруженная ореолом искусственного света, в комнату вошла женщина в термоскафандре, немолодая, левая половина ее черепа там, где должны расти волосы, была покрыта одним сплошным страшным рубцом от ожога. Техей подумал, что она могла бы легко скрыть свое уродство оставшимися на правой стороне волосами, но она будто бы специально зачесывала их так, чтобы все видели ее страшные ожоги. Когда глаза мальчика привыкли к свету, он увидел, что левый глаз женщины был мутным, затянутым белесой пеленой. Впрочем, даже одного глаза

ей хватало, чтобы охватить всего Техея острым, жестоким оценивающим взглядом. На рукаве ее Техей заметил странный шеврон под термостойким глянцевым покрытием, изображающий череп, пронзенный огненным мечом, а под ним — схематично нарисованный закрытый глаз.

— Говорить будешь сразу или мне с тобой поработать? — голос женщины был, наверное, самым страшным, самым холодным и жестким из всех, кого слышал Техей. Даже Майя Бортеас, которая пугала и успокаивала людей одним своим присутствием, не производила такого же впечатления.

— А? — непонимающе поднял взгляд на женщину Техей.

И тут же он зашипел от боли, когда эта дама резко, жестко ударила его тыльной стороной ладони по лицу. Во рту мальчик почувствовал солоноватый, металлический привкус собственной крови.

— Кто ты такой уже не так важно. Мне от тебя требуются явки и пароли. Рассказывай, где встречается твоя группа.

— Я не по...

И снова удар. Техей не выдержал, застонал от боли. Впрочем, она хотя бы помогала отвлечься от похмелья, заполняла собой его мысли, не давая думать о том, как сильно он хочет есть, пить и просто немного отдохнуть. Мальчик сконцентрировался на этой боли, стал продумывать все возможные варианты событий. Ни один из них не виделся ему хоть сколь-нибудь хорошим.

— Да о чем вы?! — воскликнул он, чувствуя, как кровь стекает вниз по подбородку.

— У меня нет на тебя времени! — рявкнула женщина и снова, еще сильнее ударила Техея. На этот раз лопнула губа, еще больше мерзкой, густой крови стало скапливаться во рту. — Говори! Говори, или я прикажу принести сварку!

Сварка. Сварка! Вот оно!

— Быстрее, скажи ей что ты петрамант! — подсказали голоса.

— Я петрама-а-ант! — простонал Техей, едва в силах поднять взгляд на суровую, жестокую женщину. — Я прибыл сюда вчера, на поезде!

— Вождь не взывал к вашему племени, поэтому твоя легенда уже трещит по швам. К тому же, ты не мог сразу, вот так случайно выйти на моего сына.

— Стефан ваш сын?! — воскликнул удивленно альбинос, и женщина тут же резко, со всей силы ударила его кулаком в живот, прямо под ребрами.

— Заткнись! — рявкнула она. — Не смей произносить его имя, грязный диверсант! Всю вашу нечистую, испорченную линию давно пора выжечь как паразитов!

В дверь постучали. За ней раздались звуки множества голосов, люди о чем-то спорили. Женщина обернулась, отвлеклась от Техея на минуту, и вдруг послышался грохот. Кто-то долбил в железную дверь, прикладывая всю свою силу и стойкость для того, чтобы снести ее. И Техей с ужасом наблюдал за тем, как чудовище снаружи медленно, но верно справлялось с этой задачей — щель между стеной и дверь с каждым ударом становилась все больше, все сильнее отгибался запертый на замок засов, и, наконец, он со звоном слетел с двери вместе с заклепками, а в комнату ворвался разъяренный, одетый в скафандр с той же символикой, что и у матери, Стефан.

— Папа обещал, что его не тронут! — взревел он, со злобой во взгляде уставившись на мать.

— Твой отец не командует контрразведкой, Стефан, — сурово, с такой же сталью в

голосе ответила женщина. — Живо иди и приводи себя в порядок. От тебя несет дешевым вином.

— Ну ма-а-ам! — зарычал, едва не переходя на крик, Стефан.

Было заметно, что он путь и не в ладах со своей родительницей, тем не менее уважает ее. Или, что более вероятно, вынужден ее уважать из-за ее статуса и положения — сейчас ведь именно от нее зависела дальнейшая судьба Техея.

— Цыц! — она заставила его замолчать одним жестом, а затем, крепко взяв Техея за волосы, задрала кверху его окровавленное лицо. — В цех вламывается какой-то генетический урод в одеждах аэров, с украденной маской петраманта и сразу же выходит на контакт с семьей высших чинов! И ты думаешь что я поверю, будто бы это простое совпадение!

— Дайте мне... — вздохнул Техей, сплюнул скопившуюся во рту кровь, что стекала уже по его шее, пачкая одежду. — Дайте сварку... Я докажу...

Стефан кивнул, поднял одну бровь, словно говоря матери: "Проверь его". Разумеется, сам Стефан искренне верил Техею, потому как тот бред, что он рассказывал этой ночью, будучи пьяным, невозможно придумать специально — история парня была слишком бредовой и спутанной, чтобы ее можно было всерьез воспринимать как искусственную легенду.

Наконец, после нескольких секунд раздумий, глава контрразведки тяжело вздохнула и коротко взмахнула рукой, скомандовав при этом:

— Медиков сюда. Приведите его в порядок. Потом сразу в аварийную зону, посмотрим на шпиона крионов в деле.

Она быстрым, широким шагом вышла прочь, и вслед за ней в комнату вбежали несколько людей. Техея, избитого и плохо соображающего что вообще происходит вокруг, потащили прочь, в медблок, и вместе с прочими термомантами его сопровождал кипящий от злости Стефан, готовый голыми руками разорвать любого, кто хотя бы взглянет косо на его нового знакомого. Техей не понимал, откуда в Стефане взялась такая привязанность к нему, оставалось лишь пытаться вспомнить прошедшую ночь и предполагать, что Техей ему наговорил чего-то такого, что тронуло психически неуравновешенное сердце Стефана.

В медблоке, залитом ярким светом длинных газовых ламп, полностью покрытом кафелем, Техея усадили в запятнанное кровью прорезиненное кресло. Над ним крутились двое врачей, обсуждая между собой чем таким ужасным могли пытаться мальчика, что он так плохо соображает и реагирует на внешние раздражители. Ему наскоро стянули и продезинфицировали разбитую губу, обработали ссадины на щеке. Стефан, что постоянно крутился рядом и порывался прорваться к креслу, где сидел его друг, в итоге не выдержал и выкрикнул:

— Да дайте вы ему воды, черти! Человек пил всю ночь!

Доктора переглянулись, подали Техею стакан холодной воды. Одним махом мальчик осушил его полностью, до последней капли спасительной жидкости, и попросил еще. Второго уже было достаточно для того, чтобы жажда перестала медленно его убивать.

Для бодрости Техею вкололи в руку что-то полупрозрачное — на это Стефан уже никак не отреагировал, хотя самого альбиноса терзали сомнения. Впрочем, судя по всему, все в этом цехе взбадривались похожим образом, и поэтому никто не видел в маленьком укольчике ничего предосудительного.

Микстура сработала практически мгновенно, Техей почувствовал даже как боль

исчезает, мысли становятся ясными и чистыми, как ночное небо, а мышцы наливаются силой. Он тут же вскочил с кресла, окинул всех присутствующих смешливым, смелым взглядом и громко, с вызовом сказал:

— Ведите меня в аварийную зону!

Вести его, правда, не пришлось — мальчик сам бежал впереди всей процессии, повинаясь подсказкам Стефана, сворачивая то налево, то направо. Вниз по лестнице два этажа, потом коридор, налево и снова налево, до лифта. Нервно стучит ногой по чистому бетонному полу, затем первый забегает внутрь кабины. Спускаются вниз, на уровень ниже, где, как оказалось, покоится основание огромной машины НПЗ. Здесь множество труб переплетались в сложные узлы нефтеперерабатывающих систем, гудели и гремели огромные установки, вращалась центрифуга — словом, механизм работал на полную мощность, питаясь нефтью и прохладной подземной водой. Там Техей уже ждали родители Стефана, которые о чем-то негромко спорили, а вместе с ними — щуплый, морщинистый, как изюм, мужичок в темных защитных очках, возле которого стоял огромный ящик архаичного, примитивного сварочного аппарата.

— Он в порядке? — спросила мать Стефана, кинув короткий взгляд на возбужденного Техей.

Стефан коротко кивнул. Все вместе прошли дальше, иногда нагибаясь, чтобы пройти под горячими, нависающими над землей трубами. Они уходили все дальше вглубь хитросплетений металлических труб, пока не добрались, наконец, до одной, особенно старой и проржавевшей, где подтекала выделяющаяся на фоне ржавчины криво наложенная металлическая заплатка.

— Твоя работа? — спросил Техей мужичка с аппаратом.

— Ты как со мной разговариваешь, щегол? — возмутился тот, с грохотом резко поставив аппарат на землю. — Да тут вся система на мне держится! Я сварку в руки взял когда ты еще под стол пешком ходил!

Техей усмехнулся. Огляделся вокруг в поисках своей маски, которую у него отобрали при задержании. Мать Стефана щелкнула пальцами, и мальчику вернули маску. Нацепив ее на лицо, Техей принялся осматривать кривые, уродливые сварные швы.

— На таких аппаратах у нас учатся работать дети. Игрушки себе варят, — негромко сказал он, не отвлекаясь от осмотра. — Жаль нет плазмы, я бы тут всю систему переделал...

— Мою работу?! Переделал?! — ахнул мужчина. — Да я ж тебя голыми руками..!

— Тихо, Цат, — женщина со шрамом осадил его. — Мальчишка, ты правда считаешь, что справишься лучше?

— Давно не работал с электросваркой, но... — протянул Техей, пожимая плечами. — В общем, да. Только воду надо перекрыть, само собой.

Сказанное не понравилось женщине, главе контрразведки горячего цеха. Остановить всю установку означало остановить производство топлива. А это, в свою очередь, означало, что потребуются задержать поезд еще на какое-то время, потерять прибыль и поддержку извне. Это дало бы холодному цеху, крионам, преимущество в вялотекущем конфликте, потенциально даже возможность склонить баланс сил в свою сторону.

С другой стороны, мальчишка ведь и вправду не был похож на шпиона, скорее на какого-то странного дикого. Раньше уже бывало такое, что дикие умудрялись стащить одежду аэромантов, чаще всего с тел убитых, которых они умудрялись застать врасплох. Но, опять же, этот не был похож на убийцу — слишком уж мягким и наивным был этот мальчик-

альбинос.

— Я предлагаю попробовать, — негромко высказался Агамнон, отец Стефана. — Если он сможет починить протечки, можно будет включить установку на полную мощность, не опасаясь аварии.

— Я тебя, кажется, не спрашивала, — холодно, с видимым раздражением заткнула его жена. — Советы будешь давать в своем отделе. А тут дело особой важности.

— Ладно, ладно, Зефа, как скажешь, — отец семейства был на удивление мягким, улыбочивым человеком, и даже и бровью не повел, когда его жена ответила на его слова грубостью.

Он знал, что она послушает его. Зефа пусть и была главой самой, пожалуй, суровой службы горячего цеха, она, тем не менее, не оставляла своего мужа без внимания и всегда прислушивалась к тому, что он говорит. В конце-концов, Агамнон не был дураком — с дураком она не стала бы заводить ребенка, особенно в такое сложное время.

— Отключайте систему, — приказала она по рации в скафандре. — Перед вождем я отчитаюсь сама.

Почти сразу же ее приказ был исполнен. Гул стал быстро стихать, дребезжание установки становилось все меньше и меньше, пока, наконец, НПЗ не остановило свою работу. Не полностью, разумеется — некоторые процессы нельзя было просто так взять и остановить, однако та часть, с которой предстояло работать Техею, сейчас была молчалива и будто бы мертва.

Старик-сварщик открыл один из кранов, из трубы стала быстро сливаться вода. Техей кивнул ему в знак благодарности и перенес портативную сварку с примитивной кислотной батареей поближе к месту, где труба протекала. Взвесил на руке зажимной держатель с зажатым в нем длинным электродом, прикинул свойства металла, стал вспоминать, каким именно швом нужно работать в этом случае. Все, что он знал о своем ремесле, он узнал от своего отчима, от Эола, и даже слегка улыбнулся, вспомнив, как тот бил его по голове толстой, пыльной книгой, заставляя учиться усерднее.

Подкрутив пару регуляторов на огромной коробке-аппарате, Техей, вздохнув, принялся менять металлическую заплатку. Сперва он сбил старую — она отошла без особых проблем, и ее мальчик выкинул, как бесполезный, отработанный материал. Затем, взяв свежую, более-менее подходящую по размеру, принялся, надев защитные перчатки, приваривать ее к огромной трубе, медленно, тщательно и с умом. Шов получался красивый, такой, какой старику-сварщику и не снился — аккуратный, убористый, ровный. Шаг за шагом Техей, сконцентрировавшись полностью на деле, которому его учили всю жизнь, приваривал заплатку к проржавевшему металлу, который все-равно давно пора было менять. Впрочем, пока что хватит и такого вот мелкого ремонта там, где он был нужен.

Закончив шов, Техей принялся рыться в коробке с инструментами в поисках наждачной бумаги. Ему хотелось зачистить шов, чтобы тот был практически незаметен на металле, но старик, отпихнув его в сторону, молча, с раскрытым ртом уставился на работу Техея. Он осматривал шов и так, и этак, все время причмокивая губами и медленно покачивая головой. Наконец, когда терпение Зефы стало заканчиваться, старик повернул к ней свое морщинистое, обгоревшее от сварки лицо и тихо, с желчью в голосе нехотя сказал:

— Мальчишка точно петрамант. Хер такое кто еще смог бы...

Зефа задумчиво уставилась на альбиноса, что откинул маску на лоб и улыбался, довольный проделанной работой. Давно ему не предоставлялось возможности как следует

поварить, и весь его организм пришел в восторг, когда то, чему его учили годами, снова потребовалось для дела.

— Допустим, я тебе верю, — и не подумав извиниться процедила Зефа. — Какого хера ты сюда приперся? Вас никто не звал.

— Нас — никто, — кивнул в ответ Техей. — Я тут один. Можно сказать, я изгнанник.

— Изгнанник... — словно пробуя слово на вкус медленно, задумчиво проговорила женщина. — Что ж... Тогда...

Не успела она закончить мысль, как зашипел хриплый громкоговоритель, звук которого многократно отражался от труб и стен, путался в лабиринте душной, пропахшей нефтью установки. Раздался голос, мужской и очень-очень злой:

— Главам служб **НЕМЕДЛЕННО** собраться у грузового лифта альфа. Кого не будет через пять минут — лично отправлю на передовую.

Зефа и Агамнон переглянулись. Стефан подошел к Техею, будто бы отгораживая его от своих родителей, нахмурился.

— Идем, петрамант. Ты станешь свидетелем нашего торжества над генетическими уродами холодного цеха.

В большом грузовом лифте, расположенном у связанного со станцией длинными рельсами входа в административное здание, ехали шестеро. Техей со Стефаном жались к дальней стене лифта, петрамант разглядывал прочих. Родителей своего нового знакомого он уже знал — Агамнон, глава службы внутреннего контроля, местной структуры охраны правопорядка, сдержанно улыбался, то и дело поправлял очки на длинном, тонком носу. Зефа, его жена и мать Стефана, нетерпеливо стучала носком ботинка по металлическому полу, чем напоминала своего сына — она командовала службой контрразведки, тайной полицией, выискивающей в горячем цехе шпионов холодного. Кроме них здесь был Валах — мужчина лет тридцати с длинным шрамом, пересекающем левый глаз, глава силовой службы, что занималась организацией атак на холодный цех, и Меркат, вождь семьи. Во всяком случае, так он себя называл — в действительности же даже Техей со своей природной наивностью понимал, что в цехе всюду идет борьба за власть между двумя сторонами одного и того же племени, и поэтому звание вождя (который здесь избирался голосами благородных) было весьма условным.

Смущало мальчика другое — почему все службы, имеющиеся у этого племени, так или иначе связаны с силой, войной и агрессией? Это же термоманты, один из столпов, на которых держался весь Плиос — именно от них зависела жизнь в нагретых жестоким солнцем цехах верхних уровней и промерзших, леденеющих цехах уровней, что были скрыты к глубине макроразвода. Где технические службы, где обслуживающий и технический персонал? Почему все благородные задействованы в конфликте? Занимается ли вообще кто-то обслуживанием терморегулирующих машин, или соседние цеха медленно умирают от кошмарных условий, в которых они находятся из-за простоя местного племени?

На эти вопросы мальчик пока не имел ответов, лишь разглядывал людей, что его окружали. Собственно, спуск на уровень ниже, в литейный цех, был достаточно рискованным мероприятием — делегация из высших чинов горячего цеха отправилась туда для переговоров с холодным цехом о возможном прекращении огня на какое-то время. К переговорам враждующие стороны призвал лично Архитектор, что управлял этим регионом, и это больше всего прочего удивляло Техея. Причина такому могла быть всего одна — ситуация становилась настолько критической, что разделять и ссорить народ уже было опасно для всех, включая Архитекторов. Внутренние распри были хороши, когда нужно было не допустить организованного восстания, но в этом случае они приняли форму совершенно ненормального, пожирающего племя конфликта.

Примечательным Техею казался Меркат, вождь. Все местные были смуглыми, однако у него кожа была темнее, чем у кого-либо здесь, и это при том, что и чернокожим он не был. Вероятно, в его генеалогическом древе были выходцы из загадочного африканского континента, который мелькал в рассказах бардов, но в целом он оставался хоть и человеком темнокожим, но с типичными для жителей Плиоса эллинистическими чертами лица.

Наконец, лифт с грохотом резко остановился. Меркат, что стоял впереди всех, открыл скрипучую сетчатую дверцу и вышел наружу первым. Делегация оказалась в большом, вытянутом в длину литейном цехе, где в тусклом свете ламп под потолком виднелись черные, огромные плавильные котлы и желоба для расплавленного металла под ними. Цех пустовал, в нем было тихо и спокойно, словно никто не заходил сюда уже очень давно.

Стены и потолок опутаны сетью труб из различных материалов, охладительными радиаторами, системами отвода шлака и всем прочим, что имело место быть в любой литейной.

— А еще ниже — мастерские, — негромко сказал Стефан, положив руку на плечо Техея. — Там раньше изготавливали кучу всего, станков там уйма, ленты конвейерные.

— И никто там не работает? — спросил, взволнованно сдвинув брови, Техей.

— А как работать? Своих пошлем — их прирежут тут же. И мы чужих не пускаем.

— Но... — Техей хотел было возразить, заметить, что это очень уж странная логическая цепочка, но замолк, когда впереди показались фигуры делегации холодного цеха.

Вперед медленно шли люди в похожих, отличающихся только цветом скафандрах. Если благородные горячего цеха носили черные, то в холодном цехе было принято носить белые. Людей с другой стороны пришло столько же, сколько и со стороны пиров — так себя называли благородные горячего цеха. Разумеется, это если не считать Техея, который, вообще-то, попал сюда как сторонний свидетель переговоров и просто не мог отказаться. У другой стороны, впрочем, тоже был подобный человек — некто в богатом, расшитом золоте длинном алом халате, под которым виднелась черная узорчатая рубашка и бардовый галстук. Лицо человека было скрыто тонкими золотыми цепочками, ниспадающими с широкополой с круглым верхом шляпы.

Делегации остановились в нескольких метрах друг от друга. Вперед вышли вожди семей, едва сдерживающиеся от того, чтобы не порвать друг друга на куски. Конфликт, что разгорелся между ними, не мог быть решен простыми переговорами, это понимали все, однако из уважения к высшей власти обе стороны все-таки согласились хотя бы попытаться договориться о сотрудничестве, и выбрали для переговоров заброшенный по их вине литейный цех.

На высоком балконе, откуда просматривался весь цех, появился еще один. Старик уставшего вида, повидавший многое, с грустью взирал на собравшихся внизу людей. Он держался гордо, хоть в его глазах и читалась ужасная усталость, а длинный, теплый кафтан был помят от долгого ношения.

— Вы все знаете зачем я вас здесь сегодня собрал, — вздохнул он, и все обратили лица в сторону высокого балкона. — То, что происходит в Ладцали, переходит все возможные границы. И я попрошу меня не перебивать.

Главы семей переглянулись, между ними словно сверкали молнии.

— По итогам этого собрания вы, термоманты, должны договориться о перемирии и совместном использовании производственных линий. И это не предложение, а приказ.

Напряжение все нарастало. Казалось, что вот-вот грянет буря, начнется потасовка между пусть и невооруженными, но весьма мотивированными благородными. Каждый из них был готов броситься прочь, найти хоть что-то, чем можно убить человека и сражаться до последней капли крови.

— Мне неважно, кто из вас станет полноправным вождем обоих цехов или как вы решите делить власть. Но вы обязаны подготовить мирное, подчеркну, МИРНОЕ соглашение о сотрудничестве к концу переговоров. Мое требование всем понятно?

Никто не стал высказываться. Члены племени молча со злобой, ненормальной и нечеловеческой, взирали друг на друга, скрипя зубами, как бешенные псы.

— Отлично, — устало кивнул Архитектор. — В таком случае, слово представителю ЦБ. Он подготовил отчет о том, во сколько обошлись простои на производстве.

С этими словами Архитектор, запахивая кафтан, и ушел прочь, в скрытую от посторонних комнату, путь к которой наверняка имелся только в атласе. Техей, дрожавший от страха на протяжении всей речи, наконец выдохнул. Выходит, местный Архитектор не охотится за ним, а значит все еще была возможность по-тихому уйти из этого цеха, не привлекая к себе внимания, и добраться до центральной АЭС своими силами.

— Кхм-кхм, — раздался из-под звенящих цепочек скучный, полный бюрократического формализма голос. — Итак, конфликт в цехе Ладцали обошелся местному региону потерями в три миллиона, сто тринадцать тысяч, сто пятьдесят одну платиновую комматию. Сумма актуальна на момент моего отбытия из бюрокластера, в данный момент, разумеется, еще выше. Цены взяты из наших источников, изучающих черный рынок.

— Вот так вы, капиталисты сраные, и мыслите... — прорычал вождь холодного цеха, едва не брызжа слюной. — Деньги, деньги... Много вы заплатили Архитектору чтобы загнать нас в эту ловушку, а, Меркат?

— Я не разговариваю с генетически неполноценными уродцами, отравленными хладагентами с момента зачатия, — зашипел в ответ вождь горячего цеха. — И разве это не вы подстроили этот бред, а? Решили собрать всех в одном месте...

Напряжение достигло предела. Лишь вежливый, скучный и гнусавый голос представителя ЦБ вернул всех в нормальное, не наполненное ненавистью состояние:

— Я попрошу всех успокоиться. Для вас, господин Агер, я подготовил доклад другого рода. С вашего позволения.

Вождь холодного цеха отступил на пару шагов назад, коротко, раздраженно кивнул. Бюрократ прокашлялся и пролистнул страницу на устройстве с электрочернильным экраном.

— Итак, простой производства обошелся Плиосу потерями приблизительно девятнадцати тысяч плебеев. Это, разумеется, не считая тех, что погибли во время конфликта между вами, чисто сопутствующие жертвы. Голод, жажда, недостаточное обслуживание машин отопительных и охлаждающих систем, дефицит деталей. Число, разумеется, актуально на момент моего отбытия и сейчас, как я полагаю, гораздо выше.

Техей шумно сглотнул, чувствуя, как у него дрожат от волнения колени. Девятнадцать тысяч людей, что либо сгорели, спеклись заживо, либо замерзли. Либо... Очень много уж было этих "либо". Страшно подумать, что нарушение работы всего одной части сложного человеческого механизма Плиоса приводило к настолько серьезным, страшным последствиям. Мальчик чувствовал, как ему становится хуже, как голоса снова заполняют его голову, а поток сознания уносит его куда-то, откуда он уже не сможет нормально воспринимать реальность.

— Ты чего? — шикнул на него Стефан и поднял друга на ноги. — Вот, это поможет.

Стефан вынул из специального отсека скафандра небольшой пистолет для инъекций и прежде, чем Техей успел возразить, вколол ему еще одну дозу чудодейственного препарата. Петрамант сделал глубокий, шумный вдох и тут же пришел в себя. Голоса затихли в его разуме, почти его не беспокоили, мысли стали чистыми, как строительная сталь высшего качества. Хотелось прыгать, бегать... Нет, летать! Летать, как тогда, с не-Каем.

— Ух! — воскликнул, не сдерживая себя, петрамант, чем обратил на себя внимание всех присутствующих. Он, однако, ничуть не смутился, как это бывало в обычных ситуациях, а наоборот, был рад, что теперь внимание людей переключилось на него. — А позвольте я выскажусь!

Главы цехов переглянулись. Архитектор если и наблюдал сейчас за происходящим, то не показывал этого, не высовывался наружу из своего убежища. Представитель ЦБ, впрочем, был не против, и Техей подошел к нему. Бюрократ отошел на пару шагов, платком прикрывая свой нос под шляпой с цепочками. Прочистив горло, как это делал представитель, Техей громко, с выверенно интонацией начал свою речь, которая все-равно из-за его голоса звучала как воспоминания о каком-нибудь усопшем:

— Я ПРИШЕЛ ИЗДАЛЕКА!

Стефан жестом показал Техею, чтобы тот был чуть потише. Альбинос втянул голову в плечи, бегая глазами по людям перед ним, и продолжил уже тише, спокойнее:

— ...издалека! Видел я много всякого... Разного... — в голове мальчика его речь звучала куда более структурированно и стройно, совсем не так, как получалось сказать на деле.

— Давай ближе к делу, кочевник, — раздраженно поторопил его вождь холодного цеха Агер. — И без тебя есть чем заняться.

— Кхм-кхм... — Техей окончательно сдулся и смирился с тем, что оратор из него никакой. Микстура, впрочем, еще действовала, поэтому он нашел в себе силы закончить мысль: — Среди петрамантов тоже есть много разных профессий. Я вот жестянщик, а человек, жена которого сшила мой первый комбинезон — специалист по блочным конструкциям. Я думаю, что ваша вражда не имеет под собой ничего существенного, поэтому вам нужно снова стать единым племенем.

— Чего-о-о?! — сердито воскликнул вождь Меркат. — С этими свиньями?! С этими мутантами морозильными?!

Техей взглянул на людей из холодного цеха. Внешне они совершенно не отличались от тех, что привели его сюда, вниз, и мальчик совершенно не понимал, в чем причина такой радикальной нетерпимости к специалистам по холодильным системам.

— Да с этими грязными, жадными капиталистами, которые за счет нас живут в роскоши, я бы и корку хлеба не поделил, не то что племя! — поддержал Мерката Агер. — Их надо выполоть, как сорняки, растоптать, сжечь и развеять прах по ветру!

— Если только мы не..!

— Ах так..?!

— Да вы..!

Техей и его мрачный, полный печали голос снова затерялись в гомоне спорящих, грызущихся без причины людей. Лишь Стефан, явно с трудом себя сдерживая, не ввязывался в перепалку, а вместе с ним — юная, лет одиннадцати девочка из холодного цеха и представитель ЦБ. Но они стояли по разные стороны баррикад и хоть и не разделяли агрессии своих родичей, тем не менее не могли хотя бы отойти в сторону, укрыться от этого шума. Бюрократу, впрочем, все это было неинтересно, он молча перелистывал стилусом страницы в своем портативном устройстве, а вот девочка, судя по всему, готова была заплакать. Ее узкие, хрупкие плечи дрожали от едва сдерживаемых слез, глаза беспокойно бегали по ругающимся, готовым убивать родственникам.

— Думаю, вы не будете против составить мне компанию. После всего этого я отправлюсь на север, к главной АЭС, там я предстану с отчетом перед высшей палатой ЦБ. Ваши слова как стороннего свидетеля мне очень бы помогли.

— Правда? Можно с вами?! — едва не засиял от счастья Техей. — Мне как раз туда и надо, буду рад!

— Прекрасно, — без особого энтузиазма, с ноткой презрения, ответил бюрократ и, выключив устройство, удалился.

Термоманты же все так и продолжали собачиться между собой, едва не брызжа пеной изо рта, хотя, кажется, до этого недолго оставалось. Девочка теперь сидела на полу, обхватив колени руками и спрятав свое лицо и тихо плакала. Стефан все порывался броситься к ней, но путь ему преграждали люди из холодного цеха. Заметив это, Техей сам, пользуясь тем, что термоманты слишком заняты друг другом, подбежал к плачущей девочке и накрыл ее грязным брезентом со своих плеч. Она подняла заплаканные, красные от слез глаза, глядя на странного беловолосого юношу, и, кажется, немного успокоилась.

— Что это ты творишь?! — женщина из холодного цеха, смуглая, но при этом светловолосая, кинулась к девочке и Техею, оттесняя его от нее. — Пошел прочь, бродяга!

Техей за свою недолгую жизнь уже привык к подобным словам. Бродяга, бомж, разносчик болезней, бездомный — как только его, петраманта, не называли. Словом, подобные слова уже давно его не задевали, но вот девочка, увидев разъяренную мать, снова начала тихо плакать от отчаяния.

Юноша отошел в сторону, видя, что люди холодного цеха отвлеклись на него и на эту сцену. Хорошо было то, что их хотя бы удалось разнять с родичами, за что Стефан беззвучно, одними губами поблагодарил петраманта. Плохо же было то, что теперь все внимание обращено на него, а это значит, что если снова вспыхнет искра, в огне окажется уже он.

— Слушайте! — выкрикнул он прежде, чем кто-либо успел начать на него словесную атаку. — Можете не прислушиваться ко мне, но выслушайте хотя бы одно! Если вы будете вот так орать друг на друга, то ничего не получится. Вы все слышали Архитектора, давайте разойдемся по разным концам цеха и подумаем над тем, что мы хотим за перемирие. Идет?

Термоманты, собравшись в черную и белую кучки, стали тихо переговариваться между собой. Предложение было дельное и могло сильно ускорить процесс переговоров. К тому же, без результатов Архитектор был не готов отпускать людей в их цеха, поэтому к какой-то средней переменной прийти все-таки нужно было.

Недовольно бурча, черные и белые термоманты стали расходиться по разным частям цеха. Он был достаточно большим для того, чтобы они не слышали и не видели друг друга, а именно этого все они сейчас и хотели. Только Стефан, отбившись от своей группы, подошел к Техею и тихо шепнул ему:

— Ты чего? Я ж тебе говорил уже что они не объединятся!

— Говорил? — удивленно переспросил Техей. — Когда?

— Ночью же. Ты чего, не помнишь что ли?

— Нет... — Техей тряхнул головой. — Я ничего вспомнить не могу, если честно. Я вообще удивлен что ты меня не прибил еще.

— Ты... — Стефан нахмурился, прищурился, пристально вглядываясь в бледное лицо друга. — Ты совсем ничего не помнишь? Вообще..?

— Ну, почти, вроде как... — неуверенно, чувствуя давление и какую-то странную надежду в голосе Стефана ответил Техей. — О чем ты?

— Я... — Стефан будто бы боялся что-то сказать, о чем-то напомнить. Слова вертелись на языке, но произнести он их не мог. — Проехали. Проехали, все. Пойду я... Это... Пойду, в общем.

Техей удивленно смотрел в спину своему уходящему прочь знакомому, искренне не понимая чем он мог так сильно его задеть. Но слова, сказанные однажды, забрать назад уже

было нельзя, поэтому единственным шансом что-либо понять теперь оставалось вспомнить все, что было ночью, полной вина, смеха и запаха бензина.

Все разошлись кто куда, оставив Техея одного посреди пустого, скучного и холодного без людей цеха. Впервые за долгое время, наверное, с момента, когда он покинул родное племя, мальчик искренне не знал и не понимал что ему делать. Зачем его вообще притащили сюда, на эти странные собачьи переговоры? Чем он-то может помочь враждующим сторонам? Он вообще не знал, что едет в подобное место, где смерть соседствовала со смехом, страх — с отеческой любовью, а те, что являются, по сути, частью одного племени, не могут поделить... Да ни хрена не могут поделить!

"Собачатся из-за какого-то бреда! Уроды, капиталисты... А сами не лучше, лишь бы повоевать", — думал он про себя, от нечего делать прохаживаясь туда-сюда по пыльному, черному от пятен расплавленного металла полу.

Время шло, действие микстуры заканчивалось, сознание мальчика приходило в "норму" — снова слышались странные, чужие голоса, снова путались порой мысли, а большой мозг подкидывал какие-то бредовые, не имеющие никакого смысла идеи, от которых Техею приходилось отмахиваться, как от назойливых мух. От безделья он принялся снова разглядывать запутанные, сложные карты Плиоса на украденном атласе, который так сильно хотела заполучить в свои руки преследующая его женщина.

— Зачем ты обидел Стефана, м? — раздался спокойный, с приятной хрипотцой голос в голове, осуждающий и полный горечи. — Расстроил классного парня, мужика, настоящего рабочего.

— Да-да, на таких революция и держится! — поддакивал другой, нервный, картавый голос. — Это рабочий класс, настоящий идейный человек, анархист! Не признает ни классов, ни племен! Ты должен завербовать его для подполья..!

"Подполья?", — вдруг напрягся Техей, переставая понимать о чем идет речь. — "Нет у меня никакого подполья."

— Но ты его на карандашик-то возьми, — существо, что говорило в голове у Техея, заговорщически подмигнуло.

Непонятным оставалось только то, как вернуть расположение Стефана. Он хотел пойти, найти его, извиниться перед ним, но в самом деле, что он мог ему сейчас сказать? Прости, Стефан, что чего-то тебе наобещал, будучи пьяным, а теперь все забыл? Ну бред же.

Техей тяжело вздохнул, потянулся. Он удобно устроился недалеко от середины цеха, в широком желобе для расплавленного металла. По размеру и форме он идеально подходил для того, чтобы в нем лежать, разве что ничего, что могло бы заменить подушку, у мальчика не было. Он прикрыл глаза, пытаясь расслабиться и не думать о том, как он хочет есть и как устал он от долгого, странного пути, но мысли, что роились в его голове, никак не давали ему покоя. Что будет с ним в конце? Примет ли его Эхемнос в революционерское братство? Да и что они вообще смогут? Неважно, впрочем... Главное, донести ему атлас. Отдать то, что поможет повести людей в бой, ударить врага прямо в сердце. Дальше уже дело техники, поговорить да убедить, ничего ведь сложного... Прямо как сейчас. Мальчик горько усмехнулся, понимая, что дальше будет только сложнее.

И проблемы, о которых он так думал не заставили себя ждать. Из центра цеха, там, где нависал над всем балкончик, с которого говорил с ними Архитектор, раздался громкий, истошный вопль той самой девочки. Техей тут же вскочил на ноги, побежал к ней чтобы помочь, чтобы спасти от любой опасности, что могла скрываться в этих проклятых цехах. Но

то, что он увидел, повергло его в шок.

Девочка сидела, забившись в угол, под стрелу подъемного крана, вся в крови. Но кровь была не ее. В опрокинутом огромном тигеле для плавки металла лежало вспоротое от пупка до подбородка тело представителя ЦБ, его звенящая шляпа лежала неподалеку, а острый, изогнутый нож — между им и девочкой. Она убила его. Убила своими руками, но даже Техей, видевший детей-воинов аэромантов, не мог в это поверить. Сила, которая понадобилась бы для такого жестокого убийства явно не могла быть заключена в таком маленьком детском теле.

На крик сбежались и остальные. Люди из горячего цеха встали как вкопанные, в то время как те, что обитали в холодном, казалось, были готовы разорвать Техея на мелкие куски. Они хватали куски арматуры, обломки бетона, кричали на него... Однако прежде, чем начался бой, на балкон вышел привлеченный криками Архитектор.

— Что здесь происходит?! — закричал он, обратив на себя внимание людей.

— Ублюдок убил представителя ЦБ! — закричала разъяренная мать девочки, пока та тряслась от страха, обхватывая колени окровавленными руками.

— Полный бред! — возмутился Меркат и кивнул своим людям, чтобы те готовились к бою. — Кровь на вашем выродке! Петрамант невиновен!

— Она не могла..! — начал было отвечать ему Агер, но всех их вновь прервал разъяренный Архитектор.

— Ти-ши-на! — закричал он, призывая их к порядку. — Кровь на руках ребенка из холодного цеха! Как еще это можно объяснить?!

— Но господин... — мать девочки выглядела напуганной.

— Прошло всего несколько часов, а вы добрались и до человека извне! И нет бы убить петраманта, так вы добрались до человека из ЦБ! — не унимался Архитектор. Его лицо побледнело, по лбу стекали крупные капли пота.

Девочка рыдала, уже не скрывая своего голоса. Ее мать и не пыталась успокоить свое дитя, лишь зло, с ненавистью в глазах зыркала то на Архитектора, то на вражескую семью. Техей же не мог и мускулом пошевелить, так силен в нем был сейчас страх. Он сковывал его тело, пока мозг буквально горел, разрывался от мыслей, бредовых и не очень. Мальчик пытался придумать выход из положения, но если уж даже его билет наружу теперь лежал в луже собственной крови...

— За сим я приговариваю... — грозно, громогласно начал Архитектор, прокашлявшись.

— Стойте! — остановил его Техей и выбежал вперед. — Стойте, прошу! Она не может быть виновной! Она...

— Ты берешь вину на себя? — строго, глядя прямо в лицо мальчику спросил мужчина.

— Н-нет, я просто... — начал было оправдываться Техей, но Архитектор поднял руку, заставив его замолчать.

— Пусть так, — вздохнул он. — Пусть так, хорошо. Я полагаюсь на неподкупность человека извне. В таком случае, я буду ждать, пока мне не выдадут убийцу. Племя, из чьего стана вышел преступник, будет изгнано из цеха.

С этими словами Архитектор нажал на кнопку на большом пульте управления, установленном на балконе. Раздался скрежет, стук, гул, и Техей увидел, как на входы и выходы, даже на вентиляцию, опускаются тяжелые железные заслоны, изолирующие литейную от остального Плиоса.

— Чтоб меня, протокол изоляции... — негромко, со страхом в голосе проговорил вождь

Агер. Техею его тон не понравился.

— Пока мне не выдадут убийцу — отсюда никто не выйдет, — поставил точку в споре Архитектор и медленно, громко цокая каблуками сапог, ушел прочь.

На несколько секунд цех погрузился в полную, давящую тишину. Не было слышно ни работы систем вентиляции, ни охлаждающих или нагревающих систем — ничего. Люди, что были внутри, оказались в полной изоляции от внешнего мира. Агер негромко шепнул что-то одному из своих спутников, а затем посмотрел на циферблат карманных часов, которые хранил в кармашке скафандра.

— Отсюда выйдет лишь одна семья, — тихо сказал он. — Не будет никакого изгнания.

Вождь горячего цеха, нахмутив густые брови, зло взглянул на своего заклятого врага. В его взгляде читался немой вопрос.

— Подстраховка... — пояснил Агер. — На тот случай, если бы это оказалось ловушкой.

Техей почувствовал, как по ногам тянет неприятный, странный холодок. Увидел, как от решетки охлаждающей системы валит тяжелый морозный дымок, легкий туман, стелящийся по полу.

— Что ты, сука, сделал..? — прохрипел Меркат, сжимая в руке кусок арматуры.

— Температура... — сквозь плачь ответила девочка, глядя на остальных большими, спрятанными за ладонями голубыми глазами. — Будет падать на пять градусов каждый час.

— И отключить систему можно только снаружи, — мрачно дополнил ее слова Агер.

В цехе вновь повисла гробовая тишина. Лишь каждый, кто был здесь, чувствовал, как стучит внутри его собственной груди сердце, как ухает в ушах кровь в ритм этому биению жизни. Это была последняя тишина перед тем, как разразилась буря.

Майя Бортеас находилась на конспиративной квартире в бедном промышленном районе Плиоса, недалеко от имеющего дурную славу цеха Ладцали. Лицо женщины было измазано черной копотью, мазутом, руки и того хуже, а в тишине полупустого высотного дома звучали лишь тихие, ритмичные щелчки трещотки, когда она закручивал очередной болт в своем сложном, навороченном мотоцикле. Он вообще был единственным в своем роде, абсолютно уникальный экземпляр, собранный, тем не менее, из стандартных, производимых по всему Плиосу деталей общепринятого общественного стандарта. Ее брови были глубоко сдвинуты, на уголке губ проступали недовольные, раздраженные морщинки. Женщина явно была чем-то обеспокоена, чего-то сильно ждала.

Наконец, из задумчивости, из привычного ей транса, когда она раз за разом разбирает, чистит и пересобирает обратно по деталям свой мотоцикл, ее вывел звонок мобильного аппарата связи, длинным шнуром подсоединенного к местной телефонной линии. Она подняла взгляд, отвлеклась от транспорта и, отряхнув руки, нажала на небольшую кнопку на боку устройства.

— Цербер воеет, — коротко, тихо сказала она.

— Гидра плачет, — прозвучала на другом конце провода кодовая фраза-ответ из уст Варса. — Мы почти готовы. Передовой отряд сейчас занимается оцеплением Ладцали. Арьергард подходит по служебным тоннелям.

— Хорошо, — Бортеас слегка улыбнулась. — Как обстановка?

— Разведка докладывает, что в цехе идут бои. На площади между двумя сторонами цеха люди возводят баррикады, не прекращаются обмены ударами.

— Причина?

— Высшие чины обеих сторон заперты на уровне ниже, в литейной. Обе стороны обвиняют в этом друг друга.

— А Архитектор?

— Отправился на гидроэлектростанцию, в Экемы. Слушай... — голос Варса вдруг стал тише, будто бы мужчину что-то беспокоило. — Стоило оно того? Ну то есть, это же вторжение.

— Пока что Хеос отвлечен на аварию на станции. Мы закончим все быстро, если твои люди, конечно, не подведут. Не мы, так кто-нибудь другой пришел бы за мальчишкой.

На другом конце провода, сквозь телефонное шипение и хриплые помехи, послышался тяжелый, усталый вздох.

— Они не подведут. Все отряды в твоём распоряжении, я передал им чтобы они ждали тебя.

— Хорошо. Передай Кире, пусть готовит спецборт и глушилки, не хочу лететь под радарам.

— Понял, — коротко ответил Варс и Майя закончила звонок.

И снова конспиративная квартира погрузилась в полную тишину. Теперь, наконец-таки, настало время действовать. Теперь Техей из Ортеан был в стальной ловушке, без резака, и ему было некуда бежать. Теперь... Теперь у него не было шансов вырваться из настолько плотного оцепления.

Быстро умывшись и очистив руки от масла и копоти, Бортеас открыла широкую

жестяную дверь, ведущую в жилой блок. Села на мотоцикл, как обычно проверила датчики масла, топлива и давления в гидравлических тормозах. Утробно зарычал железный зверь под ней, приятной вибрацией отдавались обороты двигателя в руки, в спину. Архитектор нацепила на глаза очки и, пару раз поддав газу на месте, резко, с громким рокотом мощного двигателя сорвалась с места.

До Ладцали ей нужно было проехать считанные километры. Вот-вот Техей, этот невероятно удачливый мальчишка, попадет в ее руки, и в этот раз она его не упустит.

Но у мальчика были проблемы и посерьезнее. В литейном цеху разворачивалась настоящая война, обе стороны заняли свои половины цеха и всеми доступными средствами готовились к предстоящему бою. Люди, не имея при себе нормального оружия, затачивали арматуры, сооружали щиты из листового металла и ловушки из длинных проводов. Теперь уже никто из них не сомневался в том, что чтобы выйти отсюда, придется перебить всех до единого ублюдков по другую сторону цеха. И лишь трое тех, кто хоть как-то сохраняли последние капли рассудка в творящемся вокруг безумии, сбежали ото всех на середину цеха.

— Милена, вернись к нам! — кричал с одной стороны цеха кто-то из холодной половины племени. — Вернись, девочка! Там опасно!

Но девочка, вжавшись спиной в гладкую поверхность огромного плавильного тигеля, лишь зажмурилась и закрывала уши, ее тело тряслось от страха перед тем, что собирались устроить ее родичи и тем, что сотворила она сама. Когда Архитектор Хеос, местный правитель, объявил, что никто не покинет этот цех пока не будет найден убийца, девочка вырвалась из хватки своей матери и со всех ног побежала к Техею, что казался ей последним разумным человеком вокруг. К нему же присоединился и Стефан, покинувший свою семью, и, угрожая куском ржавого, заостренного железа девочке, сумел прогнать прочь ее родственников. Члены же горячего цеха воспользовались этим и отступили сами, чтобы подготовиться к бою.

Разумеется, после этого Стефан попросил у юной Милены прощения, но та, оказавшись умной не по годам девчонкой, напротив поблагодарила его за то, что ему удалось оттянуть бойню еще на пару часов.

Тускло горящий в полумраке циферблат над балконом Архитектора показывал 19:42. Температура в цеху уже была неприятной, около семнадцати градусов цельсия, хотя те, у кого были термоскафандры изменения температуры еще даже не заметили. Зато Техей, одетый лишь в легкие, мешковатые одежды аэромантов, уже начинал слегка вздрагивать от неприятного холодка.

— Что ты видела? Ну вспомни ты хоть что-нибудь... — в отчаянии раз за разом повторял Стефан, с каждым разом заводясь все сильнее и сильнее.

Техей видел, как его товарищ от злости сжимает кулаки, как он едва сдерживает себя, чтобы не накинуться на беззащитную девочку. Сам же альбинос в панике думал кто и зачем мог убить представителя ЦБ, но ни одна из мыслей, что приходили ему в голову, не казались ему даже отдаленно правдоподобными. Чтобы хоть как-то сдвинуть это дело с мертвой точки, нужно было больше информации. Мотивы, алиби всех, кто был в этом цеху в момент убийства, в идеале еще и планы двух сторон касательно гражданской войны.

— Но разве не странно? — голос в голове, задумчивый, пространный, озвучил мысли, которые не давали покоя самому Техею. — Все они действуют слишком открыто, слишком грубо. Никаких изящных, сложных планов, никаких заговоров и ловушек с двойным дном...

— Дном! Дом! Гном!

— Только агрессия, чистая и беспринципная, — поддакивал другой, рычащий и хриплый, словно курильщик со стажем. — Бей, круши, убивай! Завтра все-равно не наступит!

Техей взглянул на часы. Время быстро уходило, температура падала все больше и больше. Шестнадцать градусов цельсия, 19:52.

— Милена, ну... — в очередной раз пристал к девочке Стефан, но тут его уже остановил Техей.

— Прекрати. Она ничего не скажет, — мальчик положил руку ему на плечо, мягко отводя его в сторону от укрытия девочки. — У нее был шок, мозг стер воспоминания об убийстве.

Стефан, скрепя зубами, медленно отошел в сторону. Он верил Техею, но отчего-то все меньше верил в правдивость слов маленькой плаксы. А та все не прекращала рыдать, пряча лицо в коленях, содрагаясь рваного, нервного дыхания. Что-то с ней было не в порядке, это Техей отчетливо видел по тому, как девочка себя ведет.

— Я же говорила... — она шмыгнула носом, шумно, смазмически вздохнула пару раз, словно ее мучила ужасная икота. — Я не помню... Ничего не помню... Я помню мертвого человека, везде кровь, ножик лежит...

— Хуёжик... — процедил сквозь зубы Стефан. — Техей, она врет! Она не может не врать! Там не было никого кроме нее, на ее руках даже сейчас кровь!

Девочка снова закрылась в себе, спрятала опухшее от слез, красное лицо. Большого от нее добиться было невозможно.

— Не она это! — простонал Техей, наивно полагая, что Стефан и сам в глубине души это понимает. — Не может это быть она! Я бы поверил что с твоей силой можно так вскрыть человека, но она-то..!

Стефан плюнул себе под ноги, достал из кармана скафандра помятую пачку сигарет, зажал одну в зубах. Юноша принялся хлопать по карманам в поисках зажигалки или спичек, но, поняв, что ни того, ни другого у него с собой нет, плюнул на это дело и убрал сигарету обратно.

— Нужно еще раз осмотреть тело, — решил, наконец, Техей. — А потом отвести Милену к ее родственникам.

— Ха! — Стефан усмехнулся. — Да они и меня, и тебя на куски порвут как только увидят.

— Пожалуйста, не надо... — тихо, шепотом взмолилась девочка.

— Надо-надо, дави, — подначивал возникший из пустоты голос. — Они боятся. Ты — их надежда на то, что подозрения лягут не на их девочку, а на горячий цех.

— Нет, если... — стал прокручивать в голове эту мысль альбинос, задумчиво сдвинув брови. — Если я смогу убедить их что пытаюсь защитить их ребенка. Им не на кого полагаться, кроме меня, другой вариант это бойня, а силы плюс-минус равны.

— Равны... — усмехнулся вновь задира, скрестив руки на груди. — Их перебьют, как кроликов. Моя мамаша — мастер устраивать ненормальные ловушки.

Но товарища Техей уже не слушал. Он прохаживался взад вперед, нервно кусая ногти и думая над тем, какие вопросы будет задавать термомантам холодного цеха. Ведь что, на деле, он мог спросить? Единственный действительно важный вопрос, который мучил его, так это то, почему маленького ребенка, которого сюда притащили учиться политике, как и Стефана, вообще оставили без присмотра.

Возможно, подумал Техей, другие вопросы придут к нему сами собой.

Импровизировать, в конце концов, он умел, да и ход разговора мог натолкнуть его на правильные мысли, поэтому он протянул руку Милене, негромко, беспокойно сказав:

— Идем. Я не смогу защитить тебя, если ты будешь все время рядом.

У девочки просто не было выбора, она взялась за грубую, покрытую шрамами от ожогов руку Техея и покорно, не прекращая иногда шмыгать носом и тихо плакать, поплелась за ним. Они прошли мимо трупа с ножом возле него, мальчик предусмотрительно закрыл глаза своей юной спутнице. Стефан же чуть задержался возле тела, будто бы пытаясь по предсмертной гримасе убитого понять что именно с ним произошло. Но на лице, как ни странно, было абсолютное спокойствие, словно ничего и не было, а смерть его была легкой и быстрой. Жужжание мух, кружащих над вывалившимися из распоротого брюха органами, впрочем, говорило об обратном.

— Я веду вашего ребенка! — выкрикнул Техей, чувствуя, что они добрались до зоны, что была полна ловушек холодной стороны. — Проведите меня, если не хотите чтобы пострадала и она!

Несколько секунд была лишь тишина. Термоманты о чем-то тихо, шепотом совещались, и вскоре из-за груды ржавого металла, сваленного в кучу для создания баррикады, высунулась светлая голова матери ребенка. Она сжимала в руках самодельное копьё из арматуры и медленно пошла в сторону Техея, неотрывно глядя на него, то на стоящего чуть поодаль Стефана.

— Если хоть волосок с ее головы... — прошипела женщина.

— Ни одного, я не желаю ей зла, — сглотнув, негромко ответил ей Техей, стараясь сохранять самообладание. — Я хочу поговорить с вами. Всеми вами. Чтобы спасти Милену.

Женщина остановилась в нескольких метрах от них, смотрела за спину петраманта, где все так же, на одном месте стоял Стефан. Мать девочки понимала, что это вполне могла быть засада, но в то же время помнила, что именно Техей заступился за ее дочь когда Архитектор хотел было вынести ей без суда и следствия приговор.

— А этот... скот? — она кивнула, наконец, на Стефана, и тот оскалился в ответ.

— Если вы опасаетесь, он останется на месте. Но тогда мы будем говорить громко, — ответил Техей. — Чтобы все было честно, без тайн и недомолвок.

Вслед за женщиной из-за баррикады вышли и остальные парламентарии холодного цеха. Альбинос вдруг подумал, что знает имя только их лидера, но, пожалуй, сейчас это было не так важно, обойтись можно было и должностями.

Мать девочки, высокая смуглая женщина со светлыми волосами, оказалась ни много ни мало заведующей пропагандой, а вместе с тем женой вождя холодного цеха, Агера. Мужчина среднего роста, чьи длинные черные светлые волосы были собраны в большой, высокий пучок на макушке, был заведующим освободительной армией, а еще одна, мрачная, довольно светлая по сравнению с остальными, с темными кругами вокруг глаз, представилась как заведующая антидиверсионной группой.

— Итого, выходит, те же яйца, только в профиль, — подытожили хором несколько голосов, заставив Техея поморщиться от боли в висках.

— Мотивы, алиби, чадо, — напомнил еще один, спокойный и рассудительный.

Техей прокашлялся, оглядывая людей, что напряженно выглядывали из-за баррикады. Обратился он, впрочем, к вождю:

— Почему Милена оказалась одна посреди цеха, полного ваших врагов?

— Потому что мы были заняты более важными вопросами, — с недовольным видом

ответил вождь Агер. — Здесь решалась судьба всего нашего общества!

Техей перевел взгляд на мать Милены, без слов задавая ей тот же вопрос.

— Есть вещи... — процедила она сквозь зубы. Слова давались ей с трудом, ей едва удавалось выговорить то, что она пыталась сказать. — ...важнее детей.

— Невозможно! — воскликнул в голове голос женщины лет пятидесяти. — Инстинкты! Гормональные всплески! Их невозможно заглушить!

Техей напрягся, задумался. Он и сам придерживался такого же мнения. Что-то здесь не сходится, не могла мать просто так бросить своего ребенка, которого она выращивала и воспитывала годами, просто так бродить по цеху, полному врагов. Даже если голос ее, как заведующей пропагандой, был важен в обсуждении условий перемирия, она должна была следить за ребенком. Свои мысли мальчик, впрочем, высказывать не стал.

— Но зачем вы вообще враждуете? Что вы не поделили с горячим цехом? — задал очередной вопрос Техей, надеясь, что таким образом выведет их на возможные мотивы убийства.

— Хрмф... — усмехнулся так, словно мальчик спрашивал какую-то несусветную, очевидную даже ребенку глупость Агер. — Экономика, юноша, э-ко-но-ми-ка! Эти ублюдки захватили средства производства, лишили нас того, что строили наши отцы и отцы наших отцов! Ими движет лишь жадность, деньги и роскошь! Это же очевидно!

— Техей, это..! — уже даже Стефан не выдерживал бреда, на котором буквально настаивали люди холодного цеха.

— Да. Тихо, — заставил его замолчать Техей. — И вы...

— Конечно, они нас подставили! — громко возмутился, даже не слушая петраманта, вождь. — Конечно, выбрали целью представителя ЦБ! Да мы, мы... Мы настоящие приверженцы эллинистической модели! Полис, единство, равенство, черт возьми!

От собственной речи вождь Агер начинал буквально вскипать от ярости, и люди вокруг него, кажется, заражались ей не меньше его самого. Кто-то начинал тихо, про себя скандировать лозунг эллинистического народного социал-движения, о котором Техей слышал только из рассказов полоумных стариков, другие же шипели, плевались так, словно прямо сейчас готовы были кинуться на амбразуру за красное знамя, средства производства и высокую идеалистическую идею далекого-далекого прошлого.

Люди прямо на глазах превращались в бешенных животных. Милена, которую мать прижимала к себе, снова начала громко плакать, а лидеры холодного цеха начали распевать "Вперед, штыки примкнув, вперед!". Техей и Стефан переглядывались и медленно, стараясь не делать лишнего шума, отступали назад, на нейтральную территорию, пока народ в едином порыве отвлекся на скандирование лозунгов, распевание песен и слепую ярость к врагу по ту сторону цеха.

— Это какой-то бред... — Стефан тяжело, совершенно нездорово дышал, медленно следуя за Техеем. — Они же... Мы ведь...

— Да, — Техей кивнул. — У обеих сторон разный взгляд на причину конфликта. Но... Почему? Стефан?

Техей обернулся, лишь чтобы увидеть, как мускулистый, задиристый и энергичный парень свернулся калачиком на грязном, пыльном полу, пока все его тело сотрясала судорога. Альбинос кинулся к нему, пытался его растрясать, но все тщетно — Стефана трясло от сильнейшей лихорадки, все его тело было мокрым от пота, скафандр шипел, испаряя пот через специальные отверстия в ногах.

— Стефан, Стефан! Что с тобой?! — кричал в панике Техей, пытаясь привести друга в чувство, но тот почти не реагировал даже когда мальчик тряхнул его за плечи.

— Я так... Устал... — вздохнул Стефан, еще сильнее сворачиваясь на полу в позе эмбриона. — Так спать хочется...

— Твою мать, твою мать! — паника овладевала юным петрамантом, его руки дрожали, в мыслях все громче шумел сплошной шум.

Он поднял взгляд на электронный циферблат. 19:42, двенадцать градусов тепла. Его тело начинало промерзать, костюм аэроманта почти не согревал. Время быстро уходило, нужно было как можно скорее докопаться до истины.

— Но проще было бы просто обвинить девчонку, — подсказал шипящий, ядовитый голос в голове.

— Нет! — вслух, не контролируя себя, выкрикнул Техей. — Нет, нельзя ее...

— Но ты ведь здесь случайно! — голос все не унимался. — Всего-лишь жертва обстоятельств. А замерзнешь здесь, умрешь, так и не выполнив последнюю волю папочки...

— Заткнись! Заткнись!

Техей схватил кусок шлака с пола и со всей силы, чувствуя ненормальную, нездоровую ярость запустил им в сторону балкона, где появлялся Архитектор. Сейчас он был пуст, а проход за ним — закрыт стальной заслонкой так, что если бы даже Техей поднялся туда, он бы все-равно не смог выбраться наружу, даже имея при себе атлас.

Еще на один градус стало холоднее. Техей взглянул на спящего на голом полу Стефана, сжал кулаки, изнывая от собственного бессилия и не зная что делать. Но вдруг, сделав глубокий вдох, он все понял. Не нужно никакого волнения. Не нужно бояться. Нужно просто идти так, как шел до этого, вперед и только вперед. Поговорить с лидерами горячего цеха, осмотреть тело... Все по порядку.

Электронный циферблат, коротко моргнув янтарными цифрами, снова изменился.

Глава 6

Стефан, внезапно уснувший крепким, здоровым сном, даже, казалось, не почувствовал, как Техей оттащил его в сторону, прочь от центра цеха. Парень был тяжелым, и даже альбиносу, с детства привыкшему к тяжелому труду, едва удалось, пыхтя и тужась, дотащить его до большого станка для сгибания прутьев в пружины, накрытого пыльной, грубой тканью. Кое-как петрамант спрятал спящего товарища под ней, надеясь, что тот не захрапит, если вдруг холодный цех пойдет в атаку, а сам со всех ног побежал к тем, с кем Техей сюда и пришел. Время неумолимо шло, температура падала все сильнее и мальчик чувствовал, что если он остановится сейчас, то попросту замерзнет насмерть.

Он бежал, поднимая в воздух пыль, чуть влажную от конденсирующейся в воздухе от перепада температуры влаги, кашляя и отплевываясь от нее, когда она попадала в легкие. Позади, за его спиной, все так же звучали возбужденные крики, песни социалистов, которые, впрочем, с каждой минутой становились все более вялыми, тихими. Люди устали, даже имея на уме одни лишь кровь и насилие, они постепенно прекращали кричать, в то время как впереди, в стане горячего цеха, голоса в ответ становились все громче. Люди, сидя за до боли знакомой баррикадой, раз за разом без устали выкрикивали один и тот же лозунг: "Цех без уродов! Племя без мутантов!", снова и снова, надрывая глотки в святой, чистой ярости, будто бы готовясь вот-вот пойти в атаку.

Техея вождь Меркат встретил злой, сверкающей в полумраке улыбкой маньяка, жаждущего крови. Да и все остальные, даже добродушный очкарик Агамнон, повинувшись всеобщему безумию, кричал вместе с остальными, выпучив красные от ярости глаза.

— Эй, эй! — привлек их внимание замерзающий Техей. Он вяло дрыгался на одном месте, пытался растереть тело руками, но ничего не помогало. — Послушайте же вы!

Меркат поднял руку, заставив своих храбрых солдат замолчать. Люди уставились на Техея голодными, жаждущими крови глазами, и в очередной раз мальчик почувствовал, что его готовы разорвать прямо так, голыми руками, зубами и ногтями. Перед ним были не люди — звери, оскотинившиеся и безмозглые, в едином порыве бессильно рычащие на себе подобных.

— Где девчонка?! — прокричал, срываясь в пустую, лишнюю разума злобу Меркат. — Где она?! Где ты прячешь ее?!

— Зачем все это?! — закричал Техей в ответ, едва скрывая страх, что расползлся по его телу, окутывая его липкой, холодной слизью, царапал длинными когтями череп. — Почему вы ненавидите друг друга?! Почему?!

— Уроды! Неполноценные! Ублюдки! Твари! — словно голодный пес стал по слову, буквально срываясь на дикий, отрывистый лай, кричать в ответ Меркат. — Мутанты! Мутанты! Мутант!

Последнее слово он прокричал особенно громко, и Техей мгновенно понял, что обращено оно было уже к нему. Термоманты выскочили из-за баррикад, сломя голову понеслись к нему, побросав на бегу самодельное оружие. Они брызгали слюной, хотели рвать, терзать его тело голыми руками, зубами, вгрызаться в его плоть... И мальчик побежал.

Техей побежал, наверное, так, как не бегал ни разу в своей жизни. Его сердце колотилось, как двухтактный мотор, все его тело превратилось в летящий вперед механизм, до отсечки разогнанный новым хозяином — страхом. Легкие раздувались, будто

промежуточные меха МТ, ноги, онемевшие от холода, словно пытались пробить бетонный пол, толкали и несли мальчика вперед, прочь от преследующих его обезумевших людей.

Петрамант оглянулся, и увидел, как люди в черных скафандрах, едва не переходя на бег на четвереньках, гонятся за ним со всех ног, бьют руками по воздуху, пытаясь его задеть. Меркат, самый сильный и когда-то самый умный человек этой семьи вырвался вперед, безумно рыча, и ухватился рукой за одежду Техея, роняя мальчика на пол и срывая верх его одеяния с бледного тела. Человек тут же надел на юношу сверху, стал душить его обеими руками, едва не раздавливая его горло. Техей захрипел, пытался отбиваться и махал руками у себя перед лицом, но в ответ на это Меркат зубами поймал левую руку мальчика и, сжимая покрытые пеной челюсти, впился в фалангу большого пальца. Юноша хотел закричать от боли, чувствуя, как ломается, крошится кость, как кариозные зубы прокусывают кожу и плоть, отрывают палец от руки, но он не мог выпустить из своих легких ни малейшей частички воздуха. Боль медленно, плавно отступала, силы заканчивались, все становилось глухим и темным, темным, темным... В миг, когда мальчишка уже начал закатывать глаза, на Мерката бросился такой же безумный, полный ярости Агер, впиваясь мужчине в шею зубами, руками царапая его лицо.

Техей резко, хрипло вздохнул и широко раскрыл глаза, не помня даже своего имени от шока. Его большой палец валялся, окровавленный, в пыли, рука кровоточила, всю ее пронзала безумная, острая боль. Мальчик закричал во все горло, в ужасе хватаясь за обрубок пальца, за оставленную на месте фаланги кривую, безобразную культю, брызжущую горячей кровью. В последний миг он, сделав вдох, откатился в сторону, и в этот же миг в голый бетон вонзился кусок ржавой арматуры, точно там, где только что была беловолосая голова.

— Соберись, — прогудел в голове незнакомый, вибрирующий голос, словно с мальчиком говорило что-то вне рамок его больного восприятия. — Сожми руку в кулак, зажми пальцами рану.

Техей повиновался, зажал обрубок пальца в кулаке. Кровь не перестала сочиться, однако и не брызгала теперь с такой силой, как прежде.

— Правой ногой, бей.

Техей, сделав глубокий, жадный глоток воздуха, не целясь ударил правой ногой перед собой. Как раз в этот момент вниз упала поваленная кем-то мать Милены, и мягкая подошва сапога угодила ей точно по подбородку, ломая шею.

— Встань.

Техей вскочил на ноги, безумным, бегающим по беснующимся в этом хаосе фигурам взглядом оглядывающий все вокруг. Хаос и жажда крови охватили людей, заставляли их, словно зверей, драться друг с другом за выживание.

— Надень маску.

Техей резко кивнул, маска со лба съехала на его лицо, и в тот же момент краем глаза мальчик заметил, как Агамнон из горячего цеха, стиснув зубы, кидает в него увесистый болт. Он со звоном отскочил от металлической маски, мальчик пошатнулся, но удержался на ногах, и нащупал рукой, что искала опоры, расшатанный рычаг тисков.

— Вытаскивай. Бей его.

Петрамант повиновался и, зажмурившись и рефлекторно отвернувшись, ударил железкой от плеча. Круглое металлическое навершие с хрустом раздробило ребро потерявшего в бою мужчины, но тот, казалось, и не заметил этого, кинулся вперед, наваливаясь на Техея. Мальчик что было сил оттолкнул от себя мужчину, и тот, запнувшись

об мертвое тело в белом скафандре, упал спиной назад, затылком ударившись об край огромного тигеля и тут же отключаясь

Мать Стефана, Зефа, сцепилась в яростной схватке со своей соперницей, той, что выискивала шпионов в своей половине цеха. Они, несчастные жертвы собственных режимов, хватали друг друга за длинные волосы, рычали, лязгали зубами с такой силой, что, казалось, вот-вот их раскрошат. Они катились по полу, не теряя мощного запаха пытались наносить друг по другу удары, но лишь оставляли яркие красные гематомы.

Другие же что остались в живых, выглядели ничуть не лучше. Израненный заведующий армией медленно пол по окровавленному полу — обе его ноги были самым жестоким образом сломаны. Нетрудно было заметить, что его силы заканчивались, он начинал терять сознание... А вот рядом с ним, чудовище, что звало себя до этого лидером горячего цеха, в обнимку со своим злейшим врагом билось в конвульсиях, истекая потом. Техей, все еще не отошедший от шока, непонимающе смотрел, как один за другим озверевшие люди падали на пол, сворачивались в клубок и страшно, гораздо сильнее Стефана тряслись. Кто-то закатывал глаза, заливаясь пеной изо рта, кто-то до крови прокусывал собственную губу, а Агер до крови растирал свое лицо об шершавый пол, часто-часто, как подстреленный зверь, дыша.

Мальчик как умел перевязал откушенный палец черной тканью аэромантов, пытаясь остановить кровотечение, и медленно пошел по внезапно затихшему цеху, беззвучно шевеля губами. Найти препарат, найти... Ему как никогда нужно было то чудодейственное лекарство термомантов, сладкая сыворотка, что уберет боль и исцелит его раны. Десятки голосов наперебой несли какую-то бессмыслицу, и все — скучным, монотонным и полным формализма тоном, каким говорил с этими безумцами представитель ЦБ. Техей брел и брел, заглядывая в карманы скафандров и обнаруживая всякий раз лишь то, что каждый инжектор был пуст, а в прозрачной колбочке виднелись лишь остаточные, жалкие капли целебной микстуры.

— Нет правых... Нет... — повторял про себя он, вяло шевеля пересохшими от волнения губами. — Надо подсчитать... Подсчитать, сколько... Сколько еще будет потерь?

Возле выпотрошенного тела бюрократа Техей упал на пол, откинувшись на холодную стенку тигеля. У него больше не было сил бороться. Хотелось лишь спать, так долго, как только позволит мозг. Хоть здесь, на холодном полу, но поспать...

— Те... хей... — прохрипел в гробовой тишине голос Стефана, измученный и опустошенный.

— Я тут..! — простонал из последних сил мальчик.

Послышались тяжелые, шаркающие шаги. Стефан, едва волоча ноги по полу, залитому кровью, как мог спешил к своему другу, быстро теряющему сознание. Парень с ирокезом упал рядом, пытался растрясти Техея, но тот то и дело проваливался в небытие от потери крови.

— Держись... — прохрипел Стефан. — Держись, Техей, держись...

Он наклонился, чтобы обхватить друга за шею, поднять его на ноги, но руки, налитые до этого силой, предательски задрожали и Стефан упал лицом в разорванное, холодное брюхо бюрократа. Юноша поднялся, в панике оттолкнув тело от себя, и под ним, под богатыми одеждами, обнаружил сразу несколько капсул для инжектора, абсолютно пустых.

— Сука... — прошептал Стефан и все-таки обхватил Техея за шею. — Техей... Те...

Он шумно сглотнул, зажмурился и сделал глубокий вдох. Тело, внезапно лишившееся постоянных, регулярных доз наркотика, едва его слушалось. Но даже так он крепко взял

беловолосого паренька под руки и, стиснув зубы, стал поднимать его на руки.

— Техей... Техей, он сам... — Стефан сдавленно, хрипло засмеялся, утаскивая беспомощное тело альбиноса прочь от тел, от спящих безумцев, от всего этого. — Он сам себя... Слышишь, Техей? Он сам...

Но петрамант не отвечал. Его тело, мягкое, казавшееся бесформенной куклой из плоти, все больше и больше холодело.

Впереди, за баррикадой горячего цеха, послышался грохот. Запечатанный тяжелой стальной заслонкой, что должна была защитить соседние цеха в случае пожара или взрыва, что-то происходило. Гвардейцы с Майей Бортеас во главе прорывались внутрь, раз за разом бил по заслонке автоматический механизированный таран, но ржавая сталь держалась стойко, почти что гордо. Бортеас что-то прокричала, и из служебного тоннеля, разрывая тьму прожектором, выкатился одноместный гусеничный бур, покрытый алмазным напылением, стал со скрежетом и мерзким скрипом вгрызаться в толстую сталь.

— Вот ты о чем говорил, да? — Стефан, выбившийся из сил, усадил Техея за один из станков, словно закрывая от прорывающихся внутрь гвардейцев, и сам упал рядом, тяжело дыша. — Вот ты о чем... Говорил...

Парень засмеялся, тихо, хрипло. Достал из кармана смятую бумажную пачку сигарет, ярко-желтую, без надписи. Сжал в зубах одну, пожевывая фильтр и понимая, что не может даже прикурить ее — нечем.

Скрип и скрежет становились все громче, крепкая сталь постепенно сдавалась, сминаясь под напором рычащего, натужно вгрызающегося в нее бура. Вот и заостренный кончик машины протиснулся сквозь толстый металл, а за ним и весь бур, расширяя получившуюся дыру. Раздался топот множества ног, гвардейцы, в черной форме, в доспехах, заполняли промерзший почти до нуля цех. Стефан услышал щелчки — так взводят блочные арбалеты. Последний вздох...

— В укрытие! — во весь голос закричала Бортеас, когда в сторону ее передового отряда полетели тяжелые стальные болты.

Стефан открыл глаза. С другой стороны цеха быстро приближался большой отряд гвардейцев в форме, что несколько отличалась от формы тех, что пришли первыми. У этих на их глухих коринфских шлемах виднелись короткие красные гребни, а форма была серой, а не черной. Большой отряд ровной коробкой наступал вперед, расступился, поглощая и пряча за спинами солдат двух юношей и снова сомкнул ряды. Позади них шел старик с длинным мечом в ножнах, нахмутив брови, готовый принять бой на своей земле. Архитектор Хеос оказался не таким простаком, каким считала его Бортеас.

— Чем обязан? — мрачно, презрительно сказал он.

Первый ряд его бойцов, вооруженные щитами и копьями, с громким, коротким боевым кличем сомкнули щиты и выставили длинные копья вперед, готовые к бою. За ними, оперев тяжелые арбалеты на плечи первого ряда, стояли стрелки, разогнавшие отряд Бортеас по укрытиям.

— Хеос, друг мой, — ухмыльнулась, прячась за бетонной сваей Бортеас. — Разве ты не на электростанции?

— За свою идиотскую провокацию ты еще ответишь, — кивнул, поглаживая рукоять меча, Хеос. — Целиком и полностью. Не думай, что твоя выходка останется тайной. Я доложу о твоих действиях в совет сразу, как только доберусь до Мекин. А мальчишка...

Хеос с неожиданной силой оттолкнул Стефана в сторону. Тот, все еще с трудом

управляя собственным телом из-за ужасной ломки, смог лишь протянуть руку вперед, но ее тут же прижал к полу сапогом Архитектор. В кулаке он сжал белоснежные локоны грязных от долгого пути волос Техея, поднимая его бессознательное тело над полом.

— ...станет вещественным доказательством.

— Попортил он тебе жизнь, а? — усмехнулась женщина со шрамами.

— Не очень. Я предвидел и такой исход, — Хеос отпустил мальчика, тот с грохотом рухнул на пол. Старик кивнул на термомантов, лежащих в лужах собственной крови. — Замена им уже готова. Химики подкорректировали формулу, теперь синдром отмены будет не таким... Сильным.

— Хорошая штука. Работают сутками напролет, да еще и сами по себе грызутся, даже подначивать не надо... — Майя цокнула языком, покачала головой, быстро нажимая большим пальцем на кнопку передатчика. Шифром Морзе она отдавала команду отряду в арьергарде. — Поделишься формулой, а, Хеос?

— Обязательно. Тебе она уже, правда, не понадобится, — вздохнул старик, а затем посмотрел на сияющий в полумраке циферблат часов. — Ну что? Так и будем стоять, или решим уже вопрос?

— Да, да... Сейчас, дай только задержать тебя еще на минутку, — Бортеас зло ухмыльнулась, скалясь. — Сейчас, погоди...

Хеос нахмурился, крепче сжал в пальцах рукоять меча. С потолка на его седую голову посыпалась пыль, он поднял взгляд кверху и увидел, как по потолку все больше распространяется сложная паутинка глубоких трещин. Едва доносится сверху странный, ритмичный стук.

— О нет, ты не посмеешь, — усмехнулся он.

— Сейчас, тьфу ты! Подожди! — Майя, смеясь в ответ, все пыталась задержать его.

Но старик уже дал команду своим людям, боевое построение стало медленно отходить назад, стрелки все так же целились из арбалетов, готовые открыть огонь, если люди Бортеас высунутся из укрытий. Сам же Хеос схватил Техея за руку и тащил его за собой, постоянно оглядываясь и пытаясь понять что задумала Майя. Однако, было слишком поздно.

— Щиты! — закричал он, отдавая команду, однако его люди, пристально следившие за западным тоннелем, не успели отреагировать.

Шум сверху отказался очередным обманом, призванным отвлечь внимание старика. В то же время еще один отряд закованных в броню солдат после окончательного снятия блокировки цеха, зашли людям Хеоса в спину. Воины, ведомые офицером с черным гребнем на шлеме, с боевым кличем бросились в бой, и вместе с тем Бортеас с передовым отрядом бросилась в атаку по своему направлению.

Щитоносцы Хеоса разделились, быстро сменили строй, защищая построение теперь с двух сторон. Стрелки открыли огонь, громко щелкали арбалеты, болты летели в людей Бортеас, падающих с тяжелыми ранами под обстрелом противника. Многим, впрочем, повезло — арбалеты не были достаточно мощными, чтобы пробивать штампованные стальные кирасы и тяжелые щиты.

Воины схлестнулись в жестоком рукопашном бою, люди Бортеас напирала на ряды людей Хеоса, что отбивались от них копьями. Солдаты Майи были вооружены мечами-ксифосами, из-за чего не могли подобраться вплотную, но воины стали окружать их, продавливать на флангах, нарушая построение фаланги.

— Отступать! Прикрытие! — скомандовал Хеос, и несколько щитоносцев, покинув

строй, закрыли его и Техея от атак черных гвардейцев.

Майя, заметив это, отдала команду нескольким бойцам следовать за ней и, схватив копьё мертвого воина, устремилась вдогонку за отступающим Архитектором. Тот отходил к потайному ходу, скрытому за плотно переплетающимися трубами охлаждающей системы, а его воины стояли насмерть, не подпуская никого к хозяину длинными копьями. Бортеас, впрочем, была куда более искусна в обращении с оружием — удар, и узкий, специально созданный для проникновения под доспех наконечник в виде четырехугольного штыка голову воина, ударив точно в щель шлема. Человек упал замертво, копьё застряло в его черепе, и Бортеас, оставив своих людей сражаться с гвардейцами, кинулась вслед за Хеосом в потайной коридор.

Снаружи, за стенами цеха, двое Архитекторов оказались на узком, длинном железном мостике над высокой, чернеющей под ногами вентиляционной пропастью. За спиной Хеоса лежал без сознания Техей, а сам старик, вынув длинный, с узким клинком меч из ножен, направил острие на Бортеас, свободную руку спрятав за поясом.

— Нихера это не честно... — прохрипела женщина, вынимая из-под плотной куртки длинный нож. — Давай на кулаках.

— Не надоело строить из себя шута?

Бортеас ухмыльнулась, пожалала плечами, и пока старик отвлекся кинулась к нему, приготовившись пытаться проскользнуть под ним, уклониться от его удара. Но старик, не будь дураком, сделал быстрый, точный выпад своим клинком, едва не пронзая грудь женщины. Бритвенно острое лезвие разрезало толстую тканевую куртку, оставило неприятную, но терпимую царапину на внутренней стороне плеча. Бортеас, поняв, что так ей не пройти, отступила на шаг назад.

— Да ладно тебе, я сама его туда доставлю, — улыбнулась она, смахнув непослушную прядь волос со лба. — Ты даже не представляешь что я с ним собираюсь сделать.

— Ты омерзительна, — с отвращением, поморщившись, бросил Хеос.

— Всегда была, — ухмыльнулась Майя и снова кинулась вперед.

Старик вновь выбросил руку вперед, целясь точно в сердце противницы, но Бортеас, ловко извернувшись, вдруг сбросила с себя толстую куртку, обматывая тканью длинный узкий клинок и приближаясь к старику вплотную. Тот дернул рукой, прорезая лезвием ткань, оставляя глубокие порезы на пальцах Майи, но она успела добраться до него, вонзить нож противнику в бок. Сразу после этого, женщина что есть сил пнула его в живот, старик повалился на спину, с грохотом падая на ржавый металлический мостик, отчего тот задрожал и жалобно заскрипел.

— Отдай мне его! — прикрикнула Бортеас. — Хеос, не зли меня!

— Прямо как твой учитель... Договариваться ты так и не научилась, да? — истекая кровью из пронзенного бока, прохрипел Архитектор. — Ты не учла одного.

В этот миг Майя заметила это. Она кинулась вперед, пытаясь в два широких, быстрых шага добраться до Хеоса с Техеем, но старик перерубил мечом один из стальных тросов, удерживающих мостик, и ровна до этого поверхность накренилась. Бездыханное тело мальчика стало заваливаться набок, скатываться с пошатнувшегося мостика, но Хеос схватил его одной рукой, а другой, бросив меч, ухватился сам за режущий пальцы железный край.

— Хеос! — закричала в ярости Майя, повиснув на чудом не упавшем вниз, в бездну мостике на одной руке. — Отдай мне его! Отдай!

Но старик уже не слушал ее. Он стиснул зубы, едва удерживая Техея за руку, которая так

и норовила выскользнуть из его морщинистой, влажной от пота ладони. Нужно было продержаться еще немного, совсем чуть-чуть...

Дверь на другой стороне мостика с грохотом резко открылась. В глаза ударил свет, Хеоса вытаскивали наружу его люди. Бортеас, убрав нож в ножны, повисла теперь на двух руках, с ненавистью взирая на уходящего прочь Хеоса. На нее в ответ смотрел острый наконечник стального болта, заряженного в арбалет гвардейца.

— Сука... — прошипела она про себя и, зажмурившись, спрыгнула вниз.

Арбалетный болт, сверкнув в темноте, со звоном отколошметил от железного мостика, и тот, жалобно скрипя, стал еще сильнее заваливаться на бок. Стальной трос не выдержал, ржавые волокна распадались, и с ужасным грохотом мостик обвалился вниз вслед за Архитектором.

На верхнем уровне этого региона медленно приземлялся большой вертокрыл. К нему бежали со всех ног гвардейцы и врачи, сопровождающие Архитектора и мальчика, которого он поймал. В руке не дышащий, посиневший Техей мертвой хваткой сжимал атлас.

Акт четвертый: Электроцех, глава 1

Через гигантские водные просторы подземного моря, давным-давно опресненного до состояния практически ледниковых вод, медленно плыл в туманном мраке ничем не примечательный грузовой корабль. Искусственное море хлестало пенистыми волнами по железным бортам корабля, приятно, успокаивающе шумело под громадными, высокими бетонными сводами. А корабль все шел и шел, обычный с виду контейнеровоз, разве что слишком уж людный — если бы кто-то вдруг незаметно подобрался к плывущему под землей гиганту, то увидел бы, что туда-сюда по палубе снуют множество людей, вооруженных арбалетами и большими, поблескивающими в свете палубных огней алебардами.

На нижней же палубе, скрытой под множеством тяжелых, полных разных товаров контейнеров, скрывалось то, о чем знали лишь те, кто был на этом корабле. Там, за железным бортом судна, за белой надписью "БЕХАЛЛАГ", стонали, изнывая от голода и жажды сотни тощих, измученных людей в клетках. У каждого на шее стальной ошейник, короткой цепью связанный с соседями по камере, и у многих под холодной, ржавяющей местами ржавчиной натерлись за долгое плавание ужасные, гноящиеся раны, которые никто, разумеется, не обрабатывал.

Вдоль длинных рядов одинаковых, сваренных из железа клеток медленно прохаживались охранники с оружием. Лишь только кто начинал слишком громко кричать или разговаривать — всех в клетке избивали тупой стороной оружия, заставляли заткнуть рты и сидеть тихо. Шум не нравился главному надсмотрщику, толстому, тяжело дышащему мужчине в черной смеющейся маске. Для его дела, его работы, нужна была абсолютная тишина, особенно когда тот, с кем он "работает", должен по прибытию выглядеть так, словно его никто и пальцем не тронул. Впрочем, отсутствие синяков, порезов и ссадин еще не означало, что человек, что попал к надсмотрщику, отделался простым разговором.

— А что с этим..? — тихо, едва шевеля пересохшими губами спросил один из пленников у соседа.

— А, этот особый... Политический... — хрипло ответил тот, щурясь и глядя на бледную, изогнутую фигуру в полумраке. — Лучше сразу сдохнуть, чем нарваться на такое.

Пленники кто с интересом, а кто с отвращением и ужасом смотрели на бледную, почти идеально белую фигуру мальчика. Вот уже много дней он подвергался страшной пытке — его обернули вокруг большого, толстого железного барабана так, что мальчик все время находился в неудобном, согнутом положении, не в силах при этом пошевелить даже шей. Кровь прилиwała к его свешивающейся вниз голове, обритой наголо, делая ее красной, как спелое яблоко. Голова при этом была наглухо закована в странную, тяжелую железную маску, передняя часть которой издевательски напоминала сварочную.

На голые ноги, задранные кверху, непрерывно, капля за каплей ритмично капала вода. Сперва он, лишь только пришел в сознание, подключенный к капельнице с кровью, пытался сопротивляться, кричал... Но теперь он безмолвно, раз за разом пытался просто заставить свое сердце остановиться, просто приказать ему и...

— Ну, как мы сегодня с тобой будем развлекаться? — облизнувшись под черной маской протянул надзиратель. — Или может ты скажешь мне что-нибудь новенькое, м?

Но сказать Техею было нечего. Ничего он не знал и не помнил, и даже если он что-либо знал раньше, то теперь эти воспоминания просто завяли и рассыпались, как мертвое

растение. Он раз за разом, днями на пролет повторял одно и то же: "Я не знаю где атлас", но все было тщетно. Конечно, он бы и сам не поверил, будь он на месте похитителей.

— Ну же, поговори со мной, милый, — надзиратель улыбался. — Ты ведь знаешь, что никуда не денешься с этого корабля, пока мы не найдем его. Представь, тебя сразу осудят и подарят тебе долгожданную смерть...

Но мальчик молчал. Он мог бы пошутить, мог бы показать характер, но зачем? Это ведь никому ничего не докажет. Он уже издевался над жирным садистом, раз за разом давал ложные наводки... Но ничего не менялось и не прекращалось. пытки, мучительные, уродующие тело юноши, не заканчивались ни на секунду. Он уже и не помнил, сколько времени провел на этом проклятом корабле.

— Что ж... Давай попробуем кое-что новенькое.

Надзиратель ушел прочь, и через пару минут вернулся с большим пластиковым мешком и генератором, к выхлопной трубе которого был присоединен длинный шланг от противогаса аэромантов.

— Эту игру я подсмотрел у твоего народа, кстати, — ухмыльнулся надзиратель и напялил пластиковый пакет на голову юноши, прямо поверх глухой железной маски. — Тебе должно понравится. Напомнит тебе о доме.

Сразу после этого мучитель завел генератор, выплевывающий в душный, влажный воздух клубы едкого дизельного дыма, и просунул трубку в пакет. Техей мгновенно ожил, зажмурился от черного дыма, кашляя и задыхаясь, ощущая, как он проникает в легкие, в желудок, да даже в мозг... Заполняет всего тебя, отравляя, вызывая мерзкие опухоли внутри организма. Но не сразу, а медленно, медленно, и при этом душит, не дает дышать...

Юноша начал было терять сознание, бился в конвульсиях на своем пыточном станке, как надзиратель резко снял с его головы мешок. Мальчик тут же шумно, жадно вздохнул, глотая душный, воняющий потом и гнилью воздух и откашливаясь. Весь его рот и нос были полны черной, едкой копоты, тянуло блевать, но уже давно блевать было нечем — ребра, обтянутые кожей, явно давали понять, что кормили Техея только тогда, когда у надзирателя было хорошее настроение. Его тело, до этого сильное и жилистое, теперь превратилось в жалкое подобие себя самого с тонкими, болезненными руками, искривленной, выгнутой колесом спиной и тощими, атрофированными ногами.

— Говори где он! Говори! — закричал, брызгая слюной через щели в маски, надзиратель. — Говори где атлас!

Но Техей молчал. Он привык молчать, даже когда хотелось кричать. Теперь он с каждым днем все больше и больше погружался внутрь самого себя, говорил с голосами, которые до этого считал лишь бредом, прислушивался к ним... По ночам пленники в клетках затыкали уши, чтобы не слышать, как бормочет себе под нос истерзанный, искалеченный юноша, как он смеется и плачет по одному ему известным поводам.

Вдруг, свет на корабле на несколько секунд погас. Такое уже случалось раньше, корабельный генератор был ни к черту, да и вообще за этим судном не очень-то хорошо следили. Надзиратель выругался себе под нос, включил небольшой фонарик, что снял с пояса. Время все шло и шло, а свет никак не включался. Нижняя палуба все так же была погружена в абсолютный, густой мрак.

— Да чтоб вас... — пробубнил жирдяй, быстрыми, неуклюжими шагами устремился к лестнице, подсвечивая путь фонариком.

Люди в клетках щурились от яркого света фонаря, отворачивались, но сейчас

надзирателю было не до них. Он быстро, задыхаясь от одышки, поднялся по лестнице на верхнюю палубу, заставленную контейнерами с грузом, и принялся медленно идти вперед, выхватывая то один, то другой угол холодным светом фонарика.

— Эй! — прикрикнул он. — Доложить! Что со светом?!

Однако ответом ему была лишь тишина. Вскоре, и его фонарик стал странно мерцать, жирдяй ударил пару раз по пластиковому корпусу, но это не помогало. Через несколько секунд он погас окончательно.

— Кто здесь?! — закричал надзиратель. — Кто это?!

И вдруг, в полной, мрачной тишине, в темноте, что, казалось, была почти осязаемой, послышался шепот. Шепот, шепот, сплошной шепот со всех сторон сразу. Кто-то, кто специально топал, шуршал в темноте, пугая жирдяя до дрожи в ногах, не прекращал шептать вместе с остальными.

— Заткнитесь! — завопил он в ужасе. — Заткнитесь, вы! Включить свет! Быстро, свет!

Но никто из охранников ему не ответил. Все они были мертвы, тяжелые доспехи тянули на дно их обескровленные тела.

Шепот все усиливался, шагов вокруг становилось все больше. Стали различимы отдельные слова — слова писания, которое чтит ужасающее племя самых темных глубин Плиоса. Шесть тысяч страниц изречений, инструкций, напутствий...

И когда свет вновь зажегся, надзиратель не успел даже пискнуть, когда увидел вокруг себя десятки людей в черных одеждах, с красными платками и противогазами на голове. Один из них молниеносно вонзил в толстую, заплывшую жиром грудь ублюдка длинную, широкую иглу, раздалось жужжание небольшого прибора и кровь прямо из сердца устремилась по трубкам в большую пластиковую емкость. Замерев, упав на колени, надзиратель беззвучно, как рыба, открывал рот, и через жалкие несколько секунд упал замертво, иссушенный и выпитый до дна дьявольской машиной.

"Уничтожить демона", — быстрыми, четкими жестами приказал аэромантам один из них, и люди в черном разбежались кто куда.

Они тащили на палубу с крошечных, электромоторных лодок термические заряды, устанавливали их на двигателе, на огромном бензобаке корабля, на нижней палубе. Люди внизу, увидев тех, кто перебил в одночасье их пленителей, тянули к ним руки, умоляли забрать их отсюда, с этого проклятого судна, но странные аэроманты были немые. Они быстро установили заряды там, где они нанесли бы наибольший урон, и покинули корабль прежде, чем пластиковые, заполненные термитом заряды начали воспламеняться.

Техей закрыл глаза, все еще ощущая во рту привкус едкого дыма. Наконец-таки, все это закончится. Безумие, начавшееся... когда же все это началось..? Точно, когда они прибыли в тот чертов гидроцех. В тысячу раз проклятый, злосчастный гидроцех, где все пошло наперекосяк, где умер Эол и где это чудовище, Майя Бортеас, начала погоню за Техеем. Это по ее вине он сейчас оказался здесь, но благодаря аэромантам он наконец-таки обретет покой. Теперь он уже не боялся смерти.

Термические заряды, прожигая, расплавляя корпус и системы корабля, ярко полыхали в полной темноте. Люди, запертые в клетках, в панике кричали, когда вода начала быстро подступать. Она пребывала так стремительно, что не было никаких шансов даже попытаться выбраться из клетки, не говоря уж о том, чтобы освободиться от злосчастливого ошейника. Люди толкались, лезли друг другу на головы, лишь бы быть подальше от воды, умоляли о пощаде, но море было глухо к их молитвам. Один лишь Техей, чувствуя, как приятная,

холодная вода быстро забирает его тело в свои пучины, как спина и голова погружаются в ледяную тьму, был спокоен. Он задержал дыхание, лишь чтобы продлить на мгновение свою последнюю мысль.

— Ну, вот и все, — раздался в голове один из голосов.

— Вот и все... — вздохнул другой.

Термический заряд расплавил балку, что была частью каркаса корабля. Раздался ужасный, режущий уши скрежет, когда под весом контейнеров стал проваливаться потолок. Своей тяжестью контейнеры сминали ржавые прутья клеток, давили людей, что кричали, вопили от боли под ними, ломали кости, ломали черепа, оказавшиеся между ними и палубой. Они стали падать с борта корабля, судно завалилось набок и Техей почувствовал, как металлический барабан, к которому он бы приковал, проворачивается, впервые за много дней задирая его голову над ногами. Он рефлекторно сделал глубокий вдох, широко раскрыл глаза, видя, как под весом его тела медленно сгибаются, вылетают со свистом проржавевшие болты, которыми барабан крепился к полу. Еще один, последний болт и Техей, шумно, часто дыша, вместе со своей машиной пыток упал вниз, в затопленную половину корабля с огромной, прожженной термитом дырой в боку.

— О это шанс! — закричали голоса как один. — Давай, Техей, давай! Гребь как можешь!

И мальчик, что есть сил, стал гребсти, болтать стопами в воде, уткнувшись верхушкой головы в металлический борт корабля. Всего пара метров, пара метров, и он окажется вне тонущей посудыны! Стопы немели, гудели от напряжения, которого не испытывали уже давно, но он плыл, плыл навстречу тускнеющему на глубине свету.

И когда, наконец, он с бочкой выплыл из огромной дыры в корабле, воздух, что был внутри металлического орудия пыток, резко, быстро стал поднимать исхудавшего, измученного мальчика вверх, к свету. Туда, где через провалившиеся своды высокого потолка пробивался к подземным водам свет злого солнца. Мальчик бултыхался, прикованный к барабану, беспомощно, как мог бил стопами под водой, лишь бы не перевернуться и не оказаться под водой вновь. Волны от всплывающих из-под воды больших пузырей воздуха, от тонущих оплавленных обломков корабля хлестали мальчика по лицу, били в нос, не давая нормально дышать и заставляя постоянно отплевываться. Легкие в деформированной долгим пребыванием в одной позе грудной клетке то раздувались, вдыхая воздух, бедный на кислород на такой высоте, то сжимались, выплевывая наружу воду, черную от смываемой из легких гари.

Огромных усилий Техею стоило просто удержаться на плаву, не перевернуться на круглой, так и норовящей провернуться бочке. Он вцепился что есть мочи в скользкую металлическую поверхность, напрягал спину, как мог, пытаясь балансировать, но постоянно едва не переворачивался, оказываясь головой под водой.

Но вскоре все закончилось. Волны, что напоминали об утонувшем судне, прекратились, вода снова стала спокойной, словно и не было никакого кораблекрушения. Или, правильнее будет сказать, это было намеренное потопление корабля какими-то странными аэромантами, которые путешествовали по пресному морю на лодках. Все это, все то, что видел юноша, ударило по его сознанию новой, непривычно сильной волной свежих мыслей. Лишь сейчас, болтаясь на металлической бочке посреди едва волнуемого моря, он осознал, насколько глубоко дремал его разум все это время. Только теперь Техей начал снова вспоминать, каково это — быть живым.

— Уму непостижимо... — голоса во всю роились в его голове, обсуждали произошедшее уже совершенно без участия самого юноши. — Какие шансы?

— Большие, в море постоянно что-то происходит. Эол об этом рассказывал.

Под глухой железной маской Техей слабо, печально улыбался. Какая ирония — проклятие, что он нес с собой всю жизнь, стало его спасением в пучине мрака и страданий. Только голоса, что не замолкали полностью ни на секунду его пребывания на корабле-пыточной, кое-как удерживали его сознание от полного, бесцельного блуждания. Только слова, что нашептывал больной, пораженный неизвестной лекарям болезнью мозг удерживали его на плаву и сейчас, заставляли бороться, не терять сознания и не спать. Если расслабиться, если перестать балансировать, напрягать атрофированные мышцы, то ему конец. Теперь, когда он выбрался из ада, в котором он и не знал сколько пробыл, просто так умирать Техей не хотел. Он желал побороться.

Дрейфующую в темных водах бочку через несколько часов выхватил в кромешной темноте проплывавший мимо небольшой корабль. У самого прожектора, на самом носу судна, стоял сухой, как изюм смуглый мужчина. За штурвалом был другой, голова у него была обмотана платком. Не сразу, но мужчина у прожектора понял, что к бочке прикован живой человек, и крикнул своему капитану:

— Давай туда! Там живой!

— Понял, — прохрипел мужчина у штурвала.

Суденышко медленно, плавно приближалось к дрейфующему в воде Техею. Тот, что был у прожектора, открыл по бокам небольшие створки, и свет от лампочки внутри стал литься не только вперед, но и в стороны, хоть немного подсвечивая корабль. Мужчина кинул большую сеть с грузиками, кивнул капитану, и тот прибавил ходу. Сеть захватила дрейфующую бочку, та тут же перевернулась, отчего Техей очнулся от бреда и стал в панике перебирать стопами и кистями рук. Оба мужчины схватились за сеть, стали в спешке вытаскивать парня из воды, и, наконец, большая железная бочка-барабан с грохотом упала на палубу суденышка.

— Нихера себе инсталляция... — присвистнул капитан. — Видал такое раньше?

— Неа, — покачал головой второй, доставая из большой, потрепанной сумки болторез. — Ну-ка, отойди.

Приложив всю силу, что была, мужчина попытался перекусить толстые звенья цепи, сковывающей руки и ноги Техея так, что он оказывался буквально намотан на бочку, но ничего не получалось. Он тужился, пыхтел, но звено не поддавалось, просто не хватало напора.

— Давай помогу, — прохрипел ему капитан и вдвоем, навалившись на рукоять, они наконец раскусили гремящую толстую цепь.

Техей, лишь только освободился от своей пыточной бочки, безвольным телом повалился на палубу. Сознание медленно, но верно покидало его вновь, он чувствовал это. Слишком уж он ослаб за то время, пока провисел на бочке, согнутый, как заглавная "омега". Мужчины что-то негромко обсуждали, решали как поступить с юношей, но он уже этого не слышал. Он ничего не слышал — его окутывала нежная, уютная темнота. Пустота, где не надо думать, не надо чувствовать боль и унижение... Не надо быть.

И он не был. Провалился в ничто, в нигил, пока моторное суденышко, рассекая спокойную водную гладь, с ревом понеслось прочь от места крушения очередного корабля. Конечно, о таком быстро узнавали те, кто знал что именно искать — такое происходило не в

первый раз, уже несколько лет эти воды терзали некто, зовущие себя "аэритами". А вот такие люди, как те, что подобрали Техея, были лишь падальщиками, собирающими все, что остается после подрыва очередного корабля.

Под покровом мрака, моторная лодка свернула в неприметный тоннель для сброса очищенной от примесей воды обратно в море. Там, выключив свет, практически наощупь они проплывали под шумящим над головой не просто цехом, а настоящим мегаполисом, жители которого и не подозревали, в большинстве своем, о том, что происходит у них под ногами.

Причалили к шаткому самодельному пирсу где-то в мрачных, сырых катакомбах, совершенно не похожих на человеческое поселение. Там Техея подняли за руки, потащили по поросшим плесенью широким бетонным трубам, где пахло сыростью и гнилью. От звуков шагов разбегались кто куда большие, абсолютно лысые и слепые крысы.

Перед железными воротами, ладно сваренными, надежными, остановились. Люди с арбалетами, что стояли на страже, долго приглядывались к двум "рыбакам" и их "улову", а затем впустили их внутрь, в странное подземное сооружение, где повсюду разило потом, кровью и слезами. Там, за длинными, окропленными кровью коридорами, Техея притащили к чернокожему мужчине в узорчатой, яркой тоге поверх черного нижнего одеяния. Юноша, едва в силах поднять голову, стал прислушиваться к происходящему вокруг.

— ...выловили сразу после этого, — рассказывал один из "рыбаков". — Жуткая тварь!

— Ага, — прохрипел второй, поднимая Техея за руку повыше. — Уродца знатно обработали. Так и не скажешь что человек.

Мужчина в тоге нахмурился, кто-то, стоящий в тени, что-то быстро ему прошептал. Он взмахнул рукой, сияющей золотыми перстнями, и улыбнулся, обнажая белые, сточенные, словно у зверя, зубы:

— Прекрасно. Думаю, публике понравится.

"Публике", — подумал Техей и горько, тихо усмехнулся. — "Ну да... В цирк уродов, где мне и место."

— Уведите горбуна! Дайте ему чего-нибудь пожрать и проверьте на что он способен.

Техея схватили под руки уже другие люди, те, что были из бойцов этого страшного, острозубого человека. Его, едва способного волочить по полу ноги, потащили куда-то вглубь темных, пропахших смертью коридоров. И лишь сейчас, чувствуя бьющий в нос металлический запах крови, Техей подумал, что, возможно, попал он совсем не в цирк.

Глава 2

— Мои люди не нашли его, сестренка, — промурлыкало жуткое существо в противогазе, с грустью положив голову на плечо своей госпожи. — Боюсь, мальчик мертв.

— Нет... — Бортеас прикусила губу. — Нет, не мертв. Продолжайте поиски. Собирайте слухи, даже самые незначительные, он всегда оставляет за собой кучу следов.

Архитектор не могла нормально уснуть вот уже несколько недель. С того самого момента, как она провернула наглухо, опасную операцию на чужой территории, ей так и не поступило требование явиться в Мекины, в столицу Плиоса, где проходили заседания Архитектурного Совета. Но она была уверена на все сто, что это должно было рано или поздно произойти, и тот единственный, который способен дать против нее показания и буквально стать вещественным доказательством сейчас находился неизвестно где в неизвестно каком положении. Возможно, его прямо сейчас вели под белы ручки в совет, чтобы представить остальным Архитекторам длинный список тех законов, что успела нарушить ради своего дела Бортеас, а возможно, впрочем, он действительно мертв.

Но в последнее женщина, почему-то, верила с трудом. Слишком уж особенным был этот юнец, слишком легко, будто герой какой-то сказки, он выбирался из передраг, в одиночку путешествовал по полному опасностей Плиосу и даже умудрялся заводить себе друзей в дороге. Судя по досье, такой человек как он, возвращенный в почти тепличных условиях своего племени и не сталкивавшийся доселе с внешним миром без присмотра своего отчима, вообще не должен был выжить в тоннелях, в диких и заброшенных цехах, в затопленных углекислотой уровнях, в конце концов! Он был мягок и по-детски наивен, судя по отчетам, и, если информация верна, даже не понимал концепции денег. Удивительно оторванный от реальности ребенок просто спокойно, словно на прогулке, самыми опасными путями проходит половину планеты и... И что? Этот вопрос не давал покоя Архитектору, и ответ "мертв" ее не устраивал.

— Не переживай, сестренка, — мурлыкала та, что скрывала лицо под противогазом. — Если он еще жив, мои люди обо всем позаботятся. Давай лучше ты позаботишься обо м...

— Нет, ну не могу я! Сука! — Бортеас, словно и не замечая поведения аэромантки, оттолкнула ее и принялась нервно вышагивать взад-вперед по комнате. — Не могу я на месте сидеть! Мне надо в поле, работать, а не торчать в кабинете...

Она так и порывалась сбежать отсюда, из глубоко зарытой под бетоном базы, которую она сама же и построила. Ей хотелось действовать, хотелось своими силами разыскать мальчика... Хотя, правильнее будет сказать, разыскать юношу, молодого мужчину. Если он жив, то не так давно ему стукнуло шестнадцать, на Плиосе в это время уже принято заводить семью.

— Идиотия какая-то... — процедила Бортеас едва слышно. — Кира, отменяй все встречи. Я отправляюсь в Мекины.

— Но сестренка! — воскликнула в ответ аэромантка. — Это сейчас последнее место, где тебе стоит находиться.

— Я сама решу где и когда мне быть, — нахмурилась Архитектор так сурово, что одним лишь взглядом заставила Киру отступить на пару шагов. — Будь на связи. Возможно, мне понадобится помощь твоих агентов.

— П-поняла... — тихо, с явно слышащейся в голосе смесью любви и восхищения

ответила растаявшая от этого взгляда Кира.

Бортеас сбежала вниз, в гараж, запрыгнула на свой верный мотоцикл, у которого только-только поменяли подвеску, и завела его, сверкая в темноте тоннеля яркой, мощной фарой. Двигатель зарычал, заклокотал, и женщина сорвалась с места, быстро исчезая в тоннеле — лишь мелькал в последние секунды развевающийся на ветру бурнус. Она должна была найти мальчика, должна была закончить этот затянувшийся фарс, чего бы ей это ни стоило. Сказке пора подойти к концу.

Она не знала, впрочем, что для юноши сказка уже давно закончилась. Нет, он не путешествовал по забытым богам тоннелям, не сражался с опасными тварями спасая принцесс, не заводил новых друзей. Сейчас он, изуродованный зверем в человеческом облики уродец-горбун, на дрожащих конечностях пытался хотя бы встать на четвереньки. Спина его, все еще согнутая колесом, казалось, вот-вот треснет, во всяком случае так это чувствовал сам Техей, а руки и ноги ослабли настолько, что юноша едва мог удерживать свой собственный вес.

— Н-да, боец... — медленно, многозначительно цокнул языком человек, которого поставили следить за ним. — Давай пытайся. Если хочешь жрать, придется научиться веселить людей.

К счастью, Техея не отправили на арену — а ареной это место и оказалось. Всякий раз, как юноша слышал под своей глухой железной маской, как разрывают на части очередного гладиатора-неудачника на арене залитого кровью амфитеатра, что был этажом выше. А сразу после — крики, визги, полные восторга... Народу нравились подобные представления, и альбинос глубоко внутри благодарил судьбу за то, что не стал участником подобного шоу. Гладиаторы здесь не получают свободу в боях — особо удачливые могут продержаться до тех пор, пока интерес аудитории к нему не начнет падать, и тогда организаторы запускали "финальное" шоу — каким-либо образом подстраивали бой так, чтобы боец трагически погиб на потеху публике. Судя по тому, что слышал по ночам Техей, после таких представлений выручка взлетает до небес, люди стоят в очередях чтобы урвать билеты на бои.

Техея же ждала участь куда более паскудная и унижительная, но, по крайней мере, не столь опасная. Распорядитель игр, человек с заточенными зубами по имени Сеферит-Гелиад (или же просто Сеф, как его называли подчиненные), придумал выпускать Техея на арену между боями, чтобы развлекать толпу, когда внизу шла подготовка к очередному бою. Для этого парню сшили уродливый розово-зеленый костюм, а железный шлем, который даже и не пытались снять, разрисовали узорами и дурашливым лицом на передней части. Для публики Техей представал в образе эдакого уродца, родившегося на свет только для того, чтобы веселить публику — хозяин Сеф, показывая гостям все еще вялого, полуживого Техея, раз за разом не забывал сказать о том, как он, на самом деле, щедр и великодушен, раз помогает такому недоразумению выжить в этом суровом мире. Гости, как правило, соглашались, а кто-то даже предложил усыпить Техея из жалости к "несчастному созданию", но Сеф воспротивился.

— Давай, бегай! — кричал на него наставник, подгоняя парня в идиотском костюме длинной, хлесткой пластиковой палочкой. — Вперед-вперед! Чтоб не падал как в прошлый раз!

Это был человек, которого судьба не пощадила так же, как и Техея. Он был невысокого роста, худощав, и с ног до головы покрыт шрамами — когда-то, по его же рассказам, он был

ветераном арены. Впрочем, отрубленная в бою правая нога, замененная примитивным шарнирным протезом, вывела его из игры на пике славы, что, наверное, спасло ему жизнь, так как ему было разрешено остаться и тренировать новых бойцов.

— Давай-давай, быстрее! — он бил гибким пластиковым прутиком Техея по спине, и тот невольно ускорялся, бегая по грязному полу на четвереньках.

Такие тренировки, впрочем, помогали. День за днем сила рук и ног возвращалась к юноше, он чувствовал, как начинает сам, без помощи вставать на ноги, хоть и продолжая сгибаться пополам, как унимается дрожь в руках. Главной его проблемой оставалась спина — позвонки из-за долгого пребывания в согнутом, напряженном положении деформировались, позвоночник был ужасно искривлен и Техей едва не выл от боли, когда пытался хоть немного выпрямиться, поднять голову выше собственных сапог с колокольчиками.

Но он терпел. Терпел изо дня в день, каждый день повторяя перед сном в голове один и тот же рисунок. Тот, что он видел множество раз, каждый день своего длинного, странного пути, пока не попался Архитекторам.

— Тут было влево... Нет-нет, подожди... — голоса пытались подсказывать ему, но порой и сами ошибались.

— Да нет же, еще левее! Во-о-от, сюда, правильно.

Переплетения линий, коммуникации, служебные тоннели, лестницы и переходы... Он вспоминал все это. Длинный, извилистый путь вниз, в Эдемские сады поработителей. Ему уже не нужен был атлас, чтобы найти его — одну-единственную дорогу вниз, начинающуюся ровно там, где Техей начал свое путешествие, он запомнил. И забывать хоть одну деталь он себе не позволял.

Днем же все повторялось. Тренировки, жидковатая каша через трубочку на завтрак — в его маске была лишь одна щель, для глаз, — затем унижения, оскорбления... В какой-то момент Техей, слушая то, что происходит снаружи, там, над головой, и сам стал искренне болеть за гладиаторов, мускулистых, покрытых маслом бойцов, желая, чтобы они продержались подольше. Но каждый раз все было одинаково — рев очередной химеры, звуки боя, возбужденный шелест, затем гул, затем крик толпы и... Тут уже как повезет. Порой Техея подгоняли вперед тогда, когда мимо него выносили мертвое, поджарое тело, изуродованное когтями и зубами, а порой все было наоборот — уродливый труп химеры, создания ненормального биолога с большой фантазией, лежал на арене, безжизненный и быстро холодеющий. Но все-равно Техея гнали вперед хлесткими ударами прутиков и плетей, прикрикивали на него, и вот на арену выбегал полюбившийся завсегдатаям уродец со звенящими ботиночками и глупой, улыбающейся рожой на железной маске смертника. А дальше уже все зависело от него самого — с трибун летели камни, бумажные и пластиковые обертки, иногда даже стеклянные бутылки, и тут уже надо было скакать, прыгать по круглой, окровавленной арене, уворачиваясь и надеясь, что никто не додумается кинуть в тебя чем-то похуже. Один раз кто-то даже пронес живую крысу, и это, к сожалению, подало хозяину Сефу идею.

— Крепко держишь? — наставник сжал кулак Техея в своей огромной руке, вложив перед этим в руку юноши длинный кухонный нож.

— Да... — хрипло прошептал в ответ горбун, что редко вообще раскрывал рот кроме как для еды.

— Да ты не дрефь, — усмехнулся наставник. — Нормально все. Сегодня ты — звезда.

Покажи им кто тут настоящий гладиатор.

Мужчина громко, неприятно засмеялся, подталкивая Техея за открывшуюся решетку. Там, на голой, пустой арене, возбужденные зрители на трибунах были, казалось, в еще большем восторге от появления уродца чем обычно. Они кричали, вопили что есть мочи, кто-то даже развернул небольшой транспарант со сценическим псевдонимом Техея — "Арма", то есть "Колесница".

Крепко сжимая нож в руке, Техей, двигаясь боком из-за не разгибающейся спины, вышел на арену. Зрители замолчали в предвкушении. Ведущий объявил следующее:

— Внимание, внимание! Для славных жителей Мекин сегодня сражается заслуженный ветеран арены, чемпион, атлет и гордость нашего прекрасного города — Арма!

Трибуны взорвались хохотом. Техею было плевать, он в очередной раз повторял в голове маршрут, представляя, будто бы держит в руках атлас, будто его экран мягко светится зеленоватым — здесь это, правда, не было бы видно, слишком светло.

— Поприветствуйте, давайте же! — не унимался ведущий, чей голос гремел сквозь шипящий динамик. — Для вас любимец публики Арма сразится со страшным зверем, злейшим врагом человечества, ужасающим предвестником чумы и голода... Встречайте!

Вторые ворота напротив поднялись. На арену вышел человек и брезгливо кинул на красный от крови бетон лысую, слепую крысу с огромными ушами, что помогали им ориентироваться в темноте. Зрители вновь захохотали, кто-то едва не падал с трибун, глядя на то, как уродец и мутировавшая за многие века жалкая крыса стоят друг напротив друга, будто бы готовясь к бою. Техей покрепче сжал нож в руке.

— Не хочу я тебя убивать... — прошептал он, но никто его, конечно же, не услышал. — Но надо, надо...

Юноша вдруг ловко подкинул нож перед собой, ловя его за рукоять наученной этому приему рукой, перехватывая поудобнее, лезвием вниз. Это же не меч, в конце-концов, ножом драться удобнее так, а не иначе.

Трибуны затихли. Зрители были явно удивлены удачью уродца — никто явно не ожидал от него таких изящных трюков. Ничего в этом такого, впрочем, не было — обычная подготовка в стане благородных петрамантов. Когда кочуешь с места на место и ото всюду тебя гонят, надо уметь защищать себя всем, что попадет под руку.

Крыса, наострив огромные, почти прозрачные перепончатые уши, встала на две лапы, оскалилась. Она кинулась к Техею, бросилась на него, но юноша, с трудом перебирая ногами, отскочил в сторону. Зрители восторженно ахнули.

Пользуясь тем, что зверек, неудачно приземлившись, замедлился, горбун кинулся на нее, взмахивая хлипким, штампованным лезвием, но в последний миг крыса на всех четырех лапах отпрыгнула назад, дальше, чем дотягивалась рука юноши. Пусть это существо и было слепо после многих веков неправильной, искаженной эволюции в темных тоннелях, оно, тем не менее, умело за себя постоять. Чего стоили только острые, длинные зубки, которыми такая тварь вполне могла перекусить одну из артерий.

Урод и крыса кинулись друг на друга, крыса прыгнула вперед, пытаясь вцепиться зубами в руку парня, но тот оказался быстрее. Он изгибал руки перед своим лицом, словно гипнотизируя зверька, и когда тот набросился на него, руки Техея оказались совсем не там, куда прыгнула тварь. Под громкий, истошный писк зверька, мутное лезвие ножа пронзило лысую, уродливую тушку, и крыса пала очередной жертвой Мекинской арены.

Трибуны разрывало от восхищенных оваций публики. Никто явно не ожидал такой

ожесточенной битвы — уродец должен был побегать от крысы вокруг арены, пока какой-нибудь гладиатор, которого в это время снаряжают и готовят к настоящей битве, не спасет его от "чудовища". Вместо этого, вызвав восторг городских жителей, Техей хладнокровно, умело расправился с ней, не выказав ни капли страха.

Горбуна быстро увели прочь с арены, в то время как на окровавленный пол полетели цветы. Наставник, хромя так, что они с Техеем были практически одинаково медленными, повел его прочь по длинным, тускло освещенным коридорам к своему хозяину, который также не понял, почему уродец вдруг стал таким смелым и сильным. Когда же двойные двери раскрылись, Техея толкнули вперед, отчего он упал, сгорбленный, на расстеленный перед столом в кабинете распорядителя ковер.

— Надеюсь, ты не испачкаешь ковер, — прогудел тяжелым, низким басом Сеф. — И расскажешь мне, что это сейчас такое было.

Техей попытался поднять голову, но, едва не потеряв сознание от ужасной боли, стрельнувшей по всему позвоночнику, бросил это дело. Говорить он ничего не собирался — и так уже слишком много слов было сказано за его короткую жизнь. Сейчас — время тишины, прямо как учили аэроманты.

— Молчишь... — Сеф поднялся со светлого кожаного кресла, обошел стол и положил большую черную ладонь на железную маску. — А ведь я знаю что ты таким не родился. В такие штуки кого попало не заковывают. Лучше начинай говорить, пока я не разозлился.

Но юноша все молчал. Лишь медленно, плавно покачивался из стороны в сторону от усталости в гудящих, забитых мышцах ног.

— Ясно... — Сеф вздохнул и сел обратно на свое большое, мягкое кресло. — Значит, так. Хорошо. Значит, покажем публике как ты справишься с химерой, да?

Техей не проронил ни слова, ни звука. Распорядитель был слишком уверен в своей власти, и голоса в голове юноши хором твердили:

— Какой же он плоский, скучный...

— Простак! Привык все контролировать, хоть ты тресни.

— И недалекий. Неприятный-черноокий. Кий!

Сеф молча, с отвращением глядел на сгорбленную, тощую фигуру в идиотском костюме. Затем, когда ему это надоело, взмахнул рукой и приказал:

— Уведите его. Чтобы я его больше не видел.

Наставник тут же хлестнул Техея по спине прутиком, и горбун с калекой ушли прочь, оставив острозубого одного в его кабинете.

— Ну ты и выдал... — рассуждал по пути в клетку наставник. — Я как увидел как ты ножом махаешься — чуть не подавился. Тебя где так научили? Циркач все-таки?

Техей молчал, стиснув зубы следовал за наставником на четвереньках, покорно зашел в специально сделанную под него клетку, которую наставник тут же запер на ключ.

— Ну и молчи... Тьфу, со мной мог бы и поговорить...

Вздохнув, одноногий медленно, кряхтя, ушел прочь, оставляя Техея одного наедине с его мыслями и шкафами, ломящимися от гладиаторского снаряжения — юношу держали на складе, откуда для боев брали необходимое бойцы, при условии что использование снаряжения им оплатил патрон или благодарная за зрелище публика.

Наконец, когда юноша остался один, он выплюнул изо рта обломок стебля искусственного цветка, брошенного на арену. Его юноша заметил еще вчера, после боя Керемея из цеха Галлипалллипиос — очень уж любила публика этого бойца. В пылу битвы,

гладиатор взмахом меча отсек ножку цветка с тонкой проволокой внутри, а ночью уборщики не заметили ее, лежащую у самого края арены. Если бы не бой с крысой, если бы не отвлекающие пируэты и обманные маневры (потому как Техей, на деле, мог закончить бой всего одним ударом), альбиносу не удалось бы незаметно закинуть проволоку в свой шлем, схватить ее губами и спрятать во рту. Но теперь, когда он был один, он извернулся, упершись в решетчатую стену клетки, и, выплюнув проволоку, вытащил ее из разреза для глаз. Это был, возможно, единственный его шанс сбежать, и единственной причиной, почему это вообще было возможно, был тот факт, что его, горбуна, никто не воспринимал всерьез. Замок, что висел на дверце его клетки, был старым, примитивным — такие его друг Кремнос, плебей петрамантов, вскрывал так, как семечки щелкал, ведь на подобный замок запиралось следящее устройство, которое вешают на ногу. Вот и Техею пришлось научиться отпирать простые замки, дабы в случае чего помочь другу — несколько раз того заковывали в тяжелые колодки и выбраться сам он не мог.

Юноша лег на спину, чувствуя под спиной холодный металлический пол и, вытянув руки вверх, нащупал в полумраке небольшой кладовки замок. Он согнул проволоку так, как это требовалось, стал наощупь просовывать ее в замочную скважину, весь истекая потом от волнения. Второго шанса у него наверняка не будет, и Техей это понимал.

И, наконец, щелчок — замок со звоном упал на пол и Техей замер, прислушиваясь к звукам снаружи — не потревожил ли кого? Убедившись, что все тихо, горбун выскользнул из клетки, стянув с ног звенящие ботинки, и тихо, крадучись, поплелся к выходу. План в голове созрел уже давно, осталось только его исполнить.

Снаружи, в коридоре, уродец жался к холодным, покрашенным на половину высоты потолка в зеленый стенам, прислушивался к каждому шороху в опустевших, гулких помещениях. Он медленно, стараясь ступать сперва на пятки, крался по коридору, понимая, что если кто-то услышит его, то ему будет попросту некуда спрятаться. К счастью, когда впереди послышались шаги, Техей увидел впереди тележку уборщика, заставленную кучей флаконов с едкой химией, которая, впрочем, не помогала вывести вьезшуюся в бетон кровь. Техей спрятался за ней, зажмурился и стараясь даже не дышать, надеясь что в полумраке пустого коридора его не заметят. В его сторону шли двое, что-то громко обсуждая — они говорили о политике, о религии, о каких-то там "аэритах"... Все это не волновало юношу, и он, как только двое свернули за угол, в столовую, куда горбуна не пускали, вышел из-за укрытия и поплелся дальше.

Сердце в его груди колотилось как ненормальное, он понимал, что в любой момент сзади может раздаться чей-то голос, кто-то может заметить его отсутствие. Нужно было торопиться. Успеть до того, как часы пробьют полночь, как начнется новый 26-часовой цикл Плиоса и весь план превратится в тыкву.

Техей побежал. Боком, как уродливая тварь из детских сказок, но побежал. Плевать ему было на то, как он выглядит, на гордость и честь племени — все это неважно. Главное — вырваться из этого ада прежде, чем он поглотит его. Главное — выжить.

— Эй! — раздался где-то вдалеке, за углом, чей-то голос. — Уродец на выгуле? Чего-то его нет в клетке.

— Не знаю... — ответил другой. — Может, наставник его опять по кругу гоняет.

Двое загоготали. Техей вспомнил, поморщившись, как гладиаторы приходили иногда в кладовую по ночам чтобы поиздеваться над ним, потыкать в него остриями мечей, не давая даже нормально поспать. Наверняка сейчас они хотели того же. Хрен там — Техей был уже

почти у цели.

— Горбун пропал! — закричал немного погодя наставник. — Арма пропал, уродец! Ищите его! Поднимите всех! Он стоил хозяину больших денег!

Позади, за искривленной спиной, послышался шум. Люди вскакивали с коек, выбегали в коридоры, искали... Но было уже слишком поздно. Тяжело дыша от страха, что Техей почувствовал впервые за много дней, он проскользнул в щель приоткрытой двери морга и запрыгнул в кучу ледяных, мертвых тех людей, нагруженных в самосвал. Он стал зарываться в эту кучу человеческих ошметков, дабы его не нашли, едва не наблевал на трупы от отвращения, но сдержался. А затем — затих. Даже почти не дышал — все-равно воздух вонял начавшими разлагаться трупами, кровью и сладковатым запахом смерти. Лишь мухи и голоса людей, ищущих его в длинных коридорах под амфитеатром разрывали тишину ночи. И, наконец, самосвал, затарахтев старым, требующем обслуживания двигателем, поехал прочь, углубляясь в широкий, пропахший бензиновой гарью тоннель.

Наконец-таки, Техей мог хоть немного расслабиться. Здесь его уже точно никто не найдет. Горбун вылез из-под омерзительной груды тел, весь покрытый трупной слизью и кровью, и прилег сверху, на самом краю кузова, глядя на все удаляющиеся адские подвалы арены. Юноша тяжело вздохнул и принялся повторять маршрут — налево, вниз, третий переход, на перекрестке четвертый слева, в служебную дверь... Снова и снова...

Но долго отдыхать у Техея не получилось. Когда самосвал, полный мертвых тел, выехал на эстакаду, под которой сияли огни человеческого города, позади него зарычали моторы грубых, пышащих черными газами машин. Пленители юноши все-таки догадались, что он сбежал на труповозе, и отправились за ним в погоню, да еще и на нескольких машинах. Техей выглянул наружу, вниз, где проносились с огромной скоростью полустертые желтые полосы дорожной разметки, потрескавшийся асфальт.

Но думать ему не пришлось — на очередной яме самосвал трянуло, заднюю ось подбросило в воздух и юноша, что в это время разглядывал дорогу, высунув голову наружу, кубарем покатился по ней, вывалившись из зловонного кузова. Он зашипел от боли, рваный асфальт рвал и царапал его одежду, оставлял глубокие ссадины на коже. Тому, что верх клоунского костюма порвался и слетел прочь Техей, впрочем, был рад.

Гул, рокот машин все приближался. Шипя от боли, горбун поднялся на ноги, прихрамывая, и побежал к краю эстакады. Позади засияли фары автомобилей, несущихся за ним.

— Стой! — через громкоговоритель приказал ему Сеф. — Поговорим, Арма!

— Я — Техей, зубастый ублюдок... — прошипел в ответ мальчик скорее сам себе, чем распорядителю арены и, перемахнув через край, камнем устремился вниз.

Он покатился, ударяясь раз за разом, по изогнутой опоре эстакады. Сознание юноша потерял, наверное, на третьем или четвертом ударе, но все продолжал падать. Он слетел с края опоры, и теперь уже был в свободном полете, пока, наконец, не упал грудой истерзанной плоти на крышу хлипкой лачуги какого-то бродяги под эстакадой.

На берегу канала, в свете большого усилителя, по краям горящего за счет светодиодной ленты, были трое. Молодые люди, одетые так, словно они сбежали от разъяренной химеры — вся их одежда была в порезах, дырах — оглянулись на звук. Музыка затихла.

Первой к сломанному чем-то упавшим сверху сараем подошла молодая девушка. Ее губы, покрашенные черной помадой, поблескивали в полумраке, а на правой брови сверкал гвоздик-пирсинг. Она склонилась над уродцем, покрытом ссадинами и синяками после

падения, не говоря ни слова.

Вторым подошел парень, высокий и сильный, с толстыми, как водопроводные трубы, руками. На его черной тунике виднелся рисунок ветвящейся молнии. Длинные черные волосы собраны в тугий хвост на затылке.

Третьим был юноша поменьше, худой, с черной накидкой-дзуббой, коротко стриженный, под ежик, но с длинной, завязанной в узел бородой.

— Охренеть можно... — негромко, широко улыбаясь, озвучила их общую мысль девушка.

— Тут кроется какая-то охренительная история, — пробасил здоровяк.

— Подождите! — прошипел, стукнув кулаком о ладонь, бородатый. — Давайте в него палкой потыкаем!

Изувеченное тело тихо, жалобно простонало.

Глава 3

— В каком, сука, смысле "пусть побудет у тебя"?! — возмущалась темноволосая девушка.

Трое ехали в полуночном вагоне метро, где кроме них был лишь спящий на жестких сидениях бродяга. Здоровяк и бородатый смущенно смотрели куда-то мимо подруги, ничего ей не отвечая. Рядом, накрытый плащом, лежал изувеченный юноша с головой, закованной в железо, тяжело, хрипло дыша, едва удерживая самого себя в сознании.

— Ну, Ник... — смущенно, тихо протянул здоровяк, почесывая затылок. — А куда его еще деть? У меня маман дома, у Фена, вон, вообще жена и дети.

— А у меня — хозяйка дома! — воскликнула Ника, размахивая руками. — Как я объясню ей полумертвого чувака в моей комнате, а? Да его по запаху найти можно будет!

— Ну... отмой, гы, — криво усмехнулся бородатый по имени Фен. — Да ладно тебе, Ника, все будет нормально. Не трясись так.

— Я матерей ваших, парни... На форуме видала, понятно?

Парни улыбнулись, довольные тем, что девушка все-таки согласилась попридержаться найденного ими умирающего уродца у себя. В конце концов, не выдержала и она, сдавленно, с хрипотцой засмеявшись. Техей, лежа под тонкой тканью, чувствовал, как от нее тянется легкий запах сигарет и фимиама.

— Я утром притащу болгарку, — когда Техея тащили по улице, сказал здоровяк. — Ты посмотри чего с ним, у тебя ж мать, вроде, была...

— Про мать мою даже не начинай, — раздраженно отрезала девушка, придерживая Техея под ноги. — Посмотрю, хрен ли делать.

Юношу затащили наверх, на двадцать восьмой этаж высокого жилого здания. Там, наверху, в длинном общем коридоре, его пронесли мимо обшарпанных стен, покрытых муралами и стихами, занесли в крохотную квартирку, где в воздухе витали запахи табака и канифоли, и положили на старый, продавленный диван. Молодые люди о чем-то негромко переговаривались, но их слов Техей никак не мог разобрать, лишь тихо, сдавленно скулил от боли в сломанных ребрах. Впрочем он, кажется, не умирал — он был избит, как бездомная собака, его тело стало сиреневым от бесконечного количества гематом, но сознание оставалось четким, незамутненным, и юноша не чувствовал никаких особых изменений в теле. Раздался хлопок закрывшейся входной двери, он остался наедине с девушкой по имени Ника.

— Ох, блядь... — прошептала она, прикрыв рот ладонью, когда сдернула ткань с израненного тела. — Так, так...

— Ребра... — прохрипел Техей.

— Ты говоришь?! — взвизгнула, подпрыгнув на месте, девушка.

Техей, едва в силах пошевелить затекшей, задубевшей шеей, коротко кивнул.

— Охренеть можно... Так, сейчас, сейчас...

Девушка кинулась к шкафчику, висящему над раковиной в крошечном, старом санузле, где по углам расплзалась черная плесень, а кусок керамического унитаза был отколот. Там, за мутным, потемневшим зеркалом, Ника хранила аптечку, половину таблеток из которой, правда, она уже съела с друзьями просто от нечего делать. Но там все еще были бинты и антисептик, поэтому, схватив аптечку, девушка бросилась к раненному уродцу.

— Ох, типи, сейчас будет больно, мужайся.

— Не больнее, чем обычно, — усмехнулся голос в голове, озвучив мысли Техея.

Ника оторвала кусочек от большого, старого куска медицинской ваты, смочила его мощным антисептиком и принялась обрабатывать раны Техея. Юноша стиснул зубы от невыносимой боли, грязная кровь в ссадинах и рассечениях пенилась, бурлила от попадающего на нее химиката, причиняя парню невообразимую, куда более сильную, чем даже та, что была на пыточном корабле, боль. В конце-концов он не выдержал и тихо, сдавленно заскулил, прикусив нижнюю губу, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы — впервые за долгое время. Боль бодрила, заставляла юношу вновь сполна прочувствовать, каково это — быть живым, но еще больше заставляла хотеть с этой самой жизнью расстаться.

— Терпи, терпи, типи... — и снова это слово. Техей, кажется, слышал его, но где? — Черт, да я бы уже отключилась.

Она все продолжала обрабатывать раны юноши, а затем перевязывать их чистыми, белыми бинтами. Это могло помочь заживлению, не допустить повторного заражения, поэтому бинтов Ника не жалела. Настолько, что вскоре они у нее закончились вовсе и ей пришлось в панике бегать по крошечной комнатке в поисках чего-нибудь еще.

— Давящая повязка, давящая... — повторяла она про себя. Несколько ребер юноши были переломаны, банальное дыхание могло сделать ситуацию еще хуже. — Т-так, лежи, не вставай! Я сейчас!

Техей тихо простонал сквозь железную маску, а девушка выбежала наружу, стала настойчиво, громко стучать в дверь напротив. Никто не отвечал, не открывал ее, но Ника все продолжала и продолжала, пока заспанная, с гнездом на голове девушка в очках не открыла ей, раздраженно глядя на соседку.

— Нет, аспирина у меня нет, — пробурчала она. — Катись в жопу, Ника.

— Бинты! — взмолилась в ответ черноволосая.

— Бинты? — удивилась девушка в очках. — Чего ты... Ого-гошеньки ну нихрена ж себе!

Соседка наконец заметила в тусклом свете маленьких лампочек на проводе, висящем на стене в комнате Ники, изувеченное тело беглеца с тюремного корабля. Девушка поправила очки, словно не веря своим глазам, и затем, молча раскрыв рот, обернулась и побежала искать бинты.

— И никому ни слова! — шикнула ей в спину Ника.

— Не могу обещать, — усмехнулась с осязательным удивлением в голосе соседка. — Так, держи, все, что есть.

Она протянула Нике пару толстых мотков чистых бинтов, та в благодарность коротко кивнула и забежала обратно к себе домой.

— А может..?

— Вседавайпока! — протараторила черноволосая и хлопнула перед лицом очкастой дверь своей комнаты. — Так, гоблин, вот сейчас надо будет сесть... Эй? Слышишь меня?

Она кинулась к Техею, что к этому моменту потерял сознание от изнеможения. Прислушавшись, она поняла, что из-под ржавой, зловонной маски звучит тихое, ровное дыхание спящего человека. Девушка облегченно выдохнула и, приподняв тело юноши на диване, отчего тот проснулся и резко, шумно вдохнул от боли в позвоночнике, принялась накладывать на его ребра давящую повязку.

— Тихо, тихо! — взмолилась она, наматывая бинты на покрытый синяками торс

парня. — Тш-ш-ш, умоляю! Никто не должен знать, что ты здесь!

Техей, стиснув зубы, коротко кивнул в знак того, что он ее понял. Но боль все-таки была невыносимой, тихий скулеж так и прорывался сквозь стиснутые от муки зубы... И, в конце концов, он снова потерял сознание, обмякнув и уронив голову в шлеме на плечо девушки.

Закончив, Ника аккуратно уложила уродца на диван, устало вздыхая. Таким она не занималась уже очень давно, настолько, что вспоминать те времена было просто смешно. Лицо матери, его черты — все расплывалось, стиралось со временем, но ее нежные руки с длинными, музыкальными пальцами она помнила прекрасно. Помнила, как они лечили людей, как осторожно, с чисто женской теплотой лишали людей боли, страданий, зашивали раны и вымывали грязь из красных, словно спелый гранат, рассечений.

Выбросив эти мысли из головы, девушка открыла маленькое, мутное от копоти и выхлопных газов города окно. Внизу сверкали улицы, безлюдные в такой час, другие здания высились громадными шпилями, часто упираясь в потолок, высоту которого трудно было даже определить — достаточно лишь сказать, что в цеху, где расположился город Мекины, даже есть свой прогноз погоды, потому как иногда под гигантскими сводами собираются самые настоящие облака и тучи. Но не сегодня, впрочем — лишь сиял в темноте, пронзаемой огоньками, суровый лик древнего бога грома, что взирал на город у его ног своим жестоким, но пристальным и заботливым взглядом. Гигантская, ненормальных размеров бетонная конструкция, повторяющая статуи в честь бога грома Зевса, была ничем иным как доказательством мощи и богатства этого города, Мекин, столицы брошенной, забытой всеми планеты.

Ника уже, казалось, и не замечала гигантскую человеческую фигуру в центре города — ей монумент казался пошлым, лишенным вкуса памятником человеческому самолюбию и слепой гордости. Она достала из помятой бумажной пачки сигарету, зубами оторвала половину фильтра, закурила в открытое окно, глядя на спящий город. Выпустив едкие клубы дыма на улицу, она оглянулась, бросила долгий, изучающий взгляд на горбуна, которого она с друзьями подобрала на улице. Затем засмотрелась на стол, заваленный свитками и тетрадами, пыльными учебниками и писчими принадлежностями. Он начал уже покрываться пылью, в то время как электроарфа, притаившаяся в углу комнаты, сияла от того, как часто к ней прикасались нежные, тонкие руки. Девушка докурила, выбросила окурок в окно, закрыла его и, тяжело вздохнув, села за стол, стараясь не смотреть на кучу заданий и конспектов, которыми ей стоило, по-хорошему, заняться. Она молча положила голову на стол, закрыла уставшие глаза и уснула, слушая хриплое дыхание Техея, свернувшегося клубком на диване.

На следующий день, рано утром, двое друзей Ники уже стучались в ее дверь, когда девушка, казалось, только-только начала видеть сны. Она продрала глаза, громко зевнула и увидела, наконец, на диване спящего Техея, вздрогнув от неожиданности. Все, что было этой ночью не было лишь плодом ее воображения, наркотической галлюцинацией или сном — уродец взаправду лежал у нее на диване, хрипло дыша и не подавая особых признаков жизни.

Девушка подбежала к двери, открыла ее, впуская внутрь друзей. У здоровяка Бафоса в руках была большая электрическая болгарка, и, увидев ее, Ника возмущенно воскликнула:

— Ты прямо тут собрался это делать?!

— А че..? — зыркнул на нее парень. — А, да не трясись ты так. Фен принес кое-что.

Ника перевела взгляд на Фена, который в это время копался в большой, потертой сумке. Из нее он вытянул большое полотно какой-то странной черной ткани, взмахнул ей в воздухе,

заполняя комнату пылью и, откашливаясь, произнес:

— Та-да!

— И... Что это? — Ника саркастично подняла одну бровь. — Типа накроешь его голову, а потом херак — и все, нету маски? Фокусник типа?

— Балда ты, подруга, — усмехнулся бородатый. — Это — ткань аэромантов. Хрен их знает как они ее делают, но, говорят, она все звуки глушит. Моя купила ее, чтобы над кроватью вешать, тогда можно прям при детях тра...

— Кхм, — перебила его Ника. — И... Думаешь, поможет? Как бы, все эти истории про мрачных людей в противогазах давно обсосаны "Нимфоамией" в их дебильных песенках. Как-то не особо мне в это верится.

— А ты попробуй, — ухмыльнулся Фен и накинул ткань девушке на голову.

Ее накрыла непроницаемая, черная пелена. Она прижала ткань к ушам и, к своему удивлению, и вправду перестала слышать голоса друзей. Даже Баф удивленно присвистнул, втыкая шнур болгарки в розетку.

— Окей, это может сработать, — неохотно признала правоту друга Ника. — Ну так... И чего, прям режем? А вдруг ухо оттяпаешь или типа того?

— Не ссым, там защита. Если сенсор почувствует кожу, то диск сразу остановится. Палец же я не отрезал.

Здоровяк поднял перед собой правую руку — на указательном пальце виднелся красноватый, не до конца заживший след от глубокого пореза.

— Ну смотри мне, Баф... — нахмурилась Ника. — Эй, гоблин, ты спишь?

Все трое посмотрели на Техея. В ответ тот тихо что-то пробубнил, звук из-под маски был едва слышен.

— Мы с тебя эту железку снимем, ладно? — спросила его девушка, и юноша коротко кивнул.

Техея усадили на край дивана, он далеко подавался вперед головой из-за кривой спины. Накинув поверх железной, разукрашенной маски ткань, Баф просунул инструмент и начал вгрызаться диском в металл. Раздался свист, шипение, из-под ткани вылетали снопы искр, но звук действительно едва был слышен, ткань прекрасно справлялась со своей задачей. Техей же жмурился, хотел заткнуть уши, но не мог, и лишь терпел ужасный, оглушающий шум, видя как перед его лицом, снаружи, ярко сияют мириады ярких искр.

Вдруг Ника почувствовала запах чего-то горелого. Баф, ничего не замечая, все продолжал вгрызаться болгаркой в металл, но когда черная ткань вспыхнула, словно спичка, то уже все трое поняли, что идея высекать искры в ткань была крайне идиотской.

— В-воды! — воскликнул Фен. — Воды!

— Так возьми, кретин! — закричала в ответ Ника и сама бросилась к умывальнику, набирая в большой стакан мутной водопроводной воды.

Девушка выплеснула ее на горящую, упавшую на пол тряпку, заливая очаг крохотного пожара. С тихим, приятным шипением, обгоревший кусок ткани погас, в комнате снова повисла тишина. Ненадолго, впрочем, потому как троица все как один услышали, как в замочную скважину входной двери кто-то пытается вставить ключ.

— Это хозяйка, прячьте его, прячьте! — шикнула Ника на друзей, и те, не придумав ничего лучше, скинули все, что было на столе, на пол, накрыв Техея кучей исписанных бумажных листов.

Дверь со скрипом открылась, и пожилая, с суровым взглядом женщина в потрепанной

тоге вошла в комнату, сердито глядя на сидящих на полу молодых людей.

— Чего вы тут опять устроили? Ника, ты мне божилась что...

— Тетя Гея, да это не мы даже! — принялась оправдываться Ника. — Это снаружи, с улицы воняет. Чего-то жгут опять в переулке.

Женщина громко, раздраженно цокнула языком, окинув троицу взглядом, полным презрения и отвращения к молодому поколению. И она готова была уже разразиться длинной тирадой о том, как современная молодежь совершенно не уважает никаких порядков и правил, да только у нее за спиной открылась дверь в комнату напротив, откуда высунулась уже причесанная мордочка соседки с очками на носу.

— И-извините... — со старшими эта язва вела себя как пай-девочка, скромная и боязливая. — У меня вопрос как раз был...

— Ох, конечно, конечно... — проскрипела старушка и, кинув последний, полный ненависти взгляд внутрь комнаты Ники, бросила напоследок, закрывая за собой дверь: — Если будут тут после восьми — выгоню всех троих.

Дверь захлопнулась, все трое облегченно выдохнули. Под грудой листов и записей послышалось шепуршание, движение.

— Ничем больше накрыть не придумали? Вашу ж... — прохрипела Ника, убирая бумажки в сторону. — Я теперь целый день это все разгребать буду...

— Ой, да ладно тебе, — усмехнулся Фен. — Ты к учебе уже сколько месяцев не притрагивалась?

— Заткнись и помоги посадить его обратно.

Парни подняли стонущего от боли Техея, усадили его на диван. В металлической маске теперь виднелась длинная сквозная щель — достаточно большая, чтобы можно было сломать ее. Для этого, правда Бафу пришлось отлучиться минут этак на пятнадцать, а вернуться с монтажкой. Уперев один конец в глухой шлем, здоровяк не без помощи бородатого стал изгибать толстый металл по линии разреза, расширять шлем рядом с горлом так, чтобы там пролезла голова. И наконец, спустя минут десять пыхтения и вздохов, Ника аккуратно обхватила обеими руками ржавую маску и принялась стягивать ее с лица юноши, что стонал от боли, когда его шея из-за этого вытягивалась.

— Это вообще уже анекдот какой-то, — усмехнулся удивленный Фен. — Бафос, жги.

— Заходят как-то карлик, альбинос и женщина в бар...

— Заткнитесь, полудурки! — шикнула на них, бросив сердитый взгляд, Ника.

Девушка осторожно, едва касаясь тонкими пальцами, за подбородок приподняла голову Техея, заглядывая ему в глаза. В них читалась боль, ужасная усталость и полное смирение с судьбой. Одного лишь вида их, скрытых под полуприкрытыми веками, было достаточно, чтобы понять — этому человеку выпала тяжкая, незавидная доля.

— Как тебя зовут? — тихо спросила Ника.

Техей поднял взгляд своих бледно-алых глаз на нее, впервые глядя на свою спасительницу без шлема политического узника. Отчего-то хотелось плакать, слезы, казалось, так и наворачивались, но почему-то никак не шли.

— Техей... — тихо, хрипло вздохнул он, рвано дыша чуть горбатым носом. — Техей из Ортеан.

— Это город такой? Цех?

— Город..? — прохрипел непонимающе Техей. — Не совсем понимаю...

Трое друзей переглянулись. Загадка этого человека, что буквально упал к ним в руки с

небес, становилась все глубже и мрачнее. Если он даже не понимал концепцию города, то кто он вообще такой?

— Ну, город это... — Ника развела руками. — Ты вот в Мекинах сейчас. Это место, где живут много людей. Ну, прям дохера, если быть точнее.

— Мекинах..? — тихо спросил Техей. — А далеко это от... От АЭС?

— Баф, далеко до АЭС? — продублировала вопрос, обернувшись на друга, Ника.

Тот развел руками, вздохнул:

— Километров пятнадцать, где-то. Минут двадцать на поезде, но там еще остановки по пути, так что...

— Мне надо... — прохрипел, не дослушивая, Техей, пытаясь подняться на ноги. Он закашлял, совсем нехорошо закашлял — из груди доносились болезненные хрипы, из глотки вылетали с кашлем жестковатые куски черной мокроты. — Мне надо... Туда...

Фен, присев на подоконник, многозначительно присвистнул, пристально разглядывая гостя. Парень скрестил руки на груди и, покачивая головой, сказал:

— Домой спешит, видать.

— Фен! — сердито прошипела Ника. — Заткнись уже! Зачем тебе на АЭС, Техей?

— Рядом... Бюрокластер. Мне нужно туда.

Ника покачала головой, настойчиво надавила на худое, костлявое плечо уродца, не позволяя ему встать с дивана.

— В таком состоянии ты только до крематория сам доползешь. У тебя пневмония, сломаны три или четыре ребра и пес его знает что еще.

— Но мне надо...

— Надо, конечно надо, — Ника понимающей покачала головой, а затем жестом приказала своим друзьям сходить к лекарю за лекарством — в воздухе нарисовала жезл, обвитый змеем. — Но потом, как тебе станет лучше. Слышишь, Техей?

Но юноша уже ничего не слышал. Он медленно, чувствуя ужасную слабость в теле лег обратно на диван, сворачиваясь клубочком. Девушка накрыла его теплым синтетическим одеялом, а ее друзья выбежали прочь, уже бежали вниз по лестнице, не дожидаясь медленного и работающего через раз лифта.

— Кто же ты такой, Техей из Ортеан? — прошептала она, сидя на коленях перед трясущимся в горячке юношей.

Троица молодых людей снова, как они делают это каждую неделю, собрались в небольшом помещении старого, полузаброшенного культурного центра. Здание, над которым теперь высился бетонный небоскреб, было построено, наверное, еще когда Мекины только-только начинали заселяться людьми, и теперь было мало кому интересно кроме бездомных людей и бродячих животных. Зато Нике, Фену и Бафосу оно полюбилось тем, что здесь можно было репетировать, не волнуясь о том, что громкая музыка кому-то помешает.

Парни настраивали свои инструменты, готовились к репетиции: Баф расставлял так, как ему было удобно, тонкие, длинные штативы под электронные барабаны, Фен разминал пальцы, играя на клавиатуре простые, случайные мелодии, что первыми придут в голову. Одна только Ника с задумчивым видом обнимала свою электрогитару, ни разу даже не притронувшись тонкими пальцами к струнам. Заметив это, Фен отложил свой инструмент в сторону, сел рядом, уставившись на трибуны маленького амфитеатра, возвышающиеся над ними ровным овалом.

— Ну ты чего, Ник? — спросил он подругу, легонько ткнув ее в плечо сжатым кулаком.

— Что с ней? — прикрикнул Баф.

Фен пожал плечами, обернувшись на друга. Здоровяк, недовольно проворчав, встал из-за барабанной установки и сел по другую сторону от девушки на голый, обшарпанный бетон. Под взглядами сразу двух друзей она не выдержала, раздраженно вздохнула и закатила глаза, будто бы они не помочь ей пытались, а допрашивали ее. Хотя, пожалуй, в какой-то мере так это и было, потому как Ника помощи совершенно не хотела. Но и молчать тоже было невозможно — друзья могли сидеть так хоть часами, даже преследовать девушку, пока она не поделится тем, что гнетет ее.

— Техей, — вздохнула она, наконец-таки сдавшись.

Парни огорченно, синхронно вздохнули. За то время, что прошло с момента, как нашли уродца, Ника о нем думала почти постоянно.

— Слушайте, ну я же не одна ему верю, да? — с надеждой в глазах она взглянула сперва на одного, затем на другого друга. — Я знаю, история у него звучит как... Как книжка хреновая какая-то, но это ж не бред! Просто так людей в эти железные штуки как бы не заковывают!

— Ник, — Баф положил огромную ладонь ей на плечо. — Парень бредит. Или придумывает красивую историю чтобы ты удовлетворилась уже его рассказом и просто его не трогала.

Ника перевела взгляд на Фена. Тот, поймав его на себе, лишь вздохнул и пожал плечами, присоединяясь к Бафу в вопросе о правдивости истории Техея.

— Красивые истории так не заканчиваются, — девушка тряхнула головой. — Предположим, что он просто где-то это все услышал. Да хоть в тюрьме, допустим. Почему тогда все его похождения заканчиваются не просто грустно, а прям брутально и чернушно?

— Что ты имеешь в виду? — бородатый прищурился, сел поудобнее.

— Ну смотрите, — Ника подперла голову одной рукой, принялась вспоминать то, что ей рассказывал горбун. — Самая первая, про пищевой цех. Рассказал он ее в деталях, но это, например, не так сложно — мы ж вон катались на поезде до водохранилища Сих, тоже все видели. Но вот история идет, напряжение, драма, все дела... А в чем концовка? В чем суть?

В том, что куча народу стали трупами, в том, что цех разорили? Где, блин, хотя бы нравоучение какое-нибудь?

— Не во всех историях есть что-то поучительное, — покачал головой Фен. — Есть и просто грустные или веселые истории.

— Но эта же вообще никакая! — возмутилась Ника. — Просто трупы, смерть и очередной заброшенный цех. Или вот, например, дальше, когда он вниз попал.

— Ник, ну в это ты не могла поверить, — вздохнул, улыбнувшись, Баф. — Это же буквально страшилка про монстров, которые умеют свет вырубать.

— Страшилка, — Ника согласно кивнула, а затем резко подняла перед лицом оттопыренный указательный палец. — И заканчивается на чем? Монстров победили, цех спасли? Нет! Он просто сбежал, скинув на них какую-то шумелку. Все. Никакой морали, никакого вывода, просто история из неудачного путешествия.

— Он не мог спуститься к аэромантам в цех и остаться жив, — Фен был согласен с другом. — Даже если предположить, что там действительно обитают какие-то стремные монстры, и что они не смогли его замочить, местные его бы хрен отпустили, у них же все строго.

— И даже не начинай про Лад... Как там, Ладали?

— Ладцали, — поправила здоровяка Ника. — И тоже какой-то бред. Вроде слушаешь, слушаешь, ждешь, что тебе сейчас детектив какой-то расскажут, как, блин, из книг про детектива Онтропоса, а в итоге Техею откусили палец и он очнулся уже на корабле. А палец-то реально откушен, следы характерные.

— Ладно, ладно, — усмехнулся Баф. — Уверен, он тебе еще кучу интересных сказок без концовок расскажет. Талант у парня есть, его бы Анату показать, а?

— Заткнись ты... — буркнула недовольная итогами общения Ника. — Вообще, ну вас в буй. Я домой.

Девушка быстро убрала внушительных размеров электроарфу в мягкий синтетический чехол, застегнула молнию и накинула инструмент на плечи, быстрым шагом удаляясь прочь из гулкого, пустого амфитеатра.

— Эй, ну Ник! — крикнул ей напоследок Баф. — Ну извини, типи! Ни..!

С громким, полным раздражения и обиды хлопком, дверь амфитеатра захлопнулась. Парни остались одни.

Всю дорогу до дома девушка думала — неужели Техей и вправду все придумал? Черт, и ведь говорил он так гладко, так правдоподобно, без запинки, без пауз, будто бы и вправду пережил все это. Если все, что он рассказал, на самом деле с ним случилось в дороге, то он, наверное, самый неудачливый человек на всем Плиосе. Это, впрочем, были лишь мысли девушки, которая редко когда выбиралась за пределы своего почти что роскошного по меркам планеты, сияющего мегаполиса, дома для более чем двадцати миллионов людей. Ей было невдомек что там, за стенами этого громадного цеха люди и вправду вынуждены страдать, выживать, девушка не могла поверить в то, что у нее под ногами роились дышащие углекислым газом разумные растения, способные на скоординированные атаки по храмам аэромантов. Все то, что она услышала от Техея, просто не укладывалось в привычную для нее картину мира, где самым опасным, что может быть в этом мире, были, разве что, грабители, которые могут подкараулить тебя на безлюдной улочке. Жизнь в Мекинах была далеко не такой суровой, как это было там, снаружи, в глубоких тоннелях, и сомнения ее друзей были девушке целиком и полностью понятны.

Да только для Техея все это было реальностью. Не страшной историей, которую рассказывают ночью, при тусклом свете газового фонаря старожилы бродячего племени, не поучительной сказкой для маленьких детей, а реальностью, бессмысленной и беспощадной. Нечего было искать в произошедшем какой-то смысл — если он и был, то известен был исключительно Архитекторам и теоретическим высшим силам, если таковые существуют. Для юноши же были лишь голые, сухие факты и последствия, с которыми ему теперь приходилось жить.

— Еще. Продолжай, — вибрирующий, взвешенный голос появлялся в его голове всякий раз, когда страдания и страх Техея становились слишком сильными, когда ему нужно было преодолеть самого себя, чтобы выжить. — Терпи. Боль не навсегда.

Со слезами на глазах, Техей, лежа на полу, пытался с каждым днем все больше и больше выпрямить свою спину. Все его тело от самого спинного мозга пронзала невыносимая боль, изо рта текли слюны а позвоночник, казалось, вот-вот треснет пополам, оставит его калекой уже окончательно и бесповоротно. Но в такие моменты все, что было в голове Техея, весь тот бред и едкие комментарии его жизни, что он слышал каждую секунду своего существования, затихали. Был лишь он, вибрирующий, повелительный голос. И он, казалось, был единственным, кто действительно заботился о Техее в этом мире.

Ника, нашарив в кармане мешковатых брюк ключи, открыла дверь своей комнаты и увидела лежащего на полу Техея, корчащегося от боли. Она тут же кинулась к нему, думая, что с юношей что-то случилось, но тот, увидев над собой ее лицо, ее черные губы, стрелки на глазах, перестал тянуться и завалился набок, тяжело дыша. Кашель, идущий из груди, не дал ему нормально отдышаться, и Ника тут же подставила ему под рот салфетку, на которую летели небольшие кусочки серой слизи.

— Уже не черная, — вздохнула Ника с наигранной, саркастичной радостью в голосе. — Ты чего творишь-то?

— Ничего... — юноша тяжело дышал, не двигаясь.

Он знал, что Ника не даст ему продолжать, просто не позволит страдать. Если бы не это, он, может, поверил бы в искренность желания девушки помочь, а так... Скажем лишь, что Техей считал себя не более, чем домашним питомцем, за которым ухаживают ровно до тех пор, пока он сам интересен хозяйке. Иными словами, если он вдруг вылечится, то наверняка его просто вышвырнут на улицу, где он, не зная даже где он находится и куда ему идти, наверняка опять наткнется на проблемы. Почему-то теперь, спустя две недели после его побега из подвалов арены, его пугала возможность такого исхода, благо что мозг, получающий теперь нормальное количество калорий, начал вспоминать все те разы, когда в силу своей глупости или наивности Техей попадал в передряги. Больше всего об этом, конечно, напоминали увечья — юноша, например, еще не привык к тому, что у него не было левого большого пальца.

— А это... Это ты разобрал? — Ника наконец заметила, что все до этого разбросанные бумаги, тетрадки и учебники теперь лежали на столе ровными, аккуратными стопочками, да еще и правильно рассортированные.

— Мне было нечего делать, я посмотрел что там, — честно признался Техей. — Зачем все эти расчеты?

— Это не расчеты, а обычные упражнения, — улыбнулась Ника, падая на диван. — Я пыталась учиться, пока были деньги и желание, но... Увы и ах. Зато остатки потратила на инструмент.

Ника кивнула на электроарфу в чехле. Техей вспомнил, что она не раз играла по ночам, когда думала, что он спит — тихо, почти беззвучно перебирала пальцами по тонким струнам, наигрывая странную, незнакомую ему печальную мелодию.

— Учиться? — Техей поднял на нее взгляд своих красноватых глаз. К этому моменту он уже мог нормально двигать шеей. — Извини.

— За что? — подняла проколотую бровь девушка.

— Я думал что ты плебейка, — юноша виновато опустил голову (хотя на деле у него просто устала шея).

— Это так не работает, — звонко засмеялась девушка, закинув ногу на ногу. — Ты же к электромантам попал. Ну, так называют, вроде.

Техей кивнул.

— А мы сами себя никак не называем. Ну, просто живем тут и все. Никаких там каст, плебеев, ты понял. Всех интересует только, разве что, сколько у тебя бабок.

— Я своих не знал, — грустно вздохнул Техей. — Мой отец нашел меня, когда я был...

Договорить юноша не успел — девушка залилась таким громким, истерическим смехом, что упала спиной на диван а затем и вовсе с грохотом рухнула на пол, скатившись с него. Ее никак не прекращала забавлять манера Техея говорить, его знания о жизни, о мире вокруг. Словно ребенок, который, тем не менее, мог рассказать ей такие ужасы, в которые и верилось-то с трудом.

— Да не бабушек, а бабок! Денег, Техей! — сквозь смех, обнажая белые зубки, прохрипела она. — Так называют деньги! Неужели ты и деньги никогда в руках не держал?

— Ну... — Техей замялся, чуть покраснел. — Я в цинтак как-то играл, в поезде.

Мимо. Сказанное, конечно, впечатлило девушку, но совсем не так, как Техей того ожидал. Вместо уважения или хотя бы того, чтобы она перестала смеяться, Ника стала наоборот еще громче заливаться хохотом, стуча сжатым кулачком по полу. Лишь спустя, наверное, минуту, в течение которой Техей чувствовал себя гораздо более опозоренным и униженным, чем во время рабства на арене, она начала успокаиваться. Грудь ее тяжело, медленно вздымалась, иногда нет-нет да прорывались, срывались с губ короткие смешки, как остаточный газ из баллона, а по щекам текли слезы. Нет, таких людей, как Техей, Ника никогда не встречала. Черт возьми, а ведь приезжали сюда люди из других цехов, даже из восточного полушария! Но у каждого было хотя бы базовое представление о том, как работают деньги и экономика в целом — не просто же так на драмах чеканили изображение руки, показывающей на пальцах номинал монеты. А этот кадр вообще не понимал для чего деньги нужны и почему все так хотят иметь их как можно больше.

— Ладно, ладно... — Ника смахнула слезы с глаз, приподнялась на полу, глядя на своего гостя. — А как ты на столе вот это все отсортировал? Неужели тебя всему этому учили в племени?

— Ну, не всему... У тебя там были электрические цепи, мне пришлось почитать книжку, потому что я их не понимал.

— Погоди-погоди, — Ника пристально уставилась в глаза Техею, пытаясь понять не врёт ли он. — Ты мне сейчас говоришь, что просто взял и разобрался в том, что у меня там поначерчено? Вот так вот взял и выучил как это работает?

— Ну так там не особо сложно... — снова смутился юноша. — Надо просто почитать.

— Типи, — и снова это слово, сказанное с легким смешком. — Ты либо поехавший, либо гений. И что-то мне подсказывает, что, может быть, даже и то, и другое.

— Да не, там просто... Неважно, в общем.

— Да уж, Техей... — Ника цокнула языком. — Ты прямо человек-загадка.

Альбинос не был уверен, радоваться ему подобному ярлыку или же стесняться его. Почему-то ему совершенно не хотелось расстраивать Нику, что не спала ночами, не отходила от него ни на шаг, когда ему было особенно паршиво. Она, в конце концов, была единственным человеком, что хорошо отнеслась к нему за долгое, наполненное болью время. Можно было даже подумать, что она и есть тот самый счастливый конец, финальный пункт на пути героя, возвращение домой с победой. Но такие мысли могли прийти в голову одной лишь Нике, начитавшейся в свое время эпосов, романов и пьес — Техей понимал, что он здесь только в гостях, что он и Ника — совершенно чужие друг другу люди, которых ничего не связывает, а его путь еще далек от завершения. Как только он уверенно встанет на ноги, как только поймет, что способен добраться до Эхемноса, скрывшегося в бюрокластере, среди мойр-специалистов.

Но до тех пор они продолжали притворяться. Техей притворялся, что не собирается никуда уходить — с каждым днем Ника все больше и больше привыкала к тому, что, открывая дверь в свою комнату, она услышит пыхтение и стоны парня, который пытался восстановить свое тело. Ника же притворялась, что для нее все это в тягость, что она все так же злится на друзей за то, что они спихнули заботу о парне на нее, помогая, разве что, деньгами на лекарства. На деле же она бы и без помощи со стороны наверняка позаботилась бы о Техее из чистого любопытства и человеколюбия, что ей привила когда-то мать.

Но Техей готовился. Каждый день он все больше и больше мог разогнуть свою больную, искривленную спину, каждый день боль отступала все сильнее, все больше силы возвращалось в руки и ноги юноши. В какой-то момент вибрирующий голос в голове приказал ему начать подтягиваться, и через боль, через пот и слезы Техей стал виснуть на двери в санузел, буквально чувствуя и слыша, как хрустят его позвонки, один за другим вставая на место, возвращаясь в норму и возвращая парню его силы. Наконец, когда Ника вернулась домой в один из дней, она застала Техея, обнаженного по пояс, что тужился и раз за разом приподнимал целый диван над полом, почти сразу, правда, роняя его обратно.

— Воу, типично, — усмехнулась девушка, стоя в дверях. — Если ты пытаешься соблазнить кого-то из здания напротив, то обломись, там дом для калек.

Техей, услышав ее голос за спиной, тут же с грохотом бросил диван на пол и принялся спешно натягивать на все еще худое, но хотя бы не израненное тело рубашку. Снял он ее, разумеется, не для того, о чем пошутила Ника, а лишь чтобы не запачкать ее потом во время тренировок.

— Я, это... — замялся он. — Ты говорила что у тебя проблемы с алгеброй?

— Ну да, — Ника нахмурилась, пристально уставилась на гостя. — Придумал как списать на экзамене? Не прокатит, сразу говорю, там все в глушилках.

— Да я просто могу тебе помочь, — Техей взял со стола одну из тетрадей. — Давай разберем что тебе непонятно. Я же должен тебя как-то отблагодарить.

Ника усмехнулась а затем, не сдержавшись, сдавленно засмеялась, бросая в угол электроарфу в чехле. Такого она никак не ожидала — мало того, что горбун, которого они нашли полумертвым под мостом превратился во вполне себе нормального, пусть и очень уж белого юношу, так он еще и разбирается в точных науках и бесплатно предлагает учить ее. В Мекинах образование было дорогой к хорошей работе, возможно даже на АЭС, а значит и к большим деньгам, поэтому частные репетиторы стоили крайне дорого и позволить себе их

могли только самые зажиточные граждане. Ника на секунду подумала что Техей, не будь он так наивен и прост, мог бы хорошо устроиться в этом городе, не то что она со своей идиотской музыкой.

Девушка села рядом с ним за стол, взяла карандаш и Техей начал тихо, спокойным, не таким как учителя в школе, голосом объяснять ей в чем заключаются ошибки в ее расчетах. И сперва она, конечно, действительно попыталась вникнуть в объяснения юноши, даже попыталась что-то решать, но цифры никак не сходились, переменные пугались, и хоть Техей не начинал орать на нее за ошибки, даже так ей было трудно действительно осознать все то, что она попыталась сделать. В конечном итоге ее сознание, ее внимание стало улетать куда-то вдаль, прочь от этого душного, мерцающего тысячами огней города, куда-нибудь в горы, настоящие, созданные по воле случая, что обнимают белые облака и грозовые тучи. А верхушка у горы белая-белая, буквально сверкающая в лучах какого-нибудь нежного солнца, прямо как на картинках. Прямо как...

— Ник? — Техей как-то странно посмотрел на нее, и девушка пришла в себя.

Она тут же поняла, что все это время молча, задумчиво пялилась на парня рядом, на его короткий, но уже волнистый белый ежик на голове, на странное лицо, по которому трудно было определить из какого он племени вообще. Да и с этой ли он вообще планеты.

— Да пошел ты, — Ника, скривив губы, отвела взгляд в сторону, о чем-то мрачно задумалась. — Придунок.

Она резко встала из-за стола, накинула на плечи черную тканевую куртку с геометрическим узором и быстрым шагом вышла из комнаты, громко хлопнув дверью и оставив Техея одного в недоумении сидеть за столом. Юноша совершенно не понимал что только что произошло, да и сама Ника, наверное, не осознавала этого до конца, но он точно знал, что он должен последовать за ней. Если сейчас даст ей одной посреди ночи блуждать по улицам подземного города, то быть беде — голоса в голове буквально вопили об этом.

Он выбежал наружу, захлопнув за собой дверь, по лестнице побежал вниз, откашливаясь — болезнь еще не отступила полностью, хотя и не мучала Техея так сильно, как прежде. Лишь внизу, у самого выхода из здания он остановился, потянувшись левой рукой без большого пальца к ручке двери. Выйти наружу означало рискнуть быть замеченным, вернуться туда, откуда он еле-еле сбежал, да и то удалось ему это из-за изрядной доли удачи. С другой же стороны, он не мог вечно прятаться в этом доме, под крылом этой странной, порой прямо-таки невыносимо вредной девушки. Рано или поздно ему все-равно пришлось бы выйти наружу.

Стиснув зубы и сделав глубокий вдох, Техей открыл дверь. Он вышел на улицу, что даже ночью была залита пусть и приглушенным, но достаточно ярким светом. Небоскребы жилых и офисных зданий беспорядочными, нестройными громадами высились вокруг него, с фасадов зданий на него взирали лепнины в виде лиц, фигуры атлетов, будто бы удерживающих этажи над ними, геометрические узоры. И всюду свет, свет, свет... Такой, как был на зой-базаре, но без толп народа, без запахов пота и слез от плененных людей, без криков работорговцев, зазывающих покупателей. Здесь пахло бензиновыми испарениями, выхлопными газами, сырым бетоном и хлоркой — запахи продвинутого, густонаселенного цеха, ощущение сырости в затхлом воздухе, звуки машин где-то в отдалении.

Техей, оглядевшись вокруг, заметил наконец, как Ника сворачивает за угол. Напрягая все тело, юноша погнался за ней, тяжело дыша — все-таки организм не восстановился полностью, бегать было тяжело и больно, но все же он бежал. За угол, на узкую пешеходную

улочку, где Ника уже спускалась на уровень ниже, по лестнице, над которой мерцали горящие буквы "МЕТРО". Он устремился за ней, вниз по сырой лестнице, по которой бежали небольшие ручейки маслянистой воды, исчезая в зарешеченных водостоках внизу, в коротеньком тоннеле, а затем на станцию, куда уже спускалась Ника. Там, внизу, к маленькой платформе вел узкий проход через что-то странное, металлическое, преграждающее путь. Под крик охранника Техей перемахнул через турникет, побежал вслед за Никой, что уже заходила в вагон поезда с зарешеченными окнами.

Наконец, когда она услышала его тяжелое, хриплое дыхание, девушка заметила его. Техей стоял перед ней, согнувшись пополам и пытаясь отдышаться. Удивительно, как тяжело ему было просто догнать ее.

— Ты зачем вышел, кретин?! — зашипела она на него, дергая за рукав рубашки.

Ника толкнула альбиноса на жесткое металлическое сиденье, и тот, проглотив слюну, стал дышать ровнее, медленнее, глуповато улыбаясь и глядя прямо на нее. Вскоре девушка сдалась и сдавленно засмеялась, отводя взгляд в сторону.

— Все, уже не боишься Архитекторов? — едко подколола она петраманта.

— Боюсь, — честно признался тот. — Но за тебя тоже боюсь.

Он не стал спрашивать девушку о том, куда она едет и зачем. Лишь смотрел на нее, сидящую напротив, такую странную, очень уж необычно одетую по меркам тоннельных племен, злую и язвительную. Просто смотрел, пока мимо, за окном, проносились увитые толстыми проводами стены ЖД тоннелей.

Со скрипом, громким шипением, от которого закладывало уши, поезд вскоре остановился на одной из станций на пути его следования. Двери, грохоча, резко распахнулись, и в вагон зашли трое. Техей сразу почувствовал в теплом воздухе вагона стойкий запах спирта, кислого, дешевого вина. В голове пронеслась короткая, почти сразу отступившая мысль о Стефане — как он там, интересно? Ушел ли из Ладцали? Не так это важно, впрочем.

Шумная троица молодых парней, одетых в странные хитон-комбинезоны, на которых тут и там чернели какие-то непонятные надписи, были пришиты яркие полоски ткани, принялись что-то громко обсуждать, гоготать. Техей не вникал в суть разговора, лишь иногда выхватывая краем уха особо неприличные словечки и местный слэнг — друг друга парни постоянно называли "типи".

Но, разумеется, они не могли не обратить внимание на Нику, старавшуюся изо всех сил их не замечать, притворяясь, что парней просто не существует. Но вот они такую игру не принимали и обступили Нику, окружая то место, где она сидела. Техей тихо, совершенно беззвучно в шуме едущего вагона метро, поднялся на ноги, вслушиваясь в их громкие реплики:

— А чего ты? Погнали с нами, мы катим в "Шешеру", оторвемся.

— Да не, не, — подхватил другой. — Девочка погулять вышла, не видишь что-ли? Щас прогуляемся, туда-сюда...

— Языки друг другу в жопы засуньте и не загораживайте мне солнце, коппи.

Парни загоготали, хватаясь друг за друга и еще ближе обступая девушку. Но не успели они снова пристать к ней, как Техей, прокашлявшись, громко сказал:

— Вам непонятно объяснили?

Парни обернулись, с едкими ухмылками глядя на альбиноса со странной осанкой. Конечно, такой уродец не мог казаться им серьезной угрозой, и они громко засмеялись,

доставая из комбинезонов маленькие кривые ножики.

"Ты здесь?", — мысленно спросил Техей, понимая, что без оружия ему не хватит навыка справиться с ними.

— Да, — тут же ответила вибрация в голове.

Теперь он был спокоен.

Первый, что лишь размахивал перед бледным лицом петраманта холодным клинком, не стал проблемой — резкий, быстрый и, что самое главное, неожиданный удар головой отправил уroda в нокаут, он повалился на грязный пол бесформенной, грузной тушей.

Второй замахнулся сбоку, умело целясь острием ножа в район печени Техея. У юноши промелькнула в голове мысль о том, что, возможно, они действительно что-то умели, и это вызывало опасения.

— Назад.

Повинуясь голосу, Техей резко упал назад, усаживаясь обратно на жесткое сиденье. Нож со свистом рассек воздух.

— Бей. Подло.

Незамедлительно последовал удар — сжатым правым кулаком Техей ударил нападающего в пах, отчего тот, выронив свое оружие, согнулся, упал на пол, сдавленно застонав от боли.

— Слева.

Техей едва успел выбросить в воздух обе руки, хватая третьего нападающего за запястье и с силой выкручивая его против часовой стрелки. Тот упал на сиденье рядом с альбиносом, все еще не разжимая руку с ножом и борясь с петрамантом, медленно но верно приближая нож к его лицу. Техею просто не хватало силы чтобы побороть его, а ударить из такого положения он никак не мог.

Но в этот момент в ухо хулигана за всей силы ударила Ника, отчего парень выронил нож и, оглушенный, схватился за голову. Техей, не растерявшись, тут же вскочил на ноги и, взяв нападающего за волосы, крепко приложил его об свое колено, ломая ему нос.

Поезд медленно останавливался на очередной станции. Ника схватила своего спасителя за руку, и, оглядываясь, побежала прочь из вагона, в котором стонали от боли либо лежали в отключке бандиты-неудачники. Лишь когда вместе с Техеем она оказалась на улице, на широкой площади, над которой нависали странные здания на сваях, она выдохнула и негромко, взволнованно сказала:

— Это были люди Валиса, придурок белый... — по ее лицу было видно, что она действительно беспокоится, но вскоре она залилась громким, звонким смехом.

Техей непонимающе уставился на нее, едва сдерживаясь от того, чтобы не потереть болящий после удара лоб. Девушка, чуть успокоившись, взглянула на него в ответ и, крепко сжав его руку своими ладонями, потянула за собой.

— Пошли, герой херов. Баф и Фен уже заждались.

Техей, глядя на себя в мутное, потемневшее зеркало, медленно провел рукой по своим волосам, широко улыбаясь. В воздухе витал едкий запах химической краски, Ника снимала с рук использованные одноразовые перчатки, а альбинос теперь был похож на обычного, нормального человека. Теперь его выдавали разве что глаза и бледная кожа, а вот волосы (и даже брови) уже не бросались в глаза — теперь у парня были иссиня-черные волнистые волосы, как у многих в Мекинах.

— Ну вот, — усмехнулся Баф. — На человека стал похож.

— Ответь как я тебя учила, — строго взглянула на Техея Ника.

Тот медленно повернул голову, посмотрел на здоровяка снизу вверх и негромко сказал:

— Говна поешь.

Друзья Ники, да и сама девушка, звонко, от души засмеялись, а вот Техею было неловко. Он не мог и подумать о том, чтобы кому-нибудь так ответить в своем племени — сразу бы оказался в колодках на неделю, подумать о своем поведении. Да даже в других племенах, в цехах, где он побывал, такие грубые речи порицались всем, кем можно, разве что в Ладцали Стефан снижал градус серьезности своим существованием.

— Вот теперь тебя можно и на улицу выводить, — кивнул, улыбаясь, Фен. — Ник, а давай его в группу возьмем? Будет на подтанцовке.

— Да я... — замялся Техей.

— Отличная идея, — ухмыльнулась девушка, подыгрывая бородатому. — Раз он, вон, спину выпрямил, так пусть задницей перед трибунами покрутит.

Все снова засмеялись, и смех этот заражал даже Техея. Окружающих обычно смущал его полный грусти голос, печальный смех, но эту троицу, кажется, такое совершенно не волновало. Да оно и понятно — Техей как послушал музыку, что они исполняют, так едва в петлю не полез. Ника, кажется, называла жанр, в котором они работают, "ноктюрнический катодопульс", и отличался он крайне мрачными, полными рассуждений о смерти текстами, ритмичной, медленной электронной музыкой, под которую, тем не менее, вполне можно было танцевать, и переработанными классическими мелодиями, которые особенно иронично звучали в связке со всем перечисленным ранее. Словом, музыка, о существовании которой Техей до прибытия в Мекины и не подозревал.

Теперь он часто виделся со всей троицей, практически не отходил от Ники. Юношу удивляло, что девушка, казалось, нигде не работает, в то время как ее друзья постоянно отказываются от очередных встреч как раз-таки из-за своей занятости. Так, например, Фен работал в почтовом сортировочном центре — раскидывал посылки и письма по тем конвейерам, которые вели к правильным почтовым вагонам. Бафос же работал электромонтажником на главной АЭС, и, по словам Ники, именно он вдохновил ее учиться профессии электромантов, хоть у нее совершенно не было таланта и тяги к этому делу. Просто так она шла по пути наименьшего сопротивления, наивно полагая, что, отучившись, сможет как Баф работать на АЭС, прокидывать провода и в ус не дуть, зарабатывая при этом приличные деньги. Сам же здоровяк по секрету как-то рассказал Техею, что работа это не такая прибыльная и легкая, как думает девушка, но, к счастью, она все-равно даже не пытается учиться.

— А вообще, — когда друзья дошли до тихого, спрятанного в переплетающихся

переходах и дворах заведения, где подавали реплику пива, Ника вдруг ни с того ни с сего подняла тему профессии. — Здесь все-е-е мечтают стать звездами. Бардами там, драматургами, актерами. Все рвутся сюда для того, чтобы где-то выступить, что-то показывать, но все... — она медленно обвела друзей грозным, полупьяным взглядом. — ...обламываются! Потому что это бизнес, детка! Искусство — искусственный бизнес, да!

— Так, хватит тебе, — вздохнул, пробасив, Баф, и отодвинул недопитый стакан пенного от девушки. — Пить не умеешь совершенно.

— А я трезвая, вот. Просто делюсь мыслями, — обиженно надув губки ответила она. — Да ладно вам, чего вы такие серьезные? Мы ж, блин, для этого и собрали группу. Да мы... Мы даже концерт давали!

— Ага, — Фен кивнул, отпил пива из своего стакана. — Один раз, было дело. Только на нас не взглянул даже никто. Сидели, трындели, жрали.

— Все с чего-то начинают! — возмутилась Ника.

— Это факт, — Фен кивнул. — Но не в наши года. Ника, мне двадцать два, я скучный человек с семьей, Баф еще старше и у него есть работа, а ты в свои года все гредишь большой сценой.

— А сколько тебе? — вдруг удивленно поднял бровь Техей, сидевший с краю, сбоку от Ники.

— Двадцать, — буркнула она. — И да, грезю... Грежду... Блядь, да, я хочу на сцену! И вы меня хер остановите, уроды бородатые!

— Я бреюсь, — пробасил Баф.

— Да пофиг, — вздохнула девушка и, умыкнув свой стакан из-под носа у здоровяка, отпила еще.

К концу вечера, когда огни города стали один за другим гаснуть, а улицы стремительно пустели, Ника напилась до такого состояния, что едва могла нормально стоять на ногах. Техей заверил парней, что сможет сам довести ее до дома в целостности и сохранности, и после истории про драку в метро они в этом даже не сомневались. Вскоре, двое брели по пустой, гулкой улице, что еще пару часов назад была полна людей, уличных торговцев, карманников и местных дружинников. Сейчас здесь был лишь ветер, тусклый свет уличных фонарей и Ника, напевающая себе под нос пьяным голосом какую-то из мелодии, что она сочинила для пополнения репертуара группы. Техей же, обхватив ее одной рукой за талию и стараясь не думать об этом чтобы не смущаться слишком сильно, вел ее в сторону дома, для чего то и дело приходилось останавливаться чтобы позволить девушке выблевать в подворотне всю ту дрянь, что она сегодня выпила. Техей же при этом, как истинный джентльмен племени петрамантов, придерживал ее темные волосы, чтобы те не запачкались, и помогал ей встать, когда она закончит.

Уже на подходе к огромному, мрачному зданию, на стенах которого чернели заделанные чем-то трещины, напоминающие рисунок молнии, Техей заметил что-то странное. Там, впереди, у самого входа в подъезд со скрипучим, старым лифтом кого-то поджидали, держась в тени, несколько мужчин крепкого телосложения. Оружия Техей у них не видел, однако очевидным было то, что это были громилы какого-нибудь криминального авторитета Мекин, каковых здесь оказалось на удивление много.

— Ну-ка, Ник... — парень подхватил девушку, стал настойчиво уводить ее прочь. — Пойдем, погостим сегодня у Бафа.

— Не хочу-у-у... — закапризничала пьяная бездельница, обиженно надув щеки. —

Хочу домо-о-ой, на дива-а-ан...

— Ника, там..!

— Хочу домой! — закричала она заплетающимся языком. Эхо ответило ей ее же голосом.

Громилы у входа переглянулись, стали внимательно всматриваться в парочку. Один из них кивнул остальным, и они быстрым шагом стали приближаться к Техею и Нике.

— Да твою ж... — выругался под нос Техей. — Ника, уходим.

— Не хочу я никуда уходить! — все не прекращала сопротивляться она, топая ножкой в толстом ботинке. — Эй, вы! Щ-щ-щас вам Техей так вр-р-режет!

— Совсем дура что-ли?! — зашипел на нее крашенный альбинос. — Ника!

Громилы, тем временем, перешли на бег, быстро окружили парочку. Мужчины переглядывались, пристально смотрели на них, будто бы пытаясь понять, те ли это молодые люди, которых они ищут.

— Да не, это точно не он... — покачал головой один из них. — Тот кривой весь был, сухой, еще и альбинос. Это не он.

— А девка? — спросил другой.

— А девка похожа... Ну-ка, красавица, дай на тебя взглянуть.

Мужчина потянул к ней руку, к лицу Ники, и Техей, стиснув зубы от злости, ударил его по руке, прошипел:

— Руки от нее убрал!

Громилы все как один усмехнулись, кто-то присвистнул. Не отпуская Нику, Техей стал отступать назад, лихорадочно обдумывая план побега. Было очевидно, что это уже совсем не пьяные подростки с ножами, эти — серьезные бойцы, каких без очень хорошего оружия парень не одолеет.

— Мальчик, давай-ка ты это самое, — кивнул ему бритой головой один из громил. — Под ногами не путайся. Девка твоя задолжала господину Сефу круглую сумму, и он очень хочет ее вернуть.

"Деньги?", — подумал Техей. — "Зачем? Почему она взяла деньги у этого урода?"

— Отойдите, — сурово, насколько мог, негромко сказал Техей, прижимая девушку к себе, готовый бежать с ней на руках, если потребует.

— Парень... — вздохнул один из них, тот, что, видимо, был за старшего. — Тебе оно не надо. Познакомишься с другой, поумнее, которая умеет долги вовремя отдавать. Не дури, ну.

— Нет... — Техей перешел почти на шепот, голос его дрожал.

— Беги, — приказал ему внезапно раздавшийся будто бы со всех сторон сразу вибрирующий голос, что не раз спасал его до этого. — Брось ее. Убегай. Твоя миссия важнее.

"Нет!", — воспротивился юноша, готовый к бою.

Но не успел он и шага сделать навстречу этим головорезам, как сзади, бесшумно зайдя ему за спину, по затылку его ударил чем-то твердым один из них. Техей сразу же обмяк, выпуская из рук визжащую, сопротивляющуюся Нику, глаза юноши закатились и, упав на мокрый бетон, он отключился.

Когда парень пришел в себя, вокруг уже не было никого, ни следа Ники. Он в панике вскочил на ноги, побежал домой, ворвался в знакомую, уже ставшую вторым домом комнату, и...

— Твою мать! — выкрикнул он, ударив ногой по хлипкому складному стулу.

Разумеется, Ники здесь не было. Все произошедшее не было сном или большой фантазией. Тем более не было галлюцинацией. Ее действительно похитили, и похитил, как назло, тот самый человек, от которого Техей едва смог унести ноги. Ситуация складывалась печальнее некуда, юноша понятия не имел как поступить, а вибрация в черепе тем временем все усиливалась, голос заставлял Техея думать о поезде, об АЭС, о бюрокластере и Эхемносе... Но нельзя, нельзя было ее бросать!

— Беги, — повторял голос, и Техей понял, что все остальные голоса, что сопровождали его, затихли окончательно. — Беги. Сядь на поезд. Доставь карту.

— Поешь... говна, — процедил Техей, изо всех сил сопротивляясь чему-то, что пыталось взять над ним контроль.

Этот голос отличался от остальных. Он знал то, чего не знали другие, чего не знал, пожалуй, сам Техей. Он появлялся лишь в критически важные, опасные моменты, и так же быстро исчезал. Помощь от него, несомненно, была исключительно полезной, но сейчас это существо, засевшее в больном разуме Техея, буквально перехватывало у юноши контроль над его собственным телом.

Техей тряхнул головой, понимая, что уже мчался в вагоне поезда метро, в сторону АЭС. Все, что было между этим моментом и квартирой просто начисто исчезло из его памяти. Неизвестная сущность все сильнее запускала корни в воспаленный мозг юноши.

— Нет... — он стиснул зубы, обхватывая голову и стараясь не думать о невыносимой боли, которую он испытывал. Ощущения были такие, словно об его череп изнутри царапались тысячи маленьких жуков-трубодов. — Уйди прочь...

— Ты важнее, — голос не прекращал терзать его. — Эхемнос. Карта.

— Да похер мне... На вашу... Карту! — каждое слово давалось юноше с трудом, ему приходилось буквально силой выталкивать воздух из легких. — Оставь меня! Я и так многое пережил из-за этого бреда!

— Это лишь начало, — вибрация усиливалась, подступала волнами, прорезалась, фантомными рогами на лбу, в форме странных колонн, коими была усеяна поверхность планеты. — Иди к нему. Ты должен.

— Нихрена я тебе... — Техей впился ногтями в руку, до крови раздирая кожу. Боль немного отвлекала от вибрации внутри черепа, и тогда, сделав пару глубоких вдохов, Техей впился зубами в едва зажившую культю на месте большого пальца.

На весь вагон, распугивая и без того отошедших от парня людей, Техей громко, протяжно заскулил. Из глаз брызнули слезы, а по губам побежала струйка горячей крови из открывшейся раны. Наконец, вибрация прекратилась, ощущалась где-то в самой глубине, вне границ сознания парня, и он выбежал из вагона на ближайшей станции, сразу же, кратчайшим путем устремившись к дому Бафа.

Длинное панельное здание, над которым на сваях стояло другое, поновее, тут и там пестрило широкими воротами гаражей. Жить в таком доме было дорого и престижно, но Бафу и его матери он достался по наследству — здоровяк любил об этом рассказывать. Техей, весь заляпанный пятнами крови, принялся настойчиво колотить по жестяной двери гаража, крича:

— Баф! Баф, открывай! Баф!

Изнутри слышались шорохи, щелчок открывающегося замка. Гаражная дверь медленно отъехала вверх, и Техей буквально вломился внутрь дома, совмещенного с мастерской, где Баф на досуге занимался ремонтом тоннельных вездеходов.

— Чего..? Техей, ты время видел? — непонимающе взглянул на влетевшего внутрь друга здоровяк. — Твою ж мать, типично, ты в крови! Где Ника, что с ней?

— Бафос, кто там? — раздался из другой комнаты старушечий голос.

— Это Техей, ма!

— Ставить чайник?

Баф взглянул на Техея с неммым вопросом. Техей лишь коротко ответил:

— Ее похитили.

Баф нахмурился, сжал огромные кулаки и хрустнул толстой шеей.

— Нет, не ставь, — ответил он наконец своей матери. — Ложись спать.

Техей принялся рыться в инструментах и запчастях Бафа, думать, что он может собрать из всего этого добра чтобы вытащить Нику из передраги. При этом действовать нужно было максимально быстро, черт его знает что этот черный урод мог с ней сделать.

В это же время Баф, наплевав на огромные счета за телефонную связь, набрал спящего на другом конце города Фена. Тот сперва возмутился, ровно как и его жена и проснувшиеся от шума дети, но, услышав что произошло, сказал в трубку:

— Выезжаю.

Вскоре, гараж наполнился звуками работающих станков, стуками, звоном металла, визгом болгарки. Техей принялся за работу, пытаясь вспомнить как работало все то оружие, что он видел за свою жизнь. Не сказать чтобы он видел много, но кое-что собрать мог. Баф же в это время занялся чем-то своим, большой прорезиненной палкой наподобие дубинки, подключенной к объемному, тяжелому ранцу на спине.

Фен, лишь только добрался до дома Бафа, принялся сооружать из свободных деталей длинное копье, потому как, в отличие от друзей, никакими особыми техническими навыками не обладал.

— Я знаю куда ее увезли, — сказал под конец работы Техей. — Туда, откуда я сбежал. Ну, когда я с моста упал.

— Если с ней сделают что-то подобное... — процедил сквозь зубы Баф.

— Нет, это со мной сделали до этого всего. Но все-равно ее надо спасать.

— Ясен хрен! — хмыкнул Фен, взвешивая в одной руке получившееся копье. — Мы с тобой, Ти.

Техей, окинув друзей долгим, серьезным взглядом, кивнул. За пояс он убрал длинный нож, в сапог засунул еще один, поменьше, и накинул на одно плечо арбалет собственного производства, примитивный, сделанный из трубы и автомобильной рессоры, но мощный, вполне пригодный, чтобы убить человека.

— Прыгайте, — Баф похлопал по кузову грубой, с торчащими повсюду трубами жесткого каркаса машины.

— Это ж не твоя, — Фен поднял одну бровь.

— Да и похер. Давайте!

Техей и Фен запрыгнули в кузов машины, Баф протиснулся на место пилота с неудобным плетеным креслом из жгутов и двумя рычагами вместо руля. С громким ревом железный зверь завелся, и, скрипя шинами, сорвался с места, понесся по ночному городу.

В Мекинах, что удивительно, было не так много улиц, где можно было ездить на машине. Город, в целом, занимал не очень много места, если считать исключительно площадь, однако был многоуровневым, с множеством воздушных переходов, улицами, нависающими над другими улицами и проходными в зданиях на самых высоких этажах.

Сейчас же троица неслась по нему, игнорируя все правила, нарываясь на штрафы и будущие проблемы, связанные с ними, на выручку своей подруге. Шины истошно скрипели, двигатель рокотал, выплевывая клубы черных выхлопных газов, и вот уже машина несла их на безумной, максимально возможной для этой машины скорости по эстакаде.

План Техея состоял в том, чтобы ворваться в коридоры под амифтеатром-ареной там же, откуда он в свое время сбежал. Через главный вход вломиться бы не получилось при всем желании, а других путей внутрь никто не знал. Не учел Техей одного — теперь у выезда для труповозки дежурили пара охранников, которых поставили туда после побега юноши. Они поднялись на ноги, приготовились стрелять из арбалетов, когда машина резко, с заносом остановилась перед ними, развернувшись на девяносто градусов, но Фен, яростно крича, ударил одного из них копьем в грудь, а второго, уклоняясь от выстрела, ударил по ногам Техей, вооруженный длинным кинжалом. Как только охранник упал, Техей со всей дури врезал ему сапогом по голове, давая шанс на то, что мужчина не умрет окончательно, а лишь потеряет сознание.

Все трое побежали внутрь через одну-единственную узкую железную дверь, и внутри, услышав шум снаружи, их уже ждали люди с арбалетами. Техей толкнул друзей обратно на улицу, и в этот же миг несколько болтов просвистели прямо у него перед носом.

— Ну-ка... — Техей жестом показал Бафу, чтобы тот вытащил из машины подготовленный для этого баллон с метаном и кинул его в коридор.

Здоровяк открыл вентиль, забросил баллон за дверь, в ответ на что снова полетели болты, а вслед за этим Техей, зажав зажигалку Ники в режиме горения, бросил ее внутрь. Газ мгновенно воспламенился, раздался громкий, разрывающий перепонки взрыв, который сорвал железную дверь с петель, и, убедившись, что внутри нет никаких звуков, парни вбежали внутрь.

Техей повел всех за собой, держа наготове кинжал, сверху на эту же руку уперев самодельный арбалет, заряженный и готовый к бою. Юноша, слушая, как по всему телу от самого сердца разносятся вибрации, осторожно заглядывал за углы, проверял, нет ли противников. У троицы определенно было преимущество, связанное с неожиданностью их атаки — вряд ли Сеф, уверенный в своей силе, ждал, что кто-то осмелится прийти спасти никому не нужную девчонку, такую же, как миллионы других. Но они пришли, и готовы были убивать за нее.

Коридоры были на удивление пусты. Не было слышно ни голосов гладиаторов, ни обслуживающего персонала арены. Не было никого, кто мог бы помешать парням. Те, впрочем, не расслаблялись, и со всех ног побежали к кабинету Сефа, который так же оказался пуст.

— Твою ж... — процедил сквозь зубы Техей. — К арене, бегом.

Парни побежали уже на самую арену, проход к которой был словно специально для них открыт, ворота подняты. Техей, крепко сжимая кинжал и арбалет, вошел первым, и сразу же за его спиной решетка ворот с грохотом опустилась вниз, отрезая его от товарищей.

— Техей! — воскликнул Фен.

— Бегите к машине! Живо! — ответил он им. — Бегите, это ловушка!

Но было слишком поздно — из коридоров, окружая Фена и Бафа, приближались люди, громко топя ногами — в броне, с хорошими мечами, сетями. Баф крепче сжал в руке свою дубинку, нажал на кнопку и та сверкнула, шелкнула мощным разрядом электричества.

— Иди за ней, Ти, — улыбнулся здоровяк. — Мы тут разберемся.

Парни встали, приготовившись отбиваться от окруживших их бойцов Сефа. Техей лишь коротко кивнул им и побежал дальше, на арену, окутанную кромешной темнотой.

Вдруг, один за другим стали зажигаться прожекторы, словно Техей вышел сюда как один из гладиаторов. Юноша крепко сжимал арбалет, водил им из стороны в сторону в поисках врага, но трибуны были пусты. Лишь на отдельном ложе для особых гостей, откуда вещал ведущий игр, стоял Сеф в громоздких стальных доспехах и коринфском шлеме с откидной лицевой частью. Он улыбался своими острыми, сточенными зубами, а рядом с ним вверх ногами болталась связанная по рукам и ногам Ника.

— Я же сказал, Арма... — прошипел Сеф, ухмыляясь. — Что ты сдохнешь на этой арене. Я свое слово держу.

Техей выпустил болт в Сефа, но тот, звякнув, отскочил от его брони словно какая-то зубочистка. Юноша поставил ногу в петлю, стал заряжать еще один выстрел, и в этот момент Сеф нажал на кнопку, открывая ворота в противоположной стороне арены.

Оттуда, из темноты, на Техея взирали четыре глаза отвратительного чудовища, гибрида огромной собаки и льва. Чудовище, утробно рыча и истекая слюнями из длинной, полной острых, тонких зубов пасти, медленно, шаг за шагом стало выходить на арену. Химера была куда больше и опаснее чем все, что видел до этого Техей.

— А эту херотень, — Сеф усмехнулся. — Мы отловили на брошенной стоянке твоего племени. Походу от вас несет так, что вот такие вот твари сбегаются.

Техей не обратил на оскорбление никакого внимания. Он крепче сжал кинжал здоровой рукой, левой при этом целясь из арбалета в чудовище. Тугая тетива звонко тренькнула, самодельный болт устремился в цель, но чудовище одной лишь лапой легко отбило его. Издав жуткий, ни с чем не сравнимый рев, чудовище бросилось на Техея, раскрыв пасть.

Юноша нырнул в бок, кувырком уклоняясь от несущейся на него махины. Приземлившись, он скинул с себя арбалет, сняв лямку с плеча, и бросил его за ненадобностью. Это чудовище можно было победить лишь подобравшись поближе, а арбалет был достаточно тяжелым, чтобы замедлять парня.

— Давай, крепче нож держи! — привычные ему обычные голоса кричали в голове, сбивая с толку, но хоть немного успокаивая юношу.

— Нож! Брошь! Ложь! — скандировал голос девочки.

— Принцесса ждет, герой. Действуй! — требовал низкий, приятный мужской голос.

Техей бросился вперед, все его тело на мгновение превратилось в одну большую пружину, что выстрелила, выскочила на зверя. Но и тот не зевал — длинные, крючковатые когти сверкнули в свете прожекторов, и когда Техей свободной рукой сорвал с себя рубашку, отвлекая тканью зверюгу, та успела ударить лапой по груди юноши, оставляя глубокие, кровоточащие следы поверх белесых шрамов ран, залеченных Никой. Свежие раны словно жгло огнем, зверюга явно была не такая простая и имела еще парочку козырей, которые юноша еще не видел, но и он был готов к бою.

Размахивая тканью, что он сжимал в вытянутой левой руке, он стал дразнить разъяренную химеру, выводить ее из себя. Рыча так, что уши закладывало, монстр понесся на Техея, но наткнулся лишь на ткань, которую изорвал в тот же миг когтями, и ударился о высокие трибуны.

Крепче сжав нож, Техей, собрав всю свою силу в ногах, запрыгнул на спину твари, и еще одним прыжком, едва не попав в острую пасть, оказался на трибунах, где химера уже не могла его достать. Зверь бился вниз, царапал огромными когтями бетонные стены но не

мог добраться до своей жертвы, а сам Техей, не медля ни секунды, со всех ног понесся вверх, к особому ложе. Он перехватил кинжал лезвием вниз, так, как его учили, глазами пристально следил за скалящим зубами Сефом, что вынул из ножен ксифос и приставил его к горлу связанной Ники, бьющейся в истерике от страха. Техей замер на мгновение, понимая, что если двинется хоть на шаг вперед — девушка погибнет от руки ублюдка... Но вдруг он захрипел, алая кровь стала булькать из его рта, а внутри его шеи медленно проворачивался вонзенный сзади кривой кинжал. Из тени на свет вышла женщина-аэромантка, странная, слишком уж смелая и какая-то дерганная. Кира, помахав юноше ручкой, пропела:

— Приве-е-ет!

Одним резким взмахом кинжала она перерубила стяжки, которыми были скованы руки и ноги Ники, а вторым — разрезала веревку, на которой та была подвешена. Девушка с грохотом упала на пол, поднялась и тут же бросилась вниз, на трибуны, где ее ждал Техей. Она бросилась ему на шею, крепко обнимая — все лицо красное от слез, тушь размазалась по щекам, а волосы были похожи на птичье гнездо.

— Прости, прости, прости меня... — раз за разом повторяла она, шептала, чуть не плача.

Техей приобнял ее, но расслабиться не мог. Кто была эта странная аэромантка, что вдруг откуда ни возьмись так удачно появилась здесь именно сейчас?

— Хватит бегать, Техей, — раздался леденящий душу, холодный, как айсберг, голос Майи Бортеас.

Техей обернулся. Из-за поднятых решетчатых ворот медленно выходила Архитектор, суровым взглядом буквально прожигая Техея насквозь. Химера, чуть не убившая его, лежала, истекая кровью, на пустой арене.

Вибрация в теле усиливалась.

— Беги, — прогудел внутри голос.

Подчинение. Власть. Доминирование. Управление.

В Архитекторах действительно было нечто, чего не было больше ни в ком на Плиосе — способность контролировать ситуацию, подчинять своей воле саму вероятность, просчитывать малейшие детали так, чтобы обернуть любую ситуацию себе на пользу. Разумеется, если только им не противостоял другой Архитектор — именно они мешали Бортеас поймать Техея, взять его за горло, прижать к стенке.

Качества, необходимые для создания Архитектора, возвращались в них с раннего детства. Та же Тея, принцесса водного племени, чье водохранилище было разрушено из-за Майи Бортеас, неосознанно готовилась к тому, чтобы самой стать Архитектором всю свою жизнь. Бортеас направляла ее отца, ее окружение в таком русле, чтобы воспитать в девочке сильного, стойкого лидера — и справилась с этим. Но совершенно не обязательно было возвращать именно лидера — человек мог быть выдающимся в чем-то другом, как, например, юный аэромант по имени Кай, который тоже мог бы стать претендентом на звание Архитектора благодаря своей беспринципности и способности стоять на своем. Даже его мать, иерия Охимна, вынуждена была сыграть по его правилам потому, что юноша увидел в Техее спасение для его цеха аэрации. В нем сочетались стойкая воля, смелость и дальновидность, возвращенные его племенем.

В Стефане Неросе, дитя проклятого безумием племени термомантов, тоже были определенные черты. Да, он был агрессивен, импульсивен из-за зелья, что отравляло его племя, однако его господин, Архитектор Хеос, придерживался несколько иных взглядов касательно необходимых Архитектору качеств. Стефан, с точки зрения биологии, был практически совершенен — его мышцы росли сами по себе, рефлексy были остры, как лезвие бритвы, а интеллект, подавленный наркотиком, превосходил таковой даже у лидера его семьи. И все благодаря долгим, упорным процессам селекции и форсированных генетических изменений, начатых в качестве эксперимента еще учителем старого Хеоса.

В Техее была вибрация. Сплошная сила, природу которой ни юноша, ни кто-либо из тех, что окружали его, не понимал. Сущность, казавшаяся окружающим бредом сумасшедшего, а Техею — существом неизвестного происхождения, что мучает его с рождения. Она струилась в его руках, в его ногах, и в ней не было ничего сверхъестественного, лишь контроль. Полный контроль над телом юноши, столь много раз израненным и измученным долгими битвами, лишениями и страданиями.

— Ты подчинишься, — голос, разрывая череп изнутри, гудел в его голове.

Каждая клетка организма, каждая частица того, что на физическом уровне было Техеем из Ортеан сейчас стало сплошной вибрацией. Юноше даже не нужно было отвечать Этому — эта сила и без его ответа знала, что он согласен. У него просто не было выбора.

Правая рука стиснула пластмассовую рукоять кинжала. Казалось, будто бы юноша чувствует, как движутся вслед на клинком молекулы воздуха, вредные газы и гарь. Как лезвие разрезает затхлую атмосферу Плиоса.

Левая рука крепче прижала Нику. Сущность не собиралась ей жертвовать, отнюдь — нельзя было портить отношения с хозяином тела, напротив, для этого вибрация продумывала план, как защитить девушку. В голосе не было эмоций, не было сострадания и понимания простых человеческих концепций, придуманных людьми еще на заре существования вида в

пылу бурления гормонов в организме, в жаре бреда и чувств, вызываемых ими. В нем был лишь холодный математический расчет, вероятности, формулы. На мгновение, показавшееся вечностью, Техей будто бы показалось, как перед глазами вспыхнул треугольник с заключенной внутри него трехконечной звездой.

Двое противников. Аэромантка бьет исподтишка, скрытно. Она уже спряталась в тени пока Техей был отвлечен Никой. Где она сейчас юноша не знал, зато отчетливо видел Майю Бортеас, сжимающую в руке окровавленный нож.

И Техей, и вибрация внутри понимали, что в этом бою им не победить. Майя Бортеас зверь в человеческом обличье, сумела зарезать гигантскую химеру так, что Техей этого даже не заметил, готовясь к бою с уже холодеющим Сефом. Бортеас и глазом не моргнет, как перережет юноше горло, а он этого, наверное, даже не заметит.

Чувства обострились, надпочечники впрыскивали все больше и больше адреналина в кровь. Запахи, ощущения, звуки, даже вкус местного воздуха, пропахшего смертью и азартом — все ощущалось так явственно, что, казалось, ничего не может укрыться от Техей. Кире, аэромантке на службе Бортеас, впрочем, это удавалось, и самым пугающим было то, что она прямо сейчас могла стоять у него за спиной. Бесшумная убийца, вершина мастерства убийц-аэромантов, занесла над юношей свой длинный нож, и, подчиняясь вибрации, Техей резко поднял свой кинжал над затылком, вслепую, по одним лишь ощущениям легкого движения воздуха, по движению едва отросших волос отбил ее клинок своим, ошарашив убийцу.

— Воу! — не удержавшись, воскликнула она, отшатнувшись назад.

Техей резко обернулся. Он сделал это. По одним лишь крошечным, практически несуществующим ощущениям он смог отбить смертельный удар. Так ему, во всяком случае, казалось — на деле же убийца не билась и вполсилы. Тем не менее, такой финт удивил даже ее.

— Держи ее, — приказал голос.

Техей крепче прижал к себе Нику, а затем, повинувшись внутреннему хозяину, резко закинул ее, визжащую, себе на плечо, и вместе с ней прыгнул вниз, на арену.

— Отзови ее, — сухо, не своим голосом сказал Техей, бросив короткий взгляд на Архитектора, своего заклятого врага. — Или я ее убью.

— Прислушайся, — вибрация коснулась самых кончиков ушей. — Двадцать секунд.

— Не превращай это в фарс! — воскликнула Бортеас, крепче сжав рукоять своего украшенного узорами ножа.

— Отвлекай ее, — приказал голос.

Техей медленно, все еще с Никой на плече, стал описывать круг вокруг своего противника, шаг за шагом. Он слышал, как снаружи крики бойцов покойного Сефа сменились другими голосами, приказами и сплошными "так точно" и "слушаюсь". И это были не гвардейцы Бортеас.

В конечном итоге, приближение их заметила и сама Архитектор. Она, не оборачиваясь, отошла на пару шагов от ворот, за которыми слышались голоса, звуки боя. Стиснула зубы, понимая, что ситуация стала на порядок сложнее.

И, наконец, когда гвардейцы нашли путь к пультам управления и ворота с обеих сторон арены открылись, Техей стал отступать назад, в темный коридор, а Майя бросилась на него, приготовив нож к атаке. Юноша резко, развернувшись, бросил Нику за ворота, в развороте же кинжалом отбил медленный, но мощный удар Бортеас, от которого клинок его некачественного кинжала с громким звоном откололся, и упал на землю, делая подкат в

сторону Архитектора. Она поймала его ногу, нацеленную в нее, своими ногами, занесла было над юношей нож, но тот выхватил из ботинка запасной клинок и молниеносно вонзил его Архитектору в бедро.

— С-с-сука! — прошипела та, выпуская юношу из своей хватки.

— У тебя секунда, — прогудел голос.

Техей бросился за ворота, на бегу хватая Нику за руку и вместе с ней убегая прочь по коридорам, пока гвардейцы с белыми гребнями на шлемах заполняли арену. Бортеас быстро вытащила из поясной сумки дымовую пашку, выдернула чеку и, заполонив все густым белым дымом, побежала вслед за Техеем, оставив гвардейцев, что преследовали ее, позади.

Ника едва поспевала за внезапно ставшим таким сильным, таким быстрым юношей. Всего пару месяцев назад он был уродцем, которому требовалась забота и уход, ради которого она влезла в долги и взяла денег у могущественного хозяина арены, а теперь он сам спасал ее из лап сил, которые она даже не понимала.

Они бежали, бежали по длинным коридорам, по пожарной лестнице наверх, в вестибюль амфитеатра, заполненный гвардейцами. Они едва успели показаться из-за угла, как в них полетели стальные болты, а Техей едва успел отбросить в сторону девушку, сам попадая под обстрел — короткий болт прошел его плечо насквозь, правая рука едва была способна двигаться, по белой коже побежали струйки крови.

— Вот ведь... — зашипел он от боли, в панике пытаясь найти другой выход.

Снаружи послышался шум винтов, над амфитеатром кружил вертокрыл, ярким прожектором освещая все вокруг — пустыри, заполненные старыми трубами, огромные ЛЭП, заброшенные здания.

Медлить больше нельзя — Бортеас быстро приближалась, вот-вот доберется до них. Техей, крепче сжав руку Ники здоровой левой рукой, вместе с ней со всех ног понесся выше по лестнице, на крышу здания.

Наверху их сразу же окутал яркий свет прожектора вертокрыла. Техей оказался в западне, снизу к нему приближалась Майя Бортеас, сверху наставили на него сверкающую в полумраке баллисту, установленную на кружащую вокруг крытого амфитеатра машину.

— Веришь мне?! — закричал Техей, глядя Нике прямо в глаза.

— Да! — воскликнула она в ответ.

Крепче стиснув ее руку четырьмя пальцами, Техей вместе с ней побежал прочь по крыше здания, под огнем многозарядной баллисты. Длинные, тяжелые снаряды вонзались в бетон совсем рядом с ними, свистели, рассекая воздух, но они сумели добежать до конца крыши и, зажмурившись, прыгнули вниз, на крышу уносящегося в темный тоннель поезда.

Ника едва не соскользнула с крыши, но Техей, крепко держа ее одной рукой и громко крича от боли, второй вцепился в воздухозаборник вагона, пока железный змей с огромной скоростью уносил их прочь. Брызгая кровью из пронзенной руки, он, вложив все оставшиеся силы, стал вытягивать девушку на крышу, едва успев до того, как мимо пронеслась бетонная колонна, с которой начался тоннель.

— Прижмись! Прижмись к крыше! — кричал он ей, зажмуриваясь от режущего потока воздуха.

— Да знаю я! — кричала она в ответ.

Мимо с жужжанием разрывающегося воздушного потолка, прямо над их головами, пронеслась сошедшая с места железная балка, задев кончики волос на голове Техея. Сердце безумно колотилось от страха, мимо пролетал черный, освещаемый лишь светом

зарешеченных окон тоннель, в котором как кишечные паразиты вились толстые электрические кабели.

С ужасным скрипом, с шипением поезд стал замедляться, подъезжая к станции. Юноша знал — там их уже ждут, и избежать засады он никак не может, лишь оттянуть немного момент встречи с гвардейцами, приготовившими оружие там, на станции.

Как только поезд остановился, Техей резко дернул руку Ники на себя, перекатываясь влево. Под ее громкий крик, под свист болтов, летящих в потолок станции, они упали сбоку от поезда, в узком, жалком промежутке между вагоном и стеной, отделанной белым кафелем. Они быстро, насколько это возможно, стали пробираться вперед, но и там, в проходе в тоннель, их уже поджидали гвардейцы. Техей потянул девушку за собой, полез вниз, под поезд, в технический желоб.

— Они внизу! — прикрикнул капитан гвардейцев. — Отведите поезд, быстрее!

— Хватайся здесь! — Техей судорожно разглядывал те части вагона, что находились под его дном.

Он мало чего понимал в электрической технике — все машины петрамантов были сплошной механикой на механике, дизельные и бензиновые строительные монстры. Это — совершенно другое дело. Но где трогать не стоит Техей догадался по желтым, обозначающим опасность треугольникам.

Сам он, стиснув зубы от боли, попытался сперва держаться под вагоном одной левой, но четырех пальцев просто не хватало, они начинали неметь, а внизу все ускорялись шпалы железнодорожных путей. Поэтому, едва не крича от боли, юноша схватился обеими руками за ручку металлической коробки, внутри которой было нечто, что нужно было защищать от грязи и влаги, и уперся ногами в металлическую структурную балку.

— Я не могу, Техей! — воскликнула Ника, чувствуя, как немеют от напряжения тонкие пальцы, как горят огнем, казалось, все мышцы в теле.

— Держись! Еще немного! — только и мог воскликнуть он, когда поезд на огромной скорости уже вовсю несся по темному тоннелю.

— Я не могу! — закричала она еще громче, ее пальцы начали соскальзывать.

И юноша, понимая, что это, вероятно, обойдется ему разрывом связок, на весу переставил ноги так, чтобы верхняя половина тела девушки поддерживалась ими. Он до боли прикусил губу, пытаясь не закричать от боли, чувствуя, как его мышцы работают на пределе, как кровоток в артериях, венах и сосудах вскипает, но держался. Держался, чтобы спасти ее.

Наконец, поезд стал замедляться. Зашипели едким паром тормоза, засвистели колодки, все тише становился гул и тихое, утробное гудение силовых установок в вагоне. Когда рельсы под ними перестали двигаться, оба упали вниз, совершенно обессиленные, перепачканные сажей, грязью и густой пылью. Дождавшись, когда поезд уедет прочь, они кое-как, медленно вылезли на платформу и там снова рухнули на пол, пытаясь отдышаться. Всего минута, краткий миг был у них на передышку, пока никто не понял где они.

— Тебе... Надо уходить, — глотая ртом воздух прохрипел Техей.

— Ты знай, это было... Вау, — девушка нашла в себе силы усмехнуться.

По бетонной лестнице, ведущей на станцию, загрели шаги тяжелых ботинок гвардейцев. В параллельном тоннеле рычал, надрываясь, мотоцикл Майи Бортеас.

Техей вскочил на ноги, едва в силах переставлять их, хоть как-то шагать, и стал ковылять к краю платформы, дожидаясь подходящего поезда. Ника подбежала к нему, обеими руками обхватила его лицо и крепко, нежно впиалась в его губы коротким, но

искренним поцелуем так, как она не целовала никого до этого дня. С тяжелым дыханием нехотя разорвав поцелуй, она тихо сказала:

— Ты... Нечто.

Техей, смущенный, замялся. Все, что он смог из себя выдать, обрело форму всего одного слова:

— ...окей.

Она схватила его за руки, крепко прижала к себе, обнимая. Техей тихо, облегченно выдохнул. И когда подошел поезд, когда открылись двери, она толкнула его внутрь вагона, а сама побежала навстречу гвардейцам, что-то громко крича.

— Нет! — закричал Техей и бросился за ней, но было слишком поздно.

Двери вагона с грохотом захлопнулись прежде, чем гвардейцы добежали до кабины пилота. Железный змей быстро набирал ход, удаляясь в тоннель, а Техей в отчаянии бил кулаком по мутному стеклу, истошно крича и умоляя их не трогать ее. Гвардейцы окружили девушку, она бросила последний взгляд на уходящий вдаль поезд.

— ...истории нужна концовка, — улыбнулась она промелькнувшей в голове глупой, наивной мысли.

Поезд мчался вперед, плутая в запутанных, окутанных лишь крошечной, непроглядной тьмой тоннелях. Техей, прислонившись к двери с другой стороны вагона, пустым взглядом смотрел куда-то вдаль, в некую точку, которую видел сейчас только он. В такой час никто никуда не ездил, город спал, и лишь один альбинос с черными, крашеными волосами мчался куда-то, сам уже не понимая зачем и ради чего.

Каждую станцию по хрипящему динамику объявлял пилот поезда — его голос был едва различим в шуме работающей машины, скрипа тормозов, гула ветра в тоннеле. Но все же Техей слушал. Слушал и ждал. Теперь оставалось лишь дойти до конца, закончить то, что началось черт его знает когда. Юноша уже не был уверен что убийство Эола запустило всю эту кровавую цепочку событий — теперь все казалось лживым, неправильным и недосказанным. Как будто в той картине мира, которую выстроил для себя Техей, со злыми Архитекторами и храбрым подпольем, тут и там пестрели белые пятна, а некоторые детали были вывернуты наизнанку, искажены. Что-то определенно было не так, но юноша — уже не мальчик — никак не мог понять что. Но это и неважно. Его дело — передать карты, начертить их, скопировать, размножить, и пусть легионы воинов пойдут войной на Эдем, что выстроили для себя властители планеты. Главное... Главное дойти. Не засыпать, не поддаваться бессилию и кровопотере. Затеряться в тоннелях, на улицах, в цехах, на кладбищах и свалках, затеряться...

Хриплый динамик объявил, что поезд подъезжает к главной АЭС. Никто не ждал Техея снаружи, не наставлял на него оружие, не хлопал по плечу и не предлагал помощи. Никто, кроме, разве что, троицы ребят, с которыми он успел подружиться в Мекинах, не знал, что он здесь. Значит, из них это еще не успели вытянуть.

Стиснув зубы, отгоняя от себя мрачные мысли, мальчик поплелся наружу. Медленно, шаркая вялыми, гудящими от боли ногами, он медленно плелся вперед, не видя перед собой дороги. Лишь сияющие громады градирен, упирающихся в высокий потолок, выглядывающих наружу, выпускающих пар в атмосферу Плиоса. Генератор облаков на ядерном топливе — так шутили про это место в некоторых цехах, когда раз в столетие проливался на землю дождь.

Мимо них, дальше, дальше... Туда, в сторону мрачного блока настолько плотно стоящих

друг к другу зданий, что между ними совершенно не было улиц. Одно сплошное безобразное строение, возвышающееся над головой — бюрокластер, преисподняя бюрократии и бумажной волокиты, где тысячи мойр-специалистов считают, заполняют, перекладывают и передают, бумажки к бумажкам, папочки к папочкам. В таком месте несложно затеряться.

Техей уже даже не слышал как за его спиной рокотал мотор мотоцикла. Лишь когда Бортеас резко затормозила прямо перед его носом, с визгом шин боком проносясь еще несколько метров, он остановится.

— Оружие, — приказал вибрирующий голос в голове.

Техей выдернул торчащий из плеча железный болт, разрывая мышцы. Взял его острым концом вниз, словно нож, истекая кровью, заливая ей покрытую бетоном, искусственную землю под ногами, пыльную и потрескавшуюся.

— Остановись! — закричала на него Бортеас, держа руки на руле. — Стой, Техей! Ты истечешь кровью!

— Ты убила... — тихо прошептал едва слушающимися его потрескавшимися губами Техей. — Убила... Эола...

— Я не отдавала такой приказ, его убили не мои люди.

Бортеас, кажется, была серьезна. Она обеспокоенно смотрела на израненного, медленно умирающего юношу, что покачивался даже просто стоя на месте.

— Я не убивала его, Техей. И тебя не собиралась, — уже тише сказала она. — Я пытаюсь тебе помочь, идиот!

Техей поднял на нее взгляд своих уставших, потухших глаз. Он отказывался верить в ее слова.

— Она не лжет, — настаивал голос в голове.

— Я тебе не враг, пойми ты наконец! Техей!

Юноша упал на колени, силы покидали его. Архитектор слезла с мотоцикла, сделала шаг вперед.

— Идем со мной, — хрипло сказала она, глядя Техею прямо в глаза. За ее спиной, через провалы в потолке, пробивались первые лучи солнца. — И я дам тебе силу найти того, кто начал все это.

Женщина протянула руку.

Больше книг на сайте - Knigoed.net